АЗБУКА ВЕРЫ

(Невидимов) Тихон, архимандрит

Тропы Афона

Художественная литература · azbyka.ru

Тропы Афона – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/tropy-afona

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Тропы Афона

(Невидимов) Тихон, архимандрит

О духовности. Почему я решился оставить эти записи

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Не знаю, кому суждено будет прочитать эти листы. Быть может, их никогда никто не увидит. Быть может, ветер, что веками гуляет по склонам Святой Горы, однажды разнесёт их по камням и ущельям. А может быть, Господь сохранит их для одной-единственной души, которая, устав от шума мира, станет искать не новых знаний, а Живого Бога.

Я долго противился мысли писать. Старцы Афона учили меня, что слово легко рождает тщеславие, а молчание – смирение. И потому многие годы я старался больше слушать, чем говорить, больше плакать, чем рассуждать, больше молиться, чем объяснять. Но чем ближе становится вечер моей жизни, тем сильнее рождается желание засвидетельствовать не о себе, а о великом милосердии Божием.

Я не пишу своей истории.

В моей жизни нет ничего такого, чему следовало бы удивляться. Я не совершал великих подвигов, не видел небесных знамений и не имею дерзновения называть себя человеком духовным. Если бы Господь хоть на одно мгновение оставил меня самому себе, я погиб бы среди собственных помыслов гораздо раньше, чем среди искушений мира.

Пишу только о том, как Господь терпеливо учил меня.

Он учил меня не книгами, хотя и через книги говорил. Не словами старцев, хотя и через них открывал истину. Он учил меня самой жизнью. Скорбями, которых я боялся. Ошибками, которых стыдился. Падениями, после которых уже не надеялся подняться. Долгим ожиданием там, где хотелось немедленного ответа. Молчанием там, где я просил слова. И милостью там, где ожидал лишь справедливого суда.

Теперь я начинаю понимать: всё, что приходило в мою жизнь, было не случайностью, а уроком любви Божией.

Много лет я думал, что духовность заключается в том, чтобы узнать как можно больше о Боге. Потом мне казалось, что она рождается из долгих молитв и строгого поста. Позже я надеялся найти её в безмолвии, одиночестве и чтении святых книг. Но Господь разрушал каждую мою уверенность, пока не осталось ничего, кроме нищеты сердца.

И тогда впервые стало открываться самое удивительное: духовность начинается не тогда, когда человек много знает о Боге, а тогда, когда он перестаёт надеяться на самого себя.

Чем дольше живу, тем яснее вижу, что самая трудная дорога проходит не через горы и пустыни, а через собственное сердце. Нет пути длиннее, чем путь ума к сердцу. Нет битвы тяжелее, чем борьба с собственной гордыней. Нет победы славнее, чем научиться обвинять себя прежде других. И нет большей радости, чем почувствовать, как благодать Христова тихо касается души, переставшей оправдывать себя.

Многие ищут чудес. Но самым великим чудом остаётся сердце человека, которое из каменного становится живым. Многие хотят увидеть ангелов. Но неизмеримо труднее увидеть собственную гордость. Многие просят у Бога силы изменить мир. А Господь сначала предлагает изменить самого себя.

Я всё ещё учусь этому.

Каждый день убеждаюсь, что знаю о духовной жизни меньше, чем думал вчера. Каждый день открываю новые глубины собственной немощи. И вместе с тем каждый день всё яснее вижу бездну Божественного милосердия. Пока человек смотрит на себя без Бога, он приходит в отчаяние. Но когда смотрит на себя перед лицом Христа, отчаяние постепенно превращается в покаяние, а покаяние – в тихую надежду.

Эти записи не являются наставлением. Они – следы долгого пути, на котором Господь бесчисленное множество раз поднимал меня после падений. Если здесь встретится что-либо доброе, знай, читатель, что это принадлежит Богу. Если же найдёшь немощь человеческого слова, припиши её мне, ибо я остаюсь тем же человеком, который ежедневно нуждается в покаянии.

Если Господь благословит, то дальше я расскажу не о себе, а о том, что постепенно открывалось моей душе. О духовности, которую невозможно приобрести книгами. О сердце, которое Господь очищает через скорби. О смирении, которое оказывается сильнее всякой человеческой мудрости. О любви, которая рождается только там, где человек перестаёт жить для самого себя.

И если хотя бы один человек, прочитав эти простые записи, захочет не спорить о Боге, а искать Его всем сердцем, значит, мои последние годы молчания не были напрасны.

Часть I. Пробуждение души

Запись 1. Почему человек не может жить без Бога

Сегодня ночью долго не приходил сон. Ветер ударял в ставни кельи, море глухо шумело где-то внизу, а лампада перед образом Спасителя то разгоралась, то едва теплилась. В такие часы особенно ясно чувствуешь, как мало нужно человеку для жизни и как много – для спасения.

Я подумал о людях, живущих далеко отсюда. Многие из них никогда не были в монастыре, не читали творений святых отцов, не знают Иисусовой молитвы. Они строят дома, воспитывают детей, трудятся, радуются, печалятся, любят, теряют близких и снова начинают жить. Внешне кажется, что человек может прожить без Бога. Но только внешне.

В глубине сердца каждого человека есть место, которое не принадлежит этому миру. Оно не насыщается хлебом, не успокаивается богатством, не наполняется славой и не исцеляется человеческой любовью. Пока человек не прикоснётся к своему Творцу, это место остаётся пустыней. Одни стараются заглушить эту пустоту развлечениями, другие – работой, третьи – знаниями, четвёртые – властью. Но пустота не исчезает. Она лишь на время скрывается под шумом жизни.

Когда я был моложе, мне казалось, что человек ищет Бога потому, что боится смерти. Теперь вижу, что это не так. Он ищет Бога потому, что создан для Него. Рыба не может жить без воды не потому, что боится погибнуть, а потому, что такова её природа. Так и человеческий дух не может жить без Бога. Он может долго этого не понимать, может спорить, отрицать, смеяться

над верой, но сердце всё равно будет искать Источник, из Которого произошло.

Один старец рассказал мне о паломнике, который объехал почти весь мир. Он видел великие города, беседовал с учёными, приобрёл богатство и уважение. Но однажды пришёл к старцу и признался:

– Я достиг почти всего, о чём мечтал, однако никогда ещё не чувствовал такой внутренней пустоты.

Геронда молча налил воды в деревянную чашу, поставил её перед паломником и сказал:

– Человеческую жизнь можно наполнить знаниями, успехом, богатством, впечатлениями и славой. Но всё это не способно наполнить душу. Лишь живая вода Божией благодати утоляет её жажду и делает человека по-настоящему живым. Поэтому внешняя полнота жизни нередко скрывает глубокую внутреннюю пустоту.

Тогда я ещё не понял глубины этих слов. Теперь понимаю: душа становится пустой не потому, что ей чего-то не хватает в мире, а потому, что она живёт в разлуке с Богом.

Святые отцы говорили, что человек создан по образу Божию. Долго я думал, что это означает только разум, свободу или способность любить. Но с годами стало открываться нечто более глубокое. Образ Божий – это не просто дар. Это призвание к общению с Тем, Чей образ мы носим. Икона существует ради первообраза. Если её навсегда отделить от него, она перестанет исполнять своё назначение. Так и человек, отвернувшийся от Бога, не перестаёт быть человеком, но начинает жить ниже той высоты, для которой был сотворён.

Многие думают, что грех – это прежде всего нарушение заповеди. Но мне всё чаще кажется, что всякий грех начинается раньше. Он начинается в ту минуту, когда сердце перестаёт искать Бога и начинает искать жизнь без Него. Тогда постепенно меняется всё: мысли становятся беспокойными, желания – ненасытными, чувства – неустойчивыми, а совесть – всё тише. Душа напоминает дом, из которого вынесли светильник. Стены остаются прежними, но жить в нём становится невозможно.

В молодости я часто спрашивал духовника, почему Господь не открывает Себя каждому человеку так ясно, чтобы исчезли все сомнения. Геронда улыбнулся и ответил:

– Солнце светит каждому, но слепой не видит его не потому, что солнца нет, а потому, что нужно исцелить глаза.

Тогда мне показалось, что он не ответил на мой вопрос. Теперь понимаю: Бог непрестанно обращается к человеку – через красоту мира, через голос совести, через радость, через скорби, через встречу с добрым человеком и даже через внутреннюю тоску, которую ничто земное не может утолить. Но чтобы услышать этот тихий призыв, сердце должно начать пробуждаться.

Иногда люди спрашивают, где начинается духовная жизнь. Не в монастыре. Не с длинных молитв. Не с чтения множества книг. Она начинается с честного признания: «Без Бога я не могу стать тем, кем был создан». Пока человек надеется наполнить своё сердце одним лишь миром, он будет переходить от одного источника к другому и всякий раз уходить с жаждой. Но когда он впервые обратится ко Христу не из любопытства, не из страха и не ради выгоды, а потому что узнал собственную нищету, тогда Господь Сам начинает вести его по пути, которого он прежде не видел.

Сегодня, погасив лампаду перед рассветом, я снова подумал: вся моя жизнь была не чем иным,

как медленным возвращением домой. И, быть может, духовность начинается именно здесь – не с ощущения собственной силы, а с тихого узнавания Отчего голоса, Который с первых дней жизни зовёт каждого человека одним и тем же словом: «Вернись».

Запись 2. Что такое духовность

Сегодня после Божественной Литургии я долго не уходил из храма. Братья уже разошлись по своим послушаниям. В каливах застучали топоры, где-то заскрипели двери, кто-то понёс воду из колодца. Только в храме всё ещё стояла такая тишина, словно сама вечность задержалась между небом и землёй.

Я смотрел на мерцающее пламя лампады и думал, как часто люди произносят слово «духовность», не понимая, о чём говорят.

За долгие годы мне приходилось встречать самых разных людей. Одни называли духовностью образованность, другие – добрые дела, третьи – возвышенные чувства, четвёртые – увлечение тайными знаниями. Некоторые полагали, что духовность – это особое душевное состояние, которое можно обрести чтением книг, медитацией или красотой природы. Но всё это – лишь прикосновение к человеческой душе, а не к её Творцу.

Однажды старец сказал мне слова, смысл которых я понял лишь спустя много лет:

– Сын мой, духовность – это не жизнь человека ради духа, а жизнь человеческого духа в Духе Божием.

Тогда мне показалось, что различие невелико. Теперь вижу: в этих словах заключена пропасть между человеческой мудростью и Евангелием.

Всякое доброе качество души ещё не делает человека духовным. Можно быть честным, справедливым, образованным, милосердным, даже жертвенным, и при этом жить лишь собственными силами. Такой человек достоин уважения, но духовность начинается там, где человек перестаёт быть единственным источником своей жизни.

Господь сказал: «Без Меня не можете делать ничего». Долгое время я понимал эти слова слишком поверхностно. Мне казалось, что речь идёт лишь о великих подвигах святости. Но постепенно стало открываться другое: без Бога человек может совершить множество добрых поступков, построить прекрасную семью, написать мудрые книги, создать произведения искусства. Но он не может победить смерть, исцелить повреждённую грехом природу и восстановить в себе полноту образа Божия. Это возможно лишь тогда, когда в человеке начинает действовать благодать Святого Духа.

Теперь всё чаще думаю, что духовность невозможно создать собственными усилиями. Её нельзя выучить, купить или заслужить. Она рождается там, где человеческое сердце перестаёт сопротивляться Богу.

Мы привыкли говорить: «Я живу». Но духовный человек постепенно начинает понимать другую истину: если Дух Святой перестанет поддерживать меня хотя бы одно мгновение, исчезнет не только моя молитва – исчезнет сама жизнь. Мы существуем потому, что Бог непрестанно сообщает нам бытие. Но духовность начинается тогда, когда человек не просто существует благодаря Богу, а сознательно живёт Им и в Нём.

Один старый афонский монах однажды показал мне виноградную лозу, обвившую стену его кельи. Он осторожно коснулся одной молодой ветви и спросил:

– Как ты думаешь, откуда здесь появляется сок?

Я ответил:

– От корня.

Он улыбнулся.

– А если ветвь отделить?

– Она засохнет.

Геронда долго молчал, а потом сказал:

– Вот и всё богословие духовной жизни.

Тогда я вспомнил слова Спасителя: «Я есмь Лоза, а вы ветви». Мы часто думаем, что духовность – это украшение жизни. На самом же деле она – сама жизнь. Ветвь не становится суше в тот день, когда её отделяют от лозы. Она ещё некоторое время остаётся зелёной. Но жизнь уже ушла из неё. Так бывает и с человеком. Он может ещё долго казаться сильным, успешным и счастливым, хотя душа его уже начала увядать.

Иногда мне кажется, что самая страшная беда нашего времени состоит не в неверии, а в подмене духовности. Люди ищут необычных ощущений вместо покаяния, силы – вместо смирения, знания – вместо любви, переживаний – вместо благодати. Душа незаметно начинает любоваться самой собой, принимая это за духовный рост. Так рождается тончайшая гордыня, которую святые отцы называли прелестью.

Истинная духовность никогда не восхищается собой. Она всё больше видит величие Божие и собственную немощь. Потому преподобный Силуан Афонский, уже достигнув высокой меры святости, продолжал плакать о всём мире и считать себя хуже всякого человека. Не потому, что унижал себя ложными словами, а потому, что свет Божий открывал ему такую глубину собственного сердца, какую невозможно увидеть без благодати.

Чем ближе человек подходит к огню, тем яснее замечает каждое пятно на своей одежде. Так и душа, приближаясь ко Христу, не становится мрачнее – она становится честнее. Она перестаёт оправдывать себя и начинает благодарить Бога даже за то, что ей открывается её собственная немощь.

Теперь, прожив многие годы на Святой Горе, я осмеливаюсь сказать лишь одно. Духовность – это не особое дарование и не удел немногих избранных. Это жизнь Святого Духа в человеке и человека – в Святом Духе. Всё остальное – лишь подготовка к этой великой встрече.

И чем больше благодать входит в сердце, тем меньше человек говорит: «Посмотрите на меня». Всё чаще он шепчет: «Не мне, Господи, не мне, но имени Твоему дай славу».

Пожалуй, именно с этой тихой молитвы и начинается настоящая духовная жизнь.

Запись 3. Дух, душа и тело

Сегодня на рассвете я сидел на камне над морем. Ночь медленно уступала место утру. Сначала посветлело небо, потом серебром заблестела вода, а ещё через некоторое время первые лучи коснулись вершины Афона. Я подумал: как постепенно приходит свет. Не сразу. Так же

постепенно Господь открывает человеку и тайну его собственного сердца.

Многие годы я был уверен, что знаю самого себя. Я знал свои привычки, желания, слабости и страхи. Но чем дольше жил в молитве, тем яснее понимал: человек остаётся величайшей загадкой для самого себя. Легче изучить устройство мира, чем проникнуть в глубину собственного сердца.

Однажды один молодой послушник спросил старца:

– Отче, кто я?

Геронда ответил неожиданно:

– Если проживёшь всю жизнь и узнаешь хотя бы половину ответа на этот вопрос, благодари Бога.

Тогда мне показалось, что старец уклонился от ответа. Теперь понимаю: он сказал самую глубокую истину.

Священное Писание открывает нам, что человек состоит из тела, души и духа. Это не три отдельных существа, живущих рядом друг с другом, а единая человеческая личность, в которой всё тесно связано. Как пламя, свет и тепло невозможно отделить друг от друга, так и тело, душа и дух составляют одного человека.

Тело связывает нас с видимым миром. Через него мы трудимся, видим красоту творения, слышим человеческий голос, ощущаем боль и радость. Само по себе тело не является ни врагом, ни препятствием духовной жизни. Господь создал его добрым, и Сам Сын Божий воспринял человеческую плоть. Поэтому Церковь никогда не презирала тело. Она учит не ненавидеть его, а освящать.

Душа делает человека живым существом. В ней живут память, чувства, воображение, разум, воля, способность любить, страдать, радоваться и принимать решения. Именно здесь происходит большая часть нашей внутренней борьбы. Душа подобна морю: иногда она спокойна, иногда волнуется, иногда её покрывают бури страстей, а иногда благодать делает её тихой, как гладь воды на рассвете.

Но есть в человеке ещё большая глубина – дух.

Долго я думал, что дух – это просто высшая часть души. Однако святые отцы научили меня смотреть глубже. Дух – это та глубина человеческого существа, которой человек способен обращаться к Богу, принимать благодать и жить вечностью. Если душа может быть обращена к миру, то дух обращён к своему Творцу. Именно здесь рождаются вера, благоговение, жажда истины, стремление к вечной жизни и способность к богообщению.

Когда дух соединён с Богом, он постепенно просвещает душу, а душа приводит в порядок тело. Тогда весь человек начинает жить в удивительной гармонии. Но после грехопадения этот порядок оказался нарушен.

Святые отцы часто сравнивали человека с царством. Дух был создан царём, душа – мудрым советником, а тело – верным исполнителем. После отпадения от Бога произошло страшное смятение. Царь ослабел, советник перестал слышать своего государя, а исполнитель захотел править всеми. Тогда желания тела начали управлять душой, а душа перестала внимать духу. Так возник внутренний разлад, который каждый человек носит в себе.

Теперь мне становится понятнее, почему столько людей говорят: «Я не понимаю самого себя». Один голос зовёт к добру, другой – к покою, третий – к наслаждению, четвёртый – к славе. Человек словно разделяется внутри самого себя. Апостол Павел переживал ту же борьбу, когда говорил: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю». Эти слова не о слабости одного человека. Они – о болезни всей человеческой природы.

Эти слова часто вспоминаются мне. Современный человек умеет заботиться о теле, иногда учится понимать свою душу, но почти забыл о духе. Оттого и возникает ощущение внутренней пустоты. Нельзя насытить дух тем, что питает тело, как нельзя утолить жажду хлебом.

Дух не питается знаниями, хотя любит истину. Не насыщается чувствами, хотя способен к великой любви. Не укрепляется властью, богатством или славой. Его жизнью является Сам Бог. Потому и сказал Господь, что человек живёт не одним хлебом.

Но есть ещё одна тайна, которую я долго не понимал.

Мы часто говорим: «Нужно слушать своё сердце». Однако сердце может говорить разными голосами. Иногда в нём звучит голос страсти, иногда – голос самолюбия, иногда – голос страха. Лишь сердце, очищаемое покаянием и благодатью, становится тем священным местом, где человеческий дух встречается с Богом. Поэтому святые так много говорили не просто о сердце, а о чистом сердце.

Чем старше становлюсь, тем меньше стараюсь понять человека только разумом. Теперь я знаю: человеческое сердце глубже всякой науки. Его создал Сам Господь, и только Он знает все его бездны.

Сегодня, возвращаясь в келью, я снова посмотрел на восходящее солнце. Его свет коснулся сначала вершины горы, потом леса, затем моря и наконец моей тропы. Так и благодать входит в человека. Сначала она касается духа, затем постепенно просвещает душу и, наконец, освящает даже тело. Тогда весь человек становится живым храмом Божиим.

Наверное, именно в этом и заключается истинное исцеление человека: не в том, чтобы тело перестало болеть, а в том, чтобы дух вновь научился дышать Богом, душа – слушаться духа, а тело – смиренно служить им обоим. Тогда человек становится тем, кем был задуман от начала, – образом Божиим, обращённым к своему Первообразу.

Запись 4. Сердце – место встречи человека с Богом

Сегодня во время Иисусовой молитвы я вновь подумал о сердце.

Не о том сердце, которое непрестанно трудится в человеческой груди, разгоняя кровь по телу. И не о сердце, которое люди называют вместилищем чувств. Я подумал о той глубине человека, о которой так часто говорит Священное Писание и которую почти перестал понимать современный человек.

Когда я впервые пришёл на Святую Гору, мне казалось, что молиться – значит сосредоточенно думать о Боге. Позже я понял: думать ещё не значит молиться. Можно произносить самые правильные слова, а сердце останется холодным. Можно знать всё богословие, но так и не встретить Живого Бога.

Один старец сказал мне:

– Бог ожидает человека не в его рассуждениях, а в его сердце.

Тогда эти слова показались мне красивыми, но непонятными. Теперь они стали смыслом всей моей жизни.

Почему же именно сердце?

Потому что сердце – это не одна из способностей человека. Это центр всей его личности. Здесь сходятся ум и воля, память и совесть, любовь и страх, свобода и ответственность. Здесь принимаются решения, которые потом становятся судьбой человека. Всё, что происходит в нашей жизни, прежде рождается в сердце.

Недаром Господь сказал: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Он не сказал: «Блаженны много знающие», «блаженны обладающие сильной волей» или «блаженны тонко чувствующие». Он указал на сердце, потому что именно оно создано быть престолом Божиим в человеке.

В святом Писании сказано что человек живёт там, где находится его сердце. Если сердце пленено богатством, человек уже живёт в богатстве. Если оно захвачено человеческой славой, он уже живёт в тщеславии. Если оно принадлежит страстям, то и вся жизнь постепенно становится служением страстям. Но если сердце начинает принадлежать Христу, тогда вся человеческая жизнь незаметно становится иной.

Мне вспоминается рассказ о преподобном Силуане Афонском. Как спросили его: «Где искать Бога?»

Геронда ответил не рассуждением, а всей своей жизнью. Он искал Бога не глазами и не умом, а сокрушённым сердцем. Именно поэтому Господь открылся ему не как отвлечённая истина, а как Живая Любовь. Только позже я понял: Бога невозможно увидеть тем местом души, которым мы рассматриваем окружающий мир. Его узнаёт сердце, очищенное покаянием и смирением.

Иногда мне кажется, что самая большая трагедия современного человека заключается не в том, что он много думает, а в том, что он почти перестал жить сердцем. Его ум непрестанно занят. Он сравнивает, анализирует, доказывает, спорит, оценивает. Но сердце остаётся забытым. Оно похоже на заброшенный храм, двери которого давно не открывались.

Однажды старый пустынник повёл меня к высохшему источнику.

– Посмотри, – сказал он, – вода перестала течь не потому, что исчезла в горах. Люди просто завалили родник камнями.

Потом он долго молчал.

– Так происходит и с сердцем. Благодать не перестаёт искать человека. Но сердце постепенно засыпают заботы, страхи, желания, обиды, самолюбие и бесконечная суета. Вода жизни остаётся внутри, но уже не может пробиться наружу.

Эти слова сопровождали меня многие годы. Чем внимательнее я наблюдал за собой, тем яснее видел: все мои падения начинались не с поступков, а с сердца. Сначала в нём рождалась маленькая мысль о собственной правоте. Потом появлялось недовольство. Затем осуждение. Потом исчезал мир. И лишь спустя время грех становился видимым.

Но и спасение начинается там же. Сначала сердце тихо откликается на Божий призыв. Потом рождается покаяние. Затем приходит смирение. После этого благодать начинает очищать

глубины души, и постепенно весь человек становится другим.

Поэтому святые отцы так берегли сердце. Они охраняли его не потому, что боялись мира, а потому, что знали: именно здесь происходит самая великая битва между светом и тьмой. Внешние враги могут повредить телу. Ложные мысли могут смутить ум. Но если сохранено сердце, человек вновь найдёт путь ко Христу.

Теперь я начинаю понимать и другое.

Ум сам по себе не способен вместить Бога. Он подобен светильнику, который освещает дорогу. Но идти по этой дороге должно сердце. Потому святые исихасты всю жизнь молились о том, чтобы ум сошёл в сердце. Не для того, чтобы перестать мыслить, а чтобы мысль соединилась с любовью, истина – со смирением, а молитва – со всей человеческой жизнью.

Тогда исчезает разделение. Человек уже не только молится – он сам становится молитвой. Не только вспоминает о Боге – живёт в Его присутствии. Не только исполняет заповеди – начинает дышать ими.

Сегодня вечером, когда солнце скрывалось за морем, я услышал, как где-то вдали ударили в монастырский било. Его звук долго плыл над водой и медленно затихал среди гор.

Так и Господь непрестанно стучит в сердце каждого человека. Он не ломает дверей. Не требует. Не принуждает.

Он ждёт.

И, быть может, вся духовная жизнь начинается с того мгновения, когда человек впервые перестаёт слушать только самого себя и различает этот тихий, почти неслышный стук Христа в глубине собственного сердца.

Запись 5. Совесть – тихий голос Божий

Сегодня я проснулся ещё до ударов в било. Келья была погружена во тьму, и лишь лампада перед образом Спасителя освещала угол комнаты. В такие часы особенно ясно слышится не внешний мир, а собственная душа. Днём человек слышит множество голосов. Ночью остаётся только один. Если сердце не ожесточилось, он говорит тихо, но властно.

Этот голос люди называют совестью.

За долгие годы мне приходилось видеть людей самых разных. Одни знали богословие лучше многих монахов, другие никогда не открывали Евангелия. Одни были богаты, другие бедны. Одни жили в монастырях, другие – среди городской суеты. Но Господь вложил в каждого одно великое сокровище – совесть. Она подобна скрытой лампаде, которую Творец зажёг в сердце человека ещё при сотворении. Даже когда человек удаляется от Бога, её слабый свет продолжает напоминать ему о потерянном доме.

Совесть – это не просто способность различать добро и зло. Теперь понимаю, что это лишь малая часть её служения. Совесть – не законник, ведущий счёт нашим проступкам. Она – живой свидетель того, что человек создан для общения с Богом. Когда мы живём согласно этому призванию, она дарует мир. Когда же отворачиваемся от Бога, она начинает тихо скорбеть внутри нас.

Один старец сказал мне:

– Не думай, что совесть кричит. Она никогда не кричит. Кричат страсти. Кричит гордыня. Кричит страх. Кричит самолюбие. А совесть говорит так тихо, что услышать её может только смиренное сердце.

Мне долго казалось, что если совесть – голос Божий, то почему она не заставляет человека остановиться перед грехом? Почему Господь не сделает этот голос подобным грому?

Ответ пришёл неожиданно.

Любовь никогда не принуждает.

Бог создал человека свободным. Поэтому и совесть не ломает человеческую волю. Она предупреждает, напоминает, скорбит, но не лишает человека свободы выбора. Господь хочет не рабского послушания, а свободной любви. Потому голос совести похож не на удар грома, а на тихий стук в дверь сердца.

Помню одного паломника. Он был известным человеком, имел уважение, достаток и большую семью. Но однажды вечером признался:

– Отче, я не могу понять, почему мне тяжело жить. Вроде всё хорошо, а внутри словно камень.

Я спросил:

– Давно ли ты делал то, против чего восставала твоя совесть?

Он долго молчал. Потом опустил голову.

– Уже много лет.

Я ничего больше не сказал. Иногда человеку нужны не новые объяснения, а мужество честно посмотреть в своё сердце.

Совесть удивительна ещё и тем, что она не только обличает, но и радуется. Когда человек, преодолев самого себя, совершает добро ради любви к Богу, сердце наполняется тихим миром. Этот мир невозможно купить, заслужить похвалой или получить от людей. Он рождается там, где совесть перестаёт обвинять человека.

Но есть и великая опасность – совесть можно заглушить.

Не сразу. Сначала человек оправдывает маленькую неправду. Потом привыкает к ней. Затем начинает считать её необходимой. Через некоторое время перестаёт замечать её вовсе. Так постепенно сердце покрывается коркой, подобно роднику, который годами засыпают песком. Вода ещё есть, но пробиться наружу ей всё труднее.

Святые отцы говорили, что нет страшнее наказания, чем потерять чувствительность совести. Пока человек страдает от своих грехов, он ещё жив духовно. Но когда перестаёт замечать их, болезнь становится особенно опасной.

Мне вспоминается случай из жизни преподобного Паисия Святогорца. К нему пришёл человек и с уверенностью заявил:

– Отче, я никому не сделал ничего плохого.

Геронда внимательно посмотрел на него и ответил:

– Это не значит, что ты святой. Может быть, ты просто перестал видеть своё сердце.

Эти слова глубоко вошли в мою память. Ведь духовная жизнь начинается не тогда, когда человек перестаёт видеть свои недостатки, а тогда, когда Господь постепенно открывает их ему – не для отчаяния, а для исцеления.

Я всё чаще замечаю одну закономерность.

Когда человек живёт по совести, его молитва становится проще. Не многословнее – чище. Он уже не ищет красивых слов. Ему достаточно тихо произнести: «Господи, помилуй». И сердце понимает то, чего не могут выразить уста. Но если совесть обременена, молитва становится тяжёлой. Слова звучат, а сердце молчит. Тогда Господь не удаляется от человека – человек сам закрывает дверь своей души.

Наверное, поэтому перед молитвой святые старались прежде всего примириться с совестью. Они не искали необычных состояний и высоких переживаний. Они просили у Бога одного: увидеть себя такими, какими их видит Сам Господь.

Сегодня вечером, когда я закончил своё небольшое правило, в келье стало совсем тихо. Только лампада едва слышно потрескивала перед иконой. И мне вдруг подумалось, что совесть очень похожа на это маленькое пламя. Она не освещает весь мир. Она освещает только ближайший шаг.

Но если человек бережёт этот свет, Господь постепенно выводит его из ночи к восходу. И тогда однажды человек понимает удивительную вещь: совесть была не обвинителем, а самым верным спутником на пути ко Христу. Она первой встречала его после каждого падения, первой плакала вместе с ним и первой радовалась, когда сердце вновь обращалось к своему Небесному Отцу.

Часть II. Великая болезнь человека

Запись 6. Самость – корень всех страданий

Сегодня с раннего утра Святую Гору окутал густой туман. Исчезли знакомые тропы, скрылись монастырские стены, не было видно даже моря, которое всегда лежит у подножия горы. Я стоял возле кельи и думал, что мир никуда не исчез – исчезла лишь возможность видеть его. Так бывает и с человеческой душой. Бог всегда рядом с человеком, но существует нечто, что скрывает Его присутствие подобно густому туману.

Долгое время мне казалось, что причиной человеческих страданий являются внешние обстоятельства. Одни обвиняют бедность, другие – болезни, третьи – несправедливость людей, четвёртые – тяжёлый характер ближних. Всё это действительно причиняет боль, но годы молитвы постепенно открыли мне, что существует болезнь гораздо глубже. Она живёт не вне человека, а в самой сердцевине его личности. Пока эта болезнь остаётся неисцелённой, человек будет страдать даже среди благополучия.

Святые отцы чаще говорили не о самости, а о самолюбии, своеволии и гордыне. Но все эти слова указывают на одно и то же внутреннее состояние. Самость возникает тогда, когда человек начинает жить так, словно он сам является источником своей жизни, истины и счастья. Он ещё может произносить имя Божие, ходить в храм, молиться и творить добрые дела, но в глубине сердца уже незаметно поставил собственное «я» на место, которое принадлежит одному только Богу.

Когда читаешь книгу Бытия, легко подумать, что грехопадение произошло из-за запретного плода. Но святые отцы учили видеть глубже. Плод стал лишь внешним проявлением того, что уже совершилось в сердце человека. Змей предложил прародителям не просто нарушить заповедь. Он предложил им жить без Бога, стать самим мерой добра и зла. В ту минуту человек перестал принимать жизнь как дар и захотел стать её хозяином. Так родилась самость – невидимый корень всех последующих грехов и страданий.

В первые годы монашества я ревностно боролся со своими страстями. Сегодня удавалось победить раздражение, завтра – тщеславие, послезавтра – празднословие. Но проходило немного времени, и побеждённые страсти возвращались в другом облике. Тогда я пришёл к старцу и сказал:

– Отче, мне кажется, что моя борьба не приносит плода.

Он внимательно посмотрел на меня и тихо спросил:

– А ты уверен, что воюешь с тем врагом?

Я удивился и не нашёлся что ответить.

Геронда вывел меня в небольшой монастырский сад. Возле одной старой смоковницы росли молодые побеги дикого кустарника. Он срезал несколько ветвей и сказал:

– Через месяц они снова вырастут.

Потом взял мотыгу и осторожно обнажил корень.

– Если хочешь освободить сад, нужно трудиться не над ветвями, а над корнем. – После долгого молчания он добавил: – Все страсти питаются одним корнем – самостью. Пока человек любит своё "я" больше Бога, он будет лишь менять одни страсти на другие.

Эти слова сопровождали меня долгие годы. Постепенно я начал замечать, что почти каждое внутреннее огорчение рождается из одного и того же источника. Меня не похвалили – и сердце смутилось. Моего совета не приняли – и возникло раздражение. Меня забыли поблагодарить – и появилась обида. Всякий раз страдала не любовь, а моё самолюбие. Мне становилось больно не потому, что был оскорблён образ Божий, а потому, что оказалось уязвлено моё собственное представление о себе.

Однажды в монастырь пришёл человек, потерявший почти всё своё состояние. Он говорил, что лишился смысла жизни. Геронда долго слушал его, а затем спросил:

– Когда ты был богат, кому принадлежало твоё сердце?

Тот ответил не сразу. Потом тихо сказал:

– Наверное, самому себе.

Геронда кивнул и произнёс:

– Вот твоё настоящее разорение. Деньги лишь открыли то, что уже давно происходило внутри.

Тогда я понял, что скорби не всегда создают болезнь. Очень часто они только обнаруживают её.

Самость удивительно ненасытна. Она требует признания, уважения, власти, безопасности, удовольствия и постоянного подтверждения собственной значимости. Ей всегда мало того, что уже получено. Она сравнивает себя с другими, болезненно реагирует на чужие успехи, оправдывает собственные ошибки и с трудом признаёт свою неправоту. Пока человек служит самости, он остаётся её пленником, даже если внешне кажется свободным.

Господь Иисус Христос открывает совсем иной путь. Он говорит: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя». Долгое время эти слова казались мне слишком суровыми, словно Господь требует отказаться от собственной личности. Но постепенно стало ясно, что Христос призывает отвергнуть не личность, а ложного хозяина сердца. Он не уничтожает человека, а освобождает его от тяжёлого рабства самому себе, чтобы личность могла раскрыться в любви к Богу и ближним.

Преподобный Силуан Афонский говорил, что душа обретает мир только тогда, когда научится жить волей Божией, а не своей собственной. Эти слова невозможно понять одним рассудком. Их можно узнать лишь тогда, когда Господь через скорби, покаяние и благодать начинает мало-помалу освобождать сердце от поклонения самому себе. Чем меньше становится самость, тем больше в душе появляется тишины, благодарности и любви. Человек перестаёт быть центром собственной вселенной и начинает жить присутствием Божиим.

Когда к вечеру туман рассеялся, передо мной снова открылось море. Оно всё это время было на своём месте. Не море исчезало – исчезала моя способность его видеть. Так и Бог никогда не удаляется от человека. Это самость закрывает духовные очи, заставляя человека видеть только самого себя. Поэтому истинное исцеление начинается не тогда, когда меняются обстоятельства нашей жизни, а тогда, когда по милости Божией сердце перестаёт говорить: «Да будет воля моя» и с доверием произносит: «Господи, да будет воля Твоя». Именно в эту минуту начинает разрушаться корень всех человеческих страданий.

Запись 7. Гордыня – смерть души

Сегодня после полунощницы я долго не выходил из храма. Перед иконой Спасителя тихо горела лампада, а вокруг стояла такая тишина, что слышно было лишь потрескивание фитиля. В этой тишине особенно ясно открывается то, что днём легко заглушается разговорами и заботами. Я думал о гордыне – болезни, которую человек видит в других гораздо легче, чем в самом себе. Наверное, потому она и является самой опасной из всех страстей.

Когда я только начинал монашескую жизнь, мне казалось, что гордый человек – это тот, кто открыто превозносит себя над окружающими, требует почестей и не скрывает своего высокомерия. Но годы, проведённые рядом со старцами, постепенно разрушили это поверхностное представление. Они учили, что внешнее высокомерие – лишь поздний плод болезни, а её корень скрывается гораздо глубже. Гордыня начинается в ту минуту, когда человек перестаёт ощущать свою полную зависимость от Бога и начинает незаметно приписывать себе то, что является даром Его благодати.

Не даром гордыню называют матерью всех страстей. Это не случайное выражение, а глубокая духовная истина. Пока человек помнит, что всё доброе в нём происходит от Бога, его сердце остаётся открытым для благодати. Но стоит ему сказать в глубине души: «Я сам достиг этого. Это моя заслуга, моя мудрость, моя сила», – как между ним и Богом возникает невидимая преграда. Душа ещё продолжает жить внешней религиозной жизнью, но её внутреннее дыхание становится всё слабее.

Именно так произошло падение денницы. Господь сотворил его светлым и прекрасным

ангелом, наделив великими дарами. Но однажды он перестал воспринимать эти дары как любовь Творца и захотел сделать их своей собственностью. Он пожелал жить не Богом, а собой. В этом и заключается сущность всякой гордыни: не просто считать себя выше других, а поставить своё «я» в центр бытия, где должен пребывать только Господь.

Однажды старец, у которого я исповедовался, сказал мне:

– Хочешь узнать свою гордыню – не смотри на минуты успеха. Посмотри, что происходит в сердце, когда тебя унижают, не понимают или не благодарят.

Я запомнил эти слова. Я начал внимательнее наблюдать за собой и с удивлением увидел, что многие мои огорчения рождаются вовсе не из любви к истине, а из любви к самому себе. Мне было тяжело не потому, что торжествовало зло, а потому, что страдало моё самолюбие.

Помню одного брата, который нёс тяжёлое послушание в монастырской трапезной. Он трудился с утра до вечера, не жаловался и казался всем примером смирения. Но однажды другой монах несправедливо упрекнул его при всех. Брат вспыхнул, резко ответил и долго не мог успокоиться. Геронда потом сказал ему с великой любовью:

– Не укор брата причинил тебе такую боль. Он только коснулся того, что давно жило в сердце. Если бы там было смирение, укорение стало бы лекарством. Но гордыня превратила его в рану.

Эти слова относятся не только к тому брату – они относятся ко всем нам.

Гордый человек почти всегда живёт в постоянном внутреннем напряжении. Он должен защищать своё мнение, оправдывать свои поступки, доказывать свою правоту и болезненно следить за тем, как к нему относятся окружающие. Ему трудно искренне радоваться чужим успехам, потому что любое превосходство другого воспринимается как собственное поражение. Даже добрые дела могут стать для него пищей тщеславия, если он начинает любоваться собой вместо того, чтобы благодарить Бога.

Совсем иной образ открывает нам Господь Иисус Христос. Он, будучи Истинным Богом, смирил Себя, приняв образ раба, терпел клевету, насмешки и крестные страдания, не переставая любить тех, кто причинял Ему боль. В этом заключается величайшая тайна духовной жизни. Смирение не делает человека слабым – оно соединяет его с Самим Богом, Который есть совершенная Любовь. Потому святые стремились прежде всего не к великим подвигам, а к глубокому смирению сердца.

Преподобный Паисий Святогорец говорил, что гордый человек похож на пустой орех. Снаружи он может казаться большим и крепким, но внутри остаётся пустота. Смиренный же человек часто незаметен для окружающих, однако именно в его сердце пребывает благодать Божия. Потому святые никогда не искали человеческой славы. Они боялись её не меньше, чем явных искушений, понимая, как легко тщеславие превращается в гордыню.

За долгие годы я понял ещё одну вещь. Гордыня опасна не только тем, что удаляет человека от Бога. Она делает невозможным само покаяние. Пока человек считает виноватыми других, обстоятельства или даже Самого Господа, он не увидит собственной болезни. Только смирение открывает глаза души. Лишь оно позволяет человеку честно сказать: «Господи, причина моей тьмы находится прежде всего во мне. Исцели меня, ибо сам я не могу исцелить себя».

Сегодня вечером я вышел к краю скалы, где ветер свободно гуляет над морем. Внизу бушевали волны, а высоко в небе парил орёл. Мне вдруг стало ясно, что гордый человек напоминает птицу, которая хочет лететь, полагаясь только на силу собственных крыльев. Но духовная

жизнь невозможна без благодати. Она подобна воздуху, который поддерживает птицу в полёте. Лишившись этого воздуха, она неизбежно упадёт, какой бы сильной ни казалась.

Теперь всё чаще молюсь лишь об одном: «… Господи, даруй мне видеть моя прегрешения и не осуждати брата моего …». В этой простой молитве заключена великая мудрость всей духовной жизни. Пока человек видит прежде всего свои немощи, в его сердце остаётся место для благодати. А где действует благодать, там гордыня постепенно теряет свою власть, и душа, считавшая себя сильной без Бога, начинает по-настоящему жить, потому что вновь возвращается к своему Небесному Отцу.

Запись 8. Почему даже добрые дела могут удалять от Бога

Сегодня после вечернего правила ко мне подошёл молодой паломник. Он долго молчал, словно боялся задать вопрос, который давно носил в сердце. Наконец выговорил:

– Отче, я стараюсь жить честно, помогаю людям, никого сознательно не обижаю. Почему же внутри нет мира? Почему Бог остаётся как будто далёким?

Я не спешил отвечать. Когда-то этот же вопрос мучил и меня, и Господь не сразу открыл на него ответ.

В молодости мне казалось, что духовное возрастание зависит главным образом от количества добрых дел. Чем больше молишься, постишься, трудишься, читаешь Священное Писание и творения святых отцов, тем ближе становишься к Богу. Я измерял свою жизнь почти незаметно для самого себя: сегодня сделал больше, чем вчера, значит, приблизился к цели. Но однажды Господь показал мне, что такой путь может стать очень опасным. Если сердце не очищается от самости, то даже добродетели начинают незаметно питать гордыню.

Геронда, у которого я когда-то исповедовался, сказал слова, смысл которых открывался мне многие годы:

– Не всякое добро приводит ко Христу. Ко Христу приводит только то добро, которое рождается из смирения и возвращается к смирению.

Тогда мне показалось, что он говорит слишком загадочно. Теперь понимаю, что он предупреждал меня о самой тонкой духовной опасности. Враг человеческого спасения редко пытается отвратить человека от добра сразу; гораздо чаще он старается сделать так, чтобы человек начал любоваться собственным добром.

В Евангелии есть два человека, которые пришли в храм на молитву. Один был мытарем, другой – фарисеем. Фарисей говорил правду: он действительно постился, подавал милостыню и исполнял закон. Его беда состояла не в том, что он творил добро, а в том, что он стал видеть в своих добрых делах основание собственной праведности. Мытарь же не принёс Богу ничего, кроме сокрушённого сердца. И именно он вышел из храма более оправданным, потому что Бог принимает не столько дела, сколько сердце, из которого они рождаются.

Мне вспоминается случай из жизни одного афонского старца. Молодой инок с большой ревностью исполнял все монастырские правила. Он никогда не опаздывал на службу, строго постился, много молился и охотно брал самые тяжёлые послушания. Но постепенно он стал замечать недостатки других братьев. Геронда внимательно посмотрел на него и сказал:

– Ты построил красивый дом добродетелей, но забыл сделать в нём дверь для смирения. Теперь ты живёшь не с Богом, а со своим тщеславием. – Эти слова стали для инока началом

настоящего покаяния.

Чем дольше живу, тем яснее вижу, что самость способна присвоить всё. Она присваивает знания и говорит: «Я мудрее других». Она присваивает милосердие и шепчет: «Я добрее многих». Она присваивает молитву и внушает мысль: «Я уже стал духовным человеком». Самое страшное заключается в том, что человек может продолжать делать добрые дела, совершенно не замечая, что центр его жизни незаметно сместился от Бога к самому себе.

Однажды во время исповеди я признался старцу, что после удачного послушания испытываю особенное удовлетворение. Мне казалось, что это естественная радость от исполненного долга. Геронда спросил только одно:

– Если бы никто никогда не узнал о твоём труде, если бы тебя не поблагодарили и даже укорили за него, стал бы ты делать то же самое с такой же любовью?

Этот вопрос оказался подобен свету, проникшему в тёмную комнату. Я вдруг увидел, сколько в моих добрых делах было скрытого ожидания человеческого признания.

Святые отцы учили постоянно испытывать своё сердце. Не достаточно спросить себя: «Что я делаю?» Нужно спросить гораздо глубже: «Для кого я это делаю?» Если ради собственного спокойствия, ради уважения людей или ради ощущения собственной праведности, то даже добро начинает терять своё духовное значение. Если же человек действует ради любви ко Христу, тогда даже самое малое дело становится драгоценным перед Богом.

Преподобный Исаак Сирин писал, что Бог смотрит не на величину подвига, а на глубину смирения. Именно поэтому две лепты бедной вдовы оказались дороже богатых приношений многих людей. Она ничего не доказывала, не искала похвалы и не сравнивала себя с другими. Её сердце принадлежало Богу, а потому и малый дар стал велик в очах Небесного Отца.

Сегодня вечером, возвращаясь к своей келье, я остановился возле небольшого источника. Вода тихо текла между камнями, не производя никакого шума. Она не спрашивала, кто придёт к ней с жаждой, и не ожидала благодарности. Она просто исполняла своё назначение. Тогда я понял, что истинная добродетель похожа именно на этот источник. Она не стремится быть замеченной, потому что знает: всё доброе начинается в Боге, совершается силой Божией и должно возвращаться к Нему благодарением.

С годами я всё меньше прошу Господа умножить мои добрые дела и всё чаще молюсь о другом: «Господи, очисти меня от тайного желания присвоить то, что принадлежит Тебе». Ведь страшно не то, что человек делает мало добра. Страшно, когда он начинает считать добро своей собственностью. В эту минуту добродетель перестаёт быть лестницей, ведущей к Небу, и становится пьедесталом, на который незаметно восходит собственное «я». А где человек начинает поклоняться самому себе, там Христос остаётся за дверью сердца, терпеливо ожидая, когда Ему вновь откроют.

Запись 9. Страсти как болезни души

Сегодня перед полуднем ко мне подошёл один пожилой паломник. Он долго молчал, вздыхал, а затем спросил:

– Отче, почему я столько лет исповедую одни и те же грехи? Неужели я совсем не меняюсь?

В его голосе слышалось не отчаяние, а глубокая усталость человека, который долго боролся и не видел плодов. Мы сели на старую каменную скамью возле кипариса, и я понял, что этот

вопрос касается не только его. Каждый человек, начавший внимательно смотреть в своё сердце, рано или поздно задаёт его самому себе.

Многие воспринимают страсти как отдельные проступки или дурные привычки. Но святые отцы учили видеть гораздо глубже. Страсть – это не просто повторяющийся грех. Она подобна болезни, которая постепенно изменяет саму природу души. Как больной человек не всегда способен управлять своим телом, так и душа, долго живущая во власти страсти, начинает терять внутреннюю свободу. Именно поэтому Господь пришёл в мир не только простить человека, но и исцелить его.

В молодости мне казалось, что достаточно однажды отказаться от дурного поступка – и страсть исчезнет. Но жизнь быстро показала, что всё гораздо сложнее. Можно перестать произносить грубые слова, а раздражение продолжит жить в сердце. Можно отказаться от явного тщеславия, но внутри останется желание быть замеченным и оценённым. Можно оставить внешний грех, но сохранить любовь к нему. Тогда человек напоминает больного, у которого исчезли симптомы, а сама болезнь продолжает развиваться в глубине организма.

Один старец сказал мне слова, которые стали для меня настоящим ключом к пониманию духовной жизни:

– Не спрашивай прежде всего, какой грех ты совершил. Спроси, какая страсть заставила тебя его совершить.

Я долго размышлял над этим наставлением. Постепенно стало ясно, что один и тот же грех может иметь разные причины, а разные грехи могут рождаться из одной и той же страсти. Поэтому святые отцы старались лечить не отдельные поступки, а сам корень болезни.

Человек, заболевший телесно, обращается к врачу и не обижается, когда тот назначает долгое лечение. Он понимает, что болезнь не исчезает за один день. Но в духовной жизни мы часто ожидаем мгновенных изменений. Нам хочется быстро избавиться от раздражительности, осуждения, тщеславия или нечистых помыслов. Когда же этого не происходит, возникает уныние. Между тем Господь нередко попускает долгую борьбу именно для того, чтобы человек перестал надеяться на свои силы и научился искать помощи у благодати.

Особенно ясно это видно на примере гордыни. Пока человек считает себя сильным, он пытается победить страсти собственной волей. Он строит планы, даёт обещания, укоряет себя после каждого падения, но снова и снова возвращается к прежнему. И лишь когда убеждается в своей немощи, начинает понимать слова Христа: «Без Меня не можете делать ничего». Это открытие не унижает человека. Напротив, оно становится началом настоящего духовного исцеления.

Святые отцы нередко сравнивали страсти с сорной травой. Если срезать её только на поверхности, через некоторое время она вырастет вновь. Поэтому опытные подвижники были заняты прежде всего сердцем. Они знали, что раздражение питается гордыней, сребролюбие – недоверием Богу, зависть – самолюбием, а уныние часто рождается из несбывшихся ожиданий собственной воли. Пока остаётся корень, страсть будет находить новые формы и новые пути проявления.

Мне вспоминается рассказ о преподобном Паисии Святогорце. К нему пришёл молодой человек и сказал, что никак не может избавиться от гнева. Геронда не стал долго рассуждать о самом раздражении, а спросил:

– Когда тебя обижают, что именно причиняет тебе боль?

После долгого разговора юноша понял, что больше всего страдает его самолюбие. Тогда старец сказал:

– Лечи не гнев, а гордость, и увидишь, как ослабеет гнев.

В этих простых словах заключалась вся мудрость православной аскетики: лечить не только проявления болезни, но и её источник.

Однако было бы ошибкой думать, что человек способен исцелить себя сам. Никто не может собственными усилиями воскресить мёртвого или вернуть зрение слепому. Так же и душа не исцеляется одной человеческой волей. Пост, молитва, исповедь, участие в церковных Таинствах, чтение Священного Писания, дела любви и постоянное покаяние – всё это не магические средства, а пути, которыми человек открывает своё сердце действию благодати Святого Духа. Именно благодать совершает то, чего не могут сделать одни человеческие усилия.

За долгие годы я заметил удивительную закономерность. Пока человек борется со страстями ради того, чтобы стать лучше других, он почти не продвигается вперёд. Но когда начинает бороться ради того, чтобы ничто не мешало ему любить Христа и ближних, борьба постепенно наполняется миром и надеждой. Тогда даже падения становятся не поводом для отчаяния, а уроками смирения. Господь медленно, но верно учит человека не только ненавидеть грех, но и всей душой возлюбить добро.

Сегодня вечером, возвращаясь в свою келью, я увидел старого монастырского садовника. Он осторожно очищал молодое дерево от засохших ветвей и терпеливо обрабатывал его корни. Я спросил, почему он уделяет столько внимания тому, чего почти не видно. Он улыбнулся и ответил:

– Если корень будет здоров, дерево само принесёт добрый плод.

Эти простые слова стали для меня ещё одним напоминанием о духовной жизни. Господь пришёл не для того, чтобы украсить нашу больную душу внешними добродетелями, а чтобы исцелить её изнутри. И когда благодать касается самого корня человеческого сердца, тогда постепенно начинают увядать страсти, а на их месте рождаются добродетели – не как заслуга человека, а как плод жизни во Христе.

Запись 10. Прелесть – духовное самообольщение

Сегодня ночью долго не мог уснуть. За окном шумел ветер, раскачивая старые сосны, а в келье горела одна маленькая лампада. Я размышлял о том, что существуют болезни, которые причиняют человеку сильную боль, и потому он спешит искать врача. Но есть и другие болезни – гораздо опаснее. Они почти не причиняют страданий, потому что лишают человека способности видеть собственное состояние. Именно такой болезнью святые отцы называли духовную прелесть.

Многие люди понимают прелесть как редкое явление, связанное с ложными видениями, необыкновенными откровениями или мнимыми чудесами. Но опыт Церкви говорит о гораздо более глубокой опасности. Прелесть начинается задолго до подобных явлений. Она рождается в тот момент, когда человек начинает доверять себе больше, чем Богу и Церкви. Её корень – та же гордыня, только скрытая под одеждой благочестия. Поэтому святые подвижники боялись прелести больше, чем открытых искушений, ведь явный грех легче увидеть, чем скрытое

самообольщение.

Когда я был ещё молодым послушником, один старец сказал мне:

– Запомни: чем ближе человек к Богу, тем меньше он уверен в себе.

Тогда эти слова показались мне странными. Мне казалось, что святой человек должен обладать полной внутренней уверенностью. Но годы показали обратное. Чем глубже человек познаёт величие Божие и глубину собственного сердца, тем яснее он видит, как легко ошибиться без помощи благодати. Поэтому смирение всегда соединено с осторожностью, а гордыня – с самоуверенностью.

Однажды на Святую Гору пришёл человек, который уверял, что Господь постоянно открывает ему Свою волю в особых внутренних озарениях. Он говорил уверенно, ссылался на необычные переживания и считал, что опытные монахи просто не понимают его духовного пути. Старый духовник внимательно выслушал его и спросил лишь одно:

– Когда в последний раз ты советовался с кем-нибудь, прежде чем поверить своим мыслям?

Тот удивился и ответил, что не нуждается в советах, потому что уверен в правильности своих переживаний.

Тогда старец печально произнёс:

– Там, где человек перестаёт проверять себя, очень скоро начинает говорить не Бог, а его собственное "я".

Эти слова глубоко вошли в мою память. Со временем я понял, что прелесть далеко не всегда проявляется в необычных явлениях. Гораздо чаще она выглядит совсем обыденно. Человек начинает считать своё мнение единственно правильным, свои духовные переживания – особенно глубокими, свои добродетели – несомненными. Он всё меньше слушает других, всё реже сомневается в себе и всё охотнее становится судьёй чужой духовной жизни. Незаметно он перестаёт искать истину и начинает защищать собственное представление о ней.

Первым признаком духовного здоровья является способность видеть свои грехи. Не случайно преподобный Силуан Афонский, достигший высокой меры святости, до конца своих дней плакал о своём несовершенстве и непрестанно просил у Бога милости. Это не было ложным самоуничижением. Чем ярче свет Христов озаряет душу, тем отчётливее человек видит даже самые малые пятна на своей одежде. Поэтому святой никогда не считает себя святым, а грешник, находящийся в прелести, легко начинает думать о собственном духовном превосходстве.

Однажды я спросил старца, можно ли самому распознать в себе прелесть. Он долго молчал, а потом ответил:

– Пока человек уверен, что свободен от неё, опасность особенно велика.

Тогда я не сразу понял смысл его слов. Теперь вижу, что духовная жизнь требует постоянного трезвения. Мы должны испытывать не только свои поступки, но и мысли, намерения, желания и даже самые благочестивые чувства. Не всё, что кажется светом, действительно происходит от Бога. Иногда наше самолюбие умеет надеть одежды ангела света.

Особенно опасно, когда человек начинает искать духовные переживания ради них самих. Ему

уже недостаточно простой молитвы, обычной церковной жизни, покаянного труда и терпеливого исполнения заповедей. Он хочет необыкновенных ощущений, особых состояний, тайных знаний или знаков свыше. Но святые отцы единодушно предупреждали: ищущий переживаний легко становится добычей собственного воображения. Благодать приходит к смиренным незаметно, а не в угоду человеческому любопытству.

Преподобный Паисий Святогорец часто говорил, что самым надёжным путём является простота сердца. Человек, который не доверяет безусловно своим мыслям, советуется с духовником, хранит послушание Церкви и искренне кается, гораздо лучше защищён от самообольщения, чем тот, кто полагается на свои ощущения и рассуждения. Смирение становится тем светом, который помогает различать действие благодати и собственные мечтания. Там, где живёт смирение, прелесть не находит себе прочного места.

Сегодня вечером я вышел из кельи, когда солнце уже скрылось за морем. На тропе лежали длинные тени, и в сумерках сухой куст показался мне человеком. Я остановился, но через несколько шагов увидел свою ошибку. Тогда мне пришла простая мысль: в полумраке легко принять одно за другое. Так же происходит и в духовной жизни. Когда сердце не освещено светом смирения, человек начинает принимать собственные желания за волю Божию, свои мысли – за истину, а свои чувства – за действие благодати.

Поэтому с каждым прожитым годом я всё реже прошу Господа открыть мне что-либо необыкновенное. Всё чаще моя молитва становится совсем простой: «Господи, избавь меня от самообольщения. Даруй мне видеть себя таким, каким видишь меня Ты». Мне кажется, что именно такая молитва хранит душу от самых тонких искушений. Ведь человек начинает по-настоящему приближаться к Богу не тогда, когда считает себя духовным, а тогда, когда с глубоким смирением понимает, как бесконечно нуждается в Его благодати.

Часть III. Начало духовной жизни

Запись 11. Покаяние – рождение нового человека

Сегодня перед рассветом я долго сидел на деревянной скамье возле кельи. Ночь медленно отступала, и первые лучи солнца начинали освещать вершину Святой Горы. Каждый новый день напоминает человеку о великой тайне: Господь непрестанно творит новое. Природа словно свидетельствует о том, что после самой тёмной ночи приходит утро. Так же происходит и в духовной жизни: после долгой ночи греха для человека может начаться рассвет покаяния.

Многие думают, что покаяние – это лишь сожаление о совершённых грехах. Другие считают его тяжёлым душевным переживанием или страхом перед Божиим судом. Но чем внимательнее читаешь Евангелие и творения святых отцов, тем яснее понимаешь, что всё это ещё не является покаянием в полном смысле слова. Святоотеческое слово «метанойя» означает изменение ума, сердца, всей жизни человека. Покаяние – это не возвращение к прошлому, а рождение новой жизни во Христе.

Когда Господь начал Свою земную проповедь, Его первые слова были: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Он не сказал сначала: «Научитесь», «станьте сильнее» или «исправьте своё поведение». Он начал именно с покаяния, потому что без изменения внутреннего человека невозможно принять благодать Божию. Подобно тому как невозможно наполнить чистой водой сосуд, не очистив его от грязи, так и сердце не может вместить жизнь Святого Духа, пока оно остаётся пленником самости.

Я долго не понимал этой истины. После каждой исповеди мне казалось, что покаяние

заключается в том, чтобы дать себе обещание больше не повторять прежних ошибок. Но проходило время, и я снова падал. Тогда мне становилось стыдно, и я начинал думать, что моё покаяние было неискренним. Геронда терпеливо выслушивал мои признания и однажды сказал:

– Ты всё ещё надеешься исправить себя своими силами. Настоящее покаяние начинается тогда, когда человек перестаёт надеяться на себя и всей душой начинает надеяться на милость Божию.

Эти слова стали для меня началом нового понимания духовной жизни.

В Евангелии есть образ блудного сына. Долгое время мне казалось, что главное в этой притче – возвращение домой. Но однажды я увидел то, чего раньше не замечал. Возвращение началось не тогда, когда юноша подошёл к дому отца. Оно началось в ту минуту, когда он «пришёл в себя». Именно в этом заключается сущность покаяния. Человек перестаёт жить в мире собственных оправданий и впервые честно смотрит на своё сердце. Он перестаёт обвинять других, обстоятельства или судьбу и говорит: «Отче, согрешил я». С этой минуты начинается путь к исцелению.

Мне вспоминается один паломник, который пришёл на Святую Гору после многих лет далёкой от Церкви жизни. Он говорил, что боится исповеди, потому что его грехи слишком велики. Старый духовник внимательно посмотрел на него и сказал:

– Сын мой, Господь не удивляется нашим грехам. Он скорбит только тогда, когда мы перестаём приходить к Нему. – Эти простые слова словно сняли тяжёлый камень с души человека. Он плакал не от страха наказания, а оттого, что впервые по-настоящему почувствовал любовь Небесного Отца.

Святые отцы учили, что покаяние не заканчивается исповедью. Оно становится образом жизни. Чем ближе человек подходит ко Христу, тем яснее он видит не только свои падения, но и бесконечное милосердие Божие. Поэтому истинное покаяние никогда не приводит к отчаянию. Отчаяние рождается от гордыни, которая не может смириться с собственной немощью. Покаяние же рождается от любви. Оно соединяет глубокую скорбь о грехе с твёрдой надеждой на Бога.

Иногда люди спрашивают, сколько времени нужно каяться. Этот вопрос всегда напоминает мне дыхание человека. Разве можно однажды вдохнуть и больше не нуждаться в воздухе? Так и покаяние становится дыханием души. Оно не означает постоянного самоунижения или мрачного состояния. Напротив, только кающийся человек способен по-настоящему радоваться, потому что знает цену прощению и милости Божией. Чем глубже покаяние, тем светлее становится сердце.

Преподобный Силуан Афонский говорил, что Господь любит кающуюся душу и Сам помогает ей нести её крест. В этих словах заключена великая надежда для каждого человека. Мы приходим ко Христу не потому, что уже стали достойными, а потому, что сами не можем стать такими без Него. Покаяние открывает дверь, в которую входит благодать Святого Духа. С этого мгновения начинается медленное, но настоящее преображение человека.

Сегодня вечером я увидел, как после сильного дождя пересохший источник вновь наполнился чистой водой. Несколько дней назад его русло казалось безжизненным, а теперь вода спокойно и свободно текла между камнями. Я долго смотрел на этот маленький поток и думал, что человеческая душа удивительно похожа на него. Пока сердце закрыто гордыней и самостью,

благодать словно не может свободно течь в нём. Но стоит человеку в смирении открыть своё сердце Богу, как начинается новая жизнь.

Теперь, оглядываясь на прожитые годы, я всё яснее понимаю: покаяние – это не дверь, через которую человек однажды входит в духовную жизнь. Покаяние и есть сама дорога ко Христу. Каждый день Господь вновь призывает нас оставить ветхого человека и облечься в нового, созданного по образу Его любви. И пока сердце способно искренне произнести: «Господи, помилуй меня, грешного», – оно уже не находится во власти смерти. Оно рождается заново для вечной жизни, которая начинается не после смерти, а здесь, в глубине кающегося сердца.

Запись 12. Метанойя – изменение самого способа жизни

Сегодня после Литургии я спустился к старому монастырскому источнику. Уже много лет вода течёт здесь одинаково спокойно. Она не шумит, не спешит, не меняет своего направления без причины. Но именно благодаря этому постоянному течению камни, некогда острые и шероховатые, стали гладкими. Я долго держал один из них в руках и думал, что так действует благодать Божия. Она редко изменяет человека внезапно. Гораздо чаще она день за днём преображает его сердце, пока сама жизнь не становится иной.

После предыдущей записи о покаянии ко мне вновь подошёл тот же паломник, с которым мы говорили несколько дней назад. Он спросил:

– Отче, если Господь простил меня, почему я всё ещё остаюсь прежним? Почему мои мысли, привычки и слабости снова возвращаются?

Его вопрос был очень важен. Многие принимают покаяние за мгновенное исцеление, тогда как Господь чаще всего совершает Своё дело постепенно. Прощение открывает путь новой жизни, но сама новая жизнь требует постоянного сотрудничества человека с благодатью Божией.

Святые отцы называли это греческим словом метанойя. Его невозможно перевести одним русским словом. Обычно говорят: «покаяние», но смысл гораздо глубже. Метанойя означает изменение ума, изменение сердца, изменение взгляда на мир и, наконец, изменение самого способа жизни. Человек начинает видеть всё не так, как прежде. То, что раньше казалось главным, постепенно теряет свою власть. А то, что прежде оставалось почти незаметным, становится смыслом всей жизни.

Когда-то я думал, что главное в духовной жизни – изменить свои поступки. Геронда терпеливо объяснил мне, что этого недостаточно. Можно перестать совершать внешнее зло, но продолжать жить теми же желаниями, теми же оценками и тем же самолюбием. Тогда изменится только поведение, а сердце останется прежним. Господь же пришёл не для того, чтобы сделать человека внешне благопристойным. Он пришёл создать в нём новое сердце и обновить весь внутренний мир.

Мне вспоминается один человек, который после многих лет безбожной жизни искренне обратился ко Христу. Он перестал пьянствовать, начал посещать храм, примирился с семьёй и изменил своё поведение. Но однажды признался духовнику:

– Я чувствую, что всё ещё смотрю на жизнь старыми глазами.

Геронда ответил:

– Не торопись. Господь уже изменил направление твоего пути. Теперь Он будет постепенно изменять и самого путника.

В этих словах заключена великая надежда. Метанойя начинается с одного шага, но продолжается всю жизнь.

Постепенно человек замечает удивительные перемены. Раньше он спрашивал: «Что я получу?» Теперь всё чаще думает: «Что я могу отдать?» Раньше искал человеческой похвалы, теперь радуется, когда добро остаётся незаметным. Прежде болезненно защищал своё мнение, а теперь учится внимательно слушать другого. Когда-то видел в скорбях только наказание, теперь начинает различать в них врачующую руку Божию. Мир вокруг остаётся тем же, но сердце смотрит на него уже иначе.

Святые отцы говорили, что настоящая метанойя касается не только мыслей, но и самой воли человека. Пока воля ищет прежде всего исполнения собственных желаний, самость остаётся живой. Но когда человек всё чаще спрашивает себя: «Господи, чего Ты хочешь от меня?», тогда начинается подлинное освобождение. Это происходит не сразу. Старые привычки сопротивляются, страсти напоминают о себе, а гордыня вновь и вновь пытается вернуть человека к прежнему образу жизни. Именно поэтому духовная жизнь требует терпения, трезвения и постоянной молитвы.

Однажды старец показал мне виноградную лозу, которую каждую весну обрезали почти до неузнаваемости. Мне стало жаль её. Казалось, что после такой обрезки она уже не сможет принести плода. Геронда улыбнулся и сказал:

– Если оставить всё, что выросло за прошлый год, урожай будет слабым. Чтобы лоза ожила, ей нужно отказаться от лишнего.

Тогда я понял, что Господь поступает так и с человеком. Через покаяние Он постепенно отсекает всё, что мешает любви: тщеславие, обиды, недоверие, стремление господствовать, ложную самодостаточность. Иногда это бывает болезненно, но без такого очищения невозможно принести плод Святого Духа.

Чем дольше живу, тем яснее понимаю, что метанойя – это не тяжёлое бремя, а великое освобождение. Господь не отнимает у человека его личность. Он освобождает её от всего чуждого, что накопилось за годы жизни без Него. Подобно тому как иконописец осторожно снимает потемневшие слои с древней иконы, чтобы вновь открылся первоначальный образ, так благодать постепенно очищает человеческое сердце. Она не создаёт нового человека из ничего – она возвращает человеку тот образ Божий, который был затемнён грехом.

Сегодня вечером я снова подошёл к источнику. Вода всё так же спокойно текла между камнями. Я вдруг заметил, что русло за многие годы стало глубже, хотя никто его не расширял. Это сделала сама вода своим постоянным течением. Так действует и благодать. Она не всегда совершает громкие чудеса, но день за днём углубляет сердце человека, делая его способным вместить всё больше любви, смирения и мира.

Теперь я понимаю, почему Господь начинает Свою проповедь словами: «Покайтесь». Он зовёт нас не просто отказаться от отдельных грехов. Он приглашает войти в новую жизнь, где всё постепенно становится иным: мысли – светлее, сердце – чище, воля – свободнее, любовь – глубже. И пока человек не перестаёт ежедневно обращаться ко Христу с желанием измениться, метанойя продолжается. Она становится дыханием души, её дорогой и её тихим восхождением к Богу, Который «творит всё новое».

Запись 13. Смирение – дверь благодати

Сегодня на рассвете я вышел из кельи раньше обычного. Ночью прошёл дождь, и воздух был

удивительно чист. На листьях маслин ещё дрожали капли воды, а первые лучи солнца медленно касались вершины Святой Горы. В такие минуты особенно ясно понимаешь, что вся природа живёт не собственной силой. Земля принимает дождь, дерево принимает солнечный свет, и только потому рождается плод. Человек же нередко хочет жить иначе – надеясь лишь на самого себя. Именно поэтому ему так трудно понять тайну смирения.

Когда я только вступил на монашеский путь, слово «смирение» казалось мне печальным и даже немного пугающим. Мне представлялось, будто смиренный человек должен постоянно унижать себя, считать себя хуже всех и отказаться от всякой радости. Но старцы Афона учили совсем иному. Они говорили, что смирение не унижает человека, а возвращает его к истине. Это способность видеть себя, Бога и ближнего такими, какие они есть на самом деле. Пока человек живёт в этой истине, его сердце остаётся открытым для благодати Святого Духа.

Однажды я спросил своего духовника, почему Господь так часто говорит о смирении и почти никогда не восхваляет человеческую силу.

Геронда взял небольшую деревянную чашу, перевернул её вверх дном и налил сверху воды. Ни одна капля не осталась внутри.

Геронда посмотрел на меня с улыбкой и сказал:

– Так происходит и с человеческим сердцем. Пока человек оборачивается только к себе, благодать касается его, но не может проникнуть в него.

Этот простой образ я помню до сих пор.

Священное Писание говорит: «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать». Долгое время я понимал эти слова неправильно. Мне казалось, что Господь словно наказывает гордых и награждает смиренных. Теперь вижу, что смысл гораздо глубже. Бог никого не отвергает. Но гордое сердце закрыто для Него так же, как закрытое окно не принимает солнечного света. Смирение же открывает душу действию Божией любви. Поэтому благодать приходит не как награда за смирение, а как естественный плод открытого сердца.

Мне вспоминается рассказ о преподобном Силуане Афонском. После многих лет тяжёлой внутренней борьбы Господь даровал ему слова, ставшие путеводной звездой для множества людей: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». Эти слова невозможно понять без смирения. Они означают не ненависть к себе, а глубокое сознание своей немощи при непоколебимой надежде на бесконечную любовь Божию. Именно в этом соединении рождается настоящее смирение: человек уже не оправдывает себя, но и не теряет надежды на милосердие Отца.

За годы монастырской жизни я заметил, что Господь очень часто учит смирению через обстоятельства, которых мы стараемся избежать. Нас не понимают, забывают поблагодарить, несправедливо обвиняют, отвергают наши советы, не замечают наших трудов. Сначала кажется, что всё это лишь огорчает сердце. Но если принять такие скорби с молитвой, постепенно становится видно, что они открывают скрытую болезнь души. Пока человек болезненно защищает своё самолюбие, он ещё не знает смирения. Когда же он начинает искать не собственной правоты, а воли Божией, сердце становится удивительно спокойным.

Однажды в монастырь пришёл молодой человек и сказал старцу:

– Я много лет молюсь, но не чувствую действия благодати.

Геронда спросил его:

– А чему ты научился за эти годы?

Юноша стал перечислять прочитанные книги, длительные посты, паломничества и молитвенные правила.

Тогда старец согласился и спросил:

– Это хорошо. Но научился ли ты радоваться, когда тебя не замечают? Научился ли благодарить Бога за унижение? Научился ли просить прощения первым?

Молодой человек опустил голову. Он понял, что духовная жизнь измеряется не количеством подвигов, а глубиной смирения.

Смирение является матерью всех добродетелей. Без него даже самые великие подвиги могут стать причиной падения. Человек может много молиться, строго поститься, помогать бедным и знать Священное Писание, но если в сердце живёт тщеславие, всё это становится пищей для гордыни. Смирение же преображает даже самое малое дело. Стакан воды, поданный с любовью и без желания получить похвалу, становится драгоценным в очах Божиих.

Чем дольше я живу, тем яснее понимаю, что смирение рождается не от постоянных размышлений о собственной ничтожности. Оно рождается от созерцания величия Божией любви. Когда человек действительно встречает Христа, ему уже не нужно доказывать своё значение. Он знает, что бесконечно любим Богом, и потому освобождается от мучительной необходимости искать признания у людей. Только такая любовь способна окончательно исцелить самолюбие и гордыню.

Сегодня вечером я наблюдал, как дождевая вода стекала с высокой скалы в маленькую ложбину. Она никогда не задерживалась на вершине, а всегда устремлялась вниз, туда, где было самое низкое место. Тогда мне вспомнились слова старцев: благодать подобна воде. Она всегда ищет смирённое сердце. Не потому, что Бог любит одних больше других, а потому, что только смирённая душа открыта для Его присутствия.

Теперь я всё чаще прошу Господа не о великих дарованиях и не о необыкновенных духовных переживаниях. Моя молитва стала гораздо проще: «Господи, научи меня смирению». Ведь если Господь дарует человеку эту добродетель, всё остальное придёт в своё время. Смирение становится дверью, через которую благодать входит в сердце, а вместе с благодатью приходят мир, любовь, мудрость и тихая радость о Боге. Там же, где живёт благодать, человек уже не стремится быть великим. Ему достаточно одного – никогда не потерять живого общения со Христом.

Запись 14. Послушание свободе

Сегодня утром мне пришлось наблюдать, как молодой виноградарь осторожно подвязывал лозу к деревянной опоре. Со стороны могло показаться, будто он ограничивает её свободу. Но старый монах, стоявший рядом, тихо сказал:

– Если оставить лозу расти так, как ей хочется, она даст много листьев и мало плода.

Эти событие долго не выходили у меня из головы. Как часто и мы принимаем ограничения за несвободу, тогда как именно они сохраняют жизнь и помогают ей принести добрый плод.

Современный человек почти всегда понимает свободу как возможность поступать по собственной воле. Чем меньше препятствий его желаниям, тем свободнее он считает себя.

Однако Евангелие открывает совсем иную истину. Господь говорит: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными». Значит, свобода рождается не тогда, когда человек исполняет всякое своё желание, а тогда, когда освобождается от власти греха, страстей и собственного самолюбия. Поэтому послушание Богу не уничтожает свободу, а возвращает её человеку.

Когда я только пришёл в монастырь, слово «послушание» казалось мне самым трудным из всех монашеских слов. Мне представлялось, что послушание требует отказаться от собственного разума, собственной воли и даже собственной личности. Иногда внутренне я сопротивлялся самым простым поручениям, хотя внешне старался исполнять их безропотно. Тогда старец однажды сказал мне:

– Ты ещё не научился различать своеволие и свободу. Они совсем не одно и то же.

Я думал, читал, молился и мне открывалось. Первое послушание человек утратил ещё в раю. Господь дал Адаму и Еве всего одну заповедь не потому, что хотел испытать их покорность. Заповедь была возможностью свободно выразить любовь и доверие своему Творцу. Но человек предпочёл поверить собственному рассуждению больше, чем слову Божию. Так родилось своеволие, а вместе с ним – рабство греху. С тех пор вся история спасения становится возвращением человека к свободному и любящему послушанию Богу.

Мне вспоминается один молодой послушник, который пришёл на Святую Гору с горячим желанием подвизаться. Он много молился, строго постился и охотно брался за тяжёлую работу. Но когда старец благословлял его сделать что-нибудь не по его желанию, в душе юноши сразу возникало смущение. Ему казалось, что его не понимают и даже мешают духовному росту. Геронда долго терпеливо наблюдал за ним, а потом сказал:

– Ты любишь не волю Божию, а своё представление о ней.

Эти слова стали для юноши началом настоящего духовного взросления.

Святые отцы никогда не понимали послушание как слепое подчинение человеку. Истинное послушание всегда обращено ко Христу. Старец, духовник или наставник лишь помогают человеку увидеть волю Божию там, где собственная гордыня и самость делают его духовно слепым. Поэтому настоящее послушание невозможно без доверия, любви и рассуждения. Оно никогда не унижает человеческое достоинство, потому что Господь не разрушает личность, а исцеляет её от рабства собственным страстям.

Особенно ясно это видно в жизни Самого Господа Иисуса Христа. Будучи совершенно свободным, Он говорит: «Я сошёл с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю Пославшего Меня Отца». В этих словах открывается великая тайна. Совершенное послушание не уничтожает свободу, а является её высшим проявлением. Христос свободно избирает любовь, а любовь всегда добровольно отдаёт себя другому. Поэтому послушание без любви становится рабством, а любовь без послушания легко превращается в самообман.

За долгие годы монастырской жизни я заметил, что самые тяжёлые наши внутренние битвы происходят не тогда, когда нужно исполнить трудное дело, а тогда, когда требуется отказаться от собственной правоты. Нам гораздо легче совершить большой подвиг, чем смиренно принять замечание или изменить своё мнение. Именно здесь обнаруживается глубина нашей самости. Пока человек держится за своё «я», ему кажется, что послушание отнимает свободу. Но стоит однажды доверить свою волю Богу, как сердце начинает испытывать удивительный мир, которого прежде не знало.

Преподобный Паисий Святогорец говорил, что послушный человек похож на лодку с поднятым парусом. Сама лодка не создаёт ветер, но принимает его и движется вперёд. Так и душа, научившаяся послушанию, открывается действию благодати Святого Духа. Она уже не тратит силы на бесконечную борьбу за исполнение собственных желаний. Вместо этого человек начинает жить доверием к Промыслу Божию, зная, что Господь лучше него знает путь к спасению.

Сегодня вечером я вновь проходил мимо виноградника. Лоза, которую утром подвязывал молодой монах, уже спокойно покачивалась на ветру. Она не выглядела связанной. Напротив, теперь её ветви были обращены к солнцу и могли свободно расти вверх. Тогда я понял, почему старцы так любили говорить о послушании. Оно не связывает человека, а помогает ему подняться туда, куда он никогда не смог бы подняться, оставаясь пленником собственного своеволия.

Теперь моя молитва стала иной. Я всё реже прошу Господа исполнить мои желания и всё чаще прошу научить меня доверять Его святой воле. Ведь истинная свобода заключается не в том, чтобы жить так, как хочется падшему человеку. Истинная свобода рождается тогда, когда человеческая воля с любовью соединяется с волей Божией. В этот момент послушание перестаёт быть тяжёлой обязанностью и становится радостью сердца, потому что человек начинает жить в той свободе, для которой и был сотворён Богом.

Запись 15. Слёзы, которых не видит мир

Сегодня ночью я проснулся задолго до ударов в било. В келье было тихо, лишь ветер едва касался ставен. Я зажёг лампаду и стал на молитву. Всё было как всегда: те же слова псалмов, те же поклоны, то же правило. Но вдруг сердце коснулась такая тихая скорбь о самом себе, какой я давно не испытывал. Не было ни страха, ни отчаяния, ни сильного волнения. Только глубокое чувство, что всю свою жизнь Господь любит меня больше, чем я способен любить Его. Моя любовь не взаимна…

Я долго стоял перед образом Спасителя, и незаметно на глазах появились слёзы. Они пришли не потому, что мне было тяжело, а потому, что сердце впервые за долгое время увидело одновременно две истины. Одну – бездонную глубину собственной немощи. Другую – ещё более бездонную милость Божию. Тогда я понял, почему святые отцы называли такие слёзы даром Святого Духа. Их невозможно вызвать усилием воли, как невозможно заставить расцвести дерево зимой. Они рождаются тогда, когда благодать касается человеческого сердца.

В миру слёзы часто считают признаком слабости. Человека учат скрывать свои переживания, не показывать боли и всегда казаться сильным. Но в духовной жизни всё оказывается иначе. Здесь бывают слёзы, которые очищают душу, подобно весеннему дождю, смывающему зимнюю пыль. После них сердце становится удивительно тихим. Оно перестаёт обвинять других, оправдывать себя и требовать чего-либо от Бога. Оно только благодарит и просит о милости.

Однажды я спросил старца, почему некоторые подвижники плакали почти всю жизнь, хотя были исполнены благодати. Он посмотрел на меня с удивлением и сказал:

– Потому что они видели любовь Божию гораздо яснее нас. – Потом немного помолчал и добавил: – Чем ярче свет, тем легче увидеть даже маленькое пятнышко на одежде.

Тогда я понял, что слёзы святых рождались не из безысходности, а из любви. Они плакали потому, что сердце не могло оставаться равнодушным перед величием Божией благости.

Особенно часто мне вспоминается преподобный Силуан Афонский. После явления ему Господа он до конца своей жизни сохранял глубокое покаянное чувство. Его сердце непрестанно скорбело о каждом человеке, удалившемся от Бога. Он плакал не только о собственных грехах, но и обо всём мире. В этом открывается одна из тайн духовной жизни. Пока человек живёт только собой, его слёзы рождаются из самолюбия. Когда же сердце соединяется со Христом, оно начинает плакать любовью.

Есть и другие слёзы – те, которых следует бояться. Иногда человек плачет от уязвлённой гордости, несбывшихся желаний или жалости к самому себе. Такие слёзы не приносят мира. После них сердце становится ещё тяжелее, ещё мрачнее, ещё более замкнутым на самом себе. Святые отцы учили различать эти состояния. Не всякая печаль бывает спасительной. Истинное покаяние всегда рождает надежду, потому что оно обращено не к собственной боли, а к бесконечной любви Божией.

Однажды в монастырь пришёл молодой человек. Он сказал духовнику:

– Я давно не могу плакать на исповеди. Наверное, сердце моё совсем окаменело.

Геронда улыбнулся и ответил:

– Господь будет судить тебя не по количеству слёз, а по глубине покаяния. Иногда одна тихая молитва: "Господи, помилуй", дороже многих слёз, если она сказана всем сердцем. Мы не должны искать самих слёз. Нужно искать Бога, а всё остальное Он даст тогда, когда это будет полезно для души.

Существует покаяние уст, покаяние ума и покаяние сердца. Первое произносит слова исповеди. Второе осознаёт свои грехи. Но только третье преображает самого человека. Именно тогда появляются слёзы, которых никто не видит. Они могут никогда не пролиться на лицо. Иногда сердце плачет без единой капли. И Господь принимает такие невидимые слёзы так же, как принимает самую горячую молитву.

С годами я всё яснее понимаю, что истинные слёзы – это не конец покаяния, а начало любви. После них человек становится мягче, терпеливее и милосерднее к чужим немощам. Он уже не спешит осуждать, потому что слишком хорошо знает собственную слабость. Он легче прощает, потому что сам бесчисленное множество раз был прощён Богом. Именно поэтому святые, много плакавшие перед Господом, становились самыми светлыми и самыми радостными людьми.

Сегодня вечером над морем собирались тучи, а потом тихо пошёл дождь. Он длился совсем недолго, но к утру вся земля ожила, листья стали ярче, а воздух наполнился свежестью. Я смотрел на это и думал, что благодатные слёзы похожи на такой дождь. Они не разрушают душу, а оживляют её. Они смывают не только память о грехе, но и жёсткость сердца, оставляя после себя тишину, благодарность и мир.

Теперь я почти никогда не прошу Господа даровать мне слёзы. Я прошу лишь одного: «Господи, не дай моему сердцу окаменеть». Если сердце останется живым, оно само научится плакать тогда, когда этого пожелает благодать. И тогда эти слёзы, невидимые для мира, станут драгоценным даром Небесного Отца – тихим свидетельством того, что душа перестала жить только для себя и начала жить любовью ко Христу.

Часть IV. Тайная жизнь сердца

Запись 16. Ум, вошедший в сердце

Сегодня ночью Господь даровал необыкновенную тишину. Ветер умолк, море стало почти неподвижным, и даже цикады, казалось, прекратили своё пение. После полунощницы я не спешил возвращаться в келью. Долго сидел на каменной скамье возле старой маслины, наблюдая, как медленно светлеет восточный край неба. В такие минуты особенно ясно ощущается, что настоящая тишина рождается не вокруг человека, а внутри него. Именно тогда я вновь вспомнил слова старцев: «Самый длинный путь, который проходит человек за всю жизнь, – это путь от собственного ума к сердцу».

Когда я впервые услышал эти слова, то не понял их смысла. Мне казалось, что ум и сердце всегда находятся вместе. Разве можно думать без сердца или чувствовать без ума? Но духовник объяснил, что святые отцы говорят совсем о другом. После грехопадения человеческий ум перестал жить в сердце, где прежде пребывал в единстве с Богом. Он рассеялся по внешнему миру, стал пленником бесчисленных мыслей, воспоминаний, страхов, желаний и забот. Вместо созерцания Бога он начал непрестанно созерцать самого себя и всё, что происходит вокруг.

С годами я убедился, насколько правы были святые подвижники. Стоит человеку стать на молитву, как ум тотчас начинает странствовать. Он вспоминает вчерашний разговор, строит планы на завтра, возвращается к старым обидам, воображает будущие события или спорит с теми, кого сейчас даже нет рядом. Кажется, что внутри нас живёт не один человек, а целая толпа голосов. Пока ум рассеян, сердце остаётся закрытым. Губы могут произносить слова молитвы, но сама душа ещё не встретилась с Богом.

Однажды я пожаловался старцу, что никак не могу сосредоточиться во время молитвы. Он не стал давать мне сложных наставлений. Вместо этого подвёл меня к небольшому источнику, вода которого спокойно стекала между камнями.

– Посмотри, – сказал он, – пока вода растекается по поверхности, она не имеет силы. Но если собрать её в одно русло, она сможет вращать мельничное колесо.

Затем зачерпнул ладонью воду и добавил:

– Так же происходит и с человеческим умом. Пока он рассеян по всему миру, он бессилен. Когда же благодать собирает его в сердце, начинается настоящая молитва.

Тогда я впервые понял, почему исихасты так много говорили о хранении ума. Они не стремились остановить мысли силой собственной воли и не искали какого-то необыкновенного состояния. Их целью было вернуть ум туда, где его создал Бог, – в глубину человеческого сердца. Ведь сердце в понимании святых отцов – это не место человеческих чувств. Это духовный центр личности, глубочайшая тайна человека, где он встречается со своим Творцом. Именно здесь благодать касается души, именно здесь рождается подлинное покаяние, именно здесь начинается Царство Божие.

Мне вспоминается рассказ о преподобном Иосифе Исихасте. Один молодой монах спросил его, как научиться непрестанной молитве. Геронда ответил не сразу. Потом положил руку себе на грудь и сказал: «Научись сначала жить здесь, а не только в голове». В этих простых словах заключена огромная духовная мудрость. Мы привыкли жить рассуждениями, доказательствами и бесконечным внутренним разговором. Но Бог открывается человеку не шуму мыслей, а чистоте сердца.

Это вовсе не означает, что разум становится ненужным. Напротив, православная традиция никогда не противопоставляла разум и сердце. Ум остаётся великим даром Божиим, но он должен занять своё истинное место. Когда ум отделяется от сердца, он легко становится холодным, гордым и самоуверенным. Когда же сердце действует без ума, человек может впасть в мечтательность или духовную прелесть. Только их соединение под действием благодати рождает духовную мудрость, которую святые называли целомудрием – внутренней цельностью человека.

За многие годы молитвы я заметил одну удивительную вещь. Когда ум постепенно начинает входить в сердце, изменяется не только сама молитва. Иначе начинают восприниматься люди, скорби и даже самые обыкновенные события. Исчезает привычная поспешность в суждениях. Всё меньше хочется спорить, доказывать свою правоту и побеждать в разговоре. Сердце становится внимательнее к чужой боли, а ум перестаёт искать превосходства над другими. Там, где раньше было беспокойство, мало-помалу рождается глубокий внутренний мир.

Однако этот путь требует большого терпения. Старцы предупреждали, что невозможно силой ввести ум в сердце. Это совершается не человеческой техникой, а благодатью Святого Духа. От человека требуется другое: покаяние, смирение, внимание к себе, участие в Таинствах Церкви, трезвение и постоянное призывание имени Господа Иисуса Христа. Всё остальное приходит в своё время, когда сердце становится способным принять этот дар без вреда для себя.

Сегодня вечером я снова подошёл к тому самому источнику. Вода всё так же спокойно текла между камнями, отражая последние лучи заходящего солнца. Я долго смотрел на её прозрачную глубину и вдруг понял, что человеческое сердце создано быть именно таким – тихим, чистым и способным отражать свет Божий. Но пока поверхность постоянно волнуется, отражение остаётся искажённым. Лишь тишина делает его ясным.

Теперь я всё чаще прошу Господа не о новых знаниях и не о тонких духовных переживаниях. Моя молитва стала совсем простой: «Господи Иисусе Христе, собери рассеянный ум мой и всели его в сердце, чтобы всем существом моим любить Тебя». Мне кажется, что именно с этого начинается настоящая исихия – не внешнее молчание, а глубокий мир души, в котором ум и сердце вновь соединяются перед лицом Живого Бога. Именно тогда человек перестаёт только размышлять о Боге и начинает жить в Его тихом, благодатном присутствии.

Запись 17. Внимание и трезвение

Сегодня ещё до рассвета я вышел на узкую тропу, ведущую к старому афонскому скиту. Небо только начинало светлеть, и вокруг лежал густой туман. Дорога была знакомой, но стоило хоть ненадолго отвлечься, как ноги сами сходили с тропы. Тогда я понял, что в духовной жизни происходит то же самое. Пока сердце внимательно, человек идёт к Богу. Стоит вниманию ослабеть – и душа незаметно начинает уклоняться, даже не замечая этого.

Когда люди слышат слово «трезвение», многие думают лишь о воздержании от вина или других удовольствий. Но молитвенники Святой Горы вкладывали в это слово несравненно более глубокий смысл. Трезвение – это бодрствование души, её способность непрестанно хранить своё сердце перед Богом. Это внутреннее состояние, при котором человек внимательно наблюдает за каждым движением своей души, не позволяя греховному помыслу незаметно стать хозяином сердца.

Однажды я спросил старца:

– Почему иногда после горячей молитвы проходит совсем немного времени, и сердце уже

наполнено раздражением, осуждением или суетой?

Он ответил вопросом:

– А кто охранял ворота твоего сердца?

Я не понял его. Тогда старец сказал:

– Ни один хозяин не удивляется, если в дом вошёл вор, когда двери оставлены открытыми. Но человек часто удивляется тому, что страсти возвращаются, хотя сам перестал бодрствовать.

С тех пор я всё чаще вспоминаю этот разговор. Сердце как город, окружённый стенами. Главные ворота этого города – человеческий ум. Именно через мысли входят и добро, и зло. Ни одна страсть не появляется внезапно. Сначала возникает лёгкий помысл, затем внимание задерживается на нём, потом сердце начинает беседовать с ним, далее рождается согласие, а после этого грех становится поступком. Если же человек замечает помысл в самом начале и обращается ко Христу, враг остаётся за воротами.

Постепенно я понял, что главная битва происходит вовсе не во внешнем мире. Она совершается в глубине человеческого сердца. Один и тот же человек может молча стоять в храме, а внутри уже вести долгие споры, строить планы мести, переживать старые обиды или мечтать о человеческой славе. Внешне всё спокойно, но сердце уже далеко от Бога. Поэтому Соломон в Притчах сказал: «Больше всего хранимого храни сердце твоё». Именно там начинается либо Царство Божие, либо царство страстей.

Мне вспоминается один старый монах, который почти никогда не говорил о высоких духовных предметах. Но однажды он показал мне монастырский сад. Возле молодых деревьев постоянно росли маленькие сорняки. Старик каждый день осторожно вырывал их руками. Я спросил, почему он делает это так часто. Он улыбнулся и ответил:

– Пока сорняк маленький, его легко удалить. Когда он пустит глубокий корень, придётся долго копать. – Потом, немного помолчав, указал на меня пальцем: – Так и ты поступай и с помыслами.

Эти простые слова стали для меня лучшим объяснением трезвения.

Особенно опасны не грубые, а, казалось бы, добрые помыслы. Враг редко начинает с открытого зла. Гораздо чаще он предлагает человеку осудить ближнего «ради истины», разгневаться «ради справедливости», похвалить самого себя «ради благодарности Богу» или вмешаться в чужую жизнь «ради пользы другого». Так самолюбие надевает одежду добродетели. Если сердце утратило внимание, оно легко принимает ложь за истину. Именно поэтому святые отцы советовали не доверять сразу ни одной мысли, пока она не будет проверена светом Евангелия, молитвой и смирением.

Со временем я заметил, что внимание невозможно сохранить одной силой человеческой воли. Стоит человеку начать надеяться только на себя, как он быстро устаёт. Настоящее трезвение рождается тогда, когда внимание соединяется с непрестанной памятью о Боге. Краткая Иисусова молитва становится не просто словами, а тихим дыханием души. Она возвращает рассеянный ум к сердцу, рассеивает мрак помыслов и напоминает человеку, что он никогда не остаётся один в своей борьбе.

Преподобный Исихий Иерусалимский писал, что трезвение подобно привратнику, который день и ночь стоит у ворот сердца. Он не вступает в долгие разговоры с каждым пришедшим, а

сразу различает, кого можно впустить, а кому следует отказать. Так и человек постепенно учится не беседовать с греховными помыслами, не оправдывать их и не исследовать с любопытством, а сразу призывать имя Господа. В этом заключается великая духовная мудрость. Многие падения начинаются именно с того, что человек слишком долго разговаривает со своим искушением.

Сегодня вечером туман снова окутал Святую Гору. Но теперь я шёл по той же тропе уже гораздо спокойнее. Каждый шаг был внимательным, и потому дорога перестала казаться трудной. Тогда мне открылась простая мысль: Господь не требует от нас видеть весь путь сразу. Он просит только не терять внимания к следующему шагу. Так совершается и духовная жизнь. Не одним великим подвигом, а тысячами маленьких побед над рассеянностью, самолюбием и греховными помыслами.

Теперь всё чаще моя молитва состоит лишь из нескольких слов: «Господи Иисусе Христе, даруй мне трезвенное сердце». Ведь человек погибает не тогда, когда приходит искушение, а тогда, когда перестаёт бодрствовать. Но если сердце внимательно, ум хранит память о Боге, а душа с доверием призывает имя Христово, то даже среди самых сильных бурь сохраняется глубокий внутренний мир. Именно этот мир святые исихасты называли началом Царства Божия, которое открывается не где-то далеко, а в глубине бодрствующего сердца.

Запись 18. Иисусова молитва

Сегодня ночью Святую Гору окутала такая тишина, что казалось, будто весь мир затаил дыхание. Лишь где-то далеко шумело море, словно повторяя одну и ту же бесконечную песнь. Я сидел возле открытого окна своей кельи и тихо произносил: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного». Эти слова сопровождали меня многие годы. Они были со мной в радости и скорби, в минуты внутреннего света и в часы тяжёлой борьбы. И чем дольше я живу, тем яснее понимаю: не я храню эту молитву – она хранит меня.

Когда я впервые услышал об Иисусовой молитве, мне казалось, что её сила заключается в многократном повторении святых слов. Но старец сразу остановил меня. Он сказал: «Если молитва останется только на устах, она не изменит сердце. Если она останется только в уме, она не согреет душу. Она должна стать криком всего человеческого существа, обращённого ко Христу». Тогда я ещё не понимал этих слов. Теперь же вижу, что молитва начинается не с языка, а с жажды Бога.

Некоторые люди спрашивают, есть ли в Иисусовой молитве особая тайна. Да, есть. Но эта тайна заключается не в особом способе произнесения слов и не в каких-либо скрытых духовных приёмах. Тайна – в Личности Того, к Кому обращена молитва. Мы призываем не безличную силу, не отвлечённую идею и не собственное внутреннее состояние. Мы призываем Самого Господа Иисуса Христа – воплотившегося Сына Божия, Победителя смерти, Спасителя мира. Поэтому каждое произнесение Его святого имени становится встречей любви, если сердце открыто для Него.

Однажды молодой послушник пришёл к старцу и с радостью сказал:

– Я уже много часов читаю Иисусову молитву.

Геронда внимательно посмотрел на него и спросил:

– А сколько часов молитва читает тебя?

Юноша удивился, не поняв вопроса. Тогда старец пояснил:

– Пока ты только произносишь слова, трудишься ты. Когда же молитва войдёт в сердце, она сама начнёт хранить тебя от греха, возвращать к Богу и согревать душу памятью о Христе.

Я часто вспоминаю этот разговор, потому что в нём открывается вся глубина духовной жизни.

Святые отцы никогда не отделяли Иисусову молитву от покаяния. Если сердце исполнено гордости, осуждения и самодовольства, молитва легко превращается в привычку или даже в повод для тщеславия. Но когда человек действительно чувствует свою немощь и нужду в Боге, каждое слово «помилуй меня» становится правдой всей его жизни. Тогда молитва перестаёт быть обязанностью и становится дыханием души. Как человек не может жить без воздуха, так сердце уже не может жить без имени Христова.

Мне вспоминается один старый афонский монах. Он почти никогда не говорил о высоких духовных состояниях. Но однажды во время работы в саду я заметил, что его губы едва заметно движутся. Я спросил, читает ли он молитву. Он улыбнулся и ответил:

– Нет, сынок. Уже давно не я стараюсь помнить Господа. Это Господь по милости Своей не даёт мне забыть Его.

Эти слова глубоко тронули меня. В них не было ни малейшей гордости, а только благодарность за действие благодати.

Иногда люди ожидают, что Иисусова молитва сразу принесёт необыкновенные переживания, особый внутренний свет или сладость. Но святые исихасты предупреждали об этой опасности. Кто ищет прежде всего духовных ощущений, тот легко становится жертвой самообольщения. Господь же чаще всего сначала открывает человеку его собственное сердце. И это бывает нелегко. В свете имени Христова становятся видны наши страсти, скрытая гордыня, нетерпение, тщеславие и самолюбие. Но именно с этого начинается настоящее исцеление.

Постепенно молитва меняет не только внутреннее состояние человека, но и всю его жизнь. Она учит молчать тогда, когда хочется спорить. Она помогает простить там, где сердце требует возмездия. Она возвращает мир среди тревог, благодарность среди скорбей и надежду среди испытаний. Самое главное – она незаметно соединяет ум с сердцем. И тогда человек уже не просто произносит имя Христово. Он начинает жить в постоянной памяти о Его присутствии.

Преподобный Паисий Святогорец говорил, что имя Иисуса Христа подобно солнцу. Солнце не шумит и не спорит с тьмой. Оно просто восходит – и тьма исчезает. Так действует и молитва. Она не всегда сразу уничтожает страсти, но постепенно лишает их силы. Там, где сердце всё чаще призывает Господа, всё меньше остаётся места для злобы, осуждения, страха и уныния. Благодать тихо совершает то, чего человек никогда не смог бы сделать собственными усилиями.

Сегодня вечером я вновь сидел возле окна своей кельи. Над морем медленно зажигались первые звёзды. Ветер приносил запах сосен и солёной воды. Я повторял привычные слова молитвы, и вдруг мне показалось, что вся природа молится вместе со мной. Не словами, а самим своим существованием она прославляет своего Творца. Тогда сердце наполнилось тихой радостью. Я понял, что Иисусова молитва дана человеку не только для борьбы со страстями. Она дана для того, чтобы человек вновь обрёл своё утраченное общение с Богом и научился жить в Его любви.

Теперь, оглядываясь на прожитые годы, я вижу, что всё самое важное в моей жизни совершалось именно в те минуты, когда сердце с простотой взывало: «Господи Иисусе Христе,

Сыне Божий, помилуй меня, грешного». В этих немногих словах заключены вера, надежда, любовь, покаяние, смирение и вся мудрость Евангелия. И если человек будет терпеливо хранить эту молитву, не ища ничего для себя, а только Самого Христа, то однажды обнаружит, что Господь незаметно поселился в глубине его сердца. А там, где пребывает Христос, уже начинается жизнь вечная.

Запись 19. Молчание, в котором говорит Бог

Сегодня ещё не наступил рассвет, когда я вышел из кельи. Над Афоном сияли бесчисленные звёзды. Море было неподвижно, словно огромное зеркало, отражавшее небо. Не слышно было ни человеческих голосов, ни шагов. Только глубокая тишина окружала всё вокруг. И вдруг я подумал, что Господь создал тишину не для того, чтобы человек перестал слышать мир, а для того, чтобы наконец услышал своё сердце.

Мы живём среди непрерывного шума. Даже оставшись одни, редко остаёмся в молчании. Внутри продолжается нескончаемый разговор: воспоминания, тревоги, планы, сожаления, мечты, споры с теми, кого давно нет рядом. Кажется, будто ум боится остановиться хотя бы на мгновение. Но именно этот внутренний шум часто становится главной преградой между человеком и Богом. Не потому, что Господь далеко, а потому, что сердце не может различить Его тихого присутствия.

Когда я только пришёл в монастырь, мне казалось, что молчание – это просто отсутствие слов. Я старался говорить как можно меньше и думал, что этим исполняю заповедь святых отцов. Но вскоре обнаружил, что, замолчав устами, я продолжал бесконечно разговаривать внутри себя. Тогда старец сказал: «Истинное молчание начинается не на языке, а в уме». Эти слова стали для меня началом долгого пути.

Однажды я спросил духовника:

– Отче, как услышать голос Божий?

Он долго молчал, словно сам ответ уже заключался в этой паузе. Потом сказал:

– Прежде научись различать свой собственный голос.

Я удивился. Тогда старец продолжил:

– Большую часть жизни человек слышит только самого себя – свои желания, страхи, надежды и мечты. Он принимает их за волю Божию. Но Господь говорит совсем иначе. Он не перекрикивает наши мысли. Он терпеливо ждёт, пока сердце станет достаточно тихим, чтобы принять Его благодать.

Эти слова напомнили мне историю пророка Илии. Господь не явился ему ни в буре, ни в землетрясении, ни в огне. Он открыл Себя в веянии тихого ветра. Так происходит и в духовной жизни. Благодать почти никогда не приходит с шумом. Она входит в сердце тихо, незаметно, не нарушая человеческой свободы. Поэтому тот, кто постоянно ищет сильных переживаний, может пройти мимо самого главного – тихого посещения Божия.

Мне вспоминается один старый афонский монах. Он был человеком немногословным. Иногда за целый день произносил всего несколько слов. Но рядом с ним удивительным образом становилось спокойно. Однажды я спросил его, почему он так мало говорит.

Геронда ответил:

– Когда сердце начинает беседовать с Богом, ему уже не хочется беседовать с суетой. – Потом добавил: – Молчание – это не пустота. Это место встречи.

Тогда я ещё не понимал всей глубины сказанного. Теперь понимаю не немного больше.

Старцы никогда не искали молчания ради самого молчания. Для них оно было пространством любви. Когда человек хранит внимание, призывает имя Христово, кается, смиряется и очищает сердце, внутри постепенно рождается удивительный мир. В этом мире уже не хочется спорить с каждым встречным, оправдывать себя или доказывать свою правоту. Душа начинает слушать. А слушать – значит любить.

Постепенно я заметил, что именно в минуты внутренней тишины многие вопросы разрешаются сами собой. Не потому, что слышится какой-то особый голос. Нет. Просто сердце, очищенное молитвой, начинает видеть яснее. Совесть становится тоньше, Евангелие открывается глубже, а воля Божия перестаёт казаться чем-то далёким и непостижимым. Благодать тихо просвещает ум, и человек вдруг понимает то, чего раньше не мог понять долгими размышлениями.

Но существует и ложное молчание. Иногда человек замыкается в себе из гордости, обиды или презрения к людям. Он избегает разговоров, но внутри его сердца продолжается непрерывный суд над ближними. Такое молчание не соединяет с Богом. Оно лишь делает одиночество ещё тяжелее. Истинная тишина всегда рождает любовь, сострадание и мир. После неё человеку легче простить, легче уступить, легче послужить другому.

Преподобный Арсений Великий однажды сказал: «Много раз я сожалел, что говорил, но никогда не сожалел, что молчал». Однако это молчание было наполнено не холодной замкнутостью, а постоянным предстоянием перед Богом. Его сердце непрестанно беседовало со Христом. Именно поэтому немногие его слова обладали такой силой, что меняли человеческие жизни. Так бывает всегда: когда человек долго слушает Бога, даже самые простые его слова становятся живыми.

Сегодня вечером я сидел на скале над морем. Солнце уже скрылось за горизонтом, и всё вокруг постепенно погружалось в сумерки. Мир словно перестал говорить. И в этой великой тишине я особенно ясно почувствовал, что Господь никогда не переставал быть рядом. Это не Он молчал все эти годы. Это моё сердце было слишком шумным, чтобы услышать Его.

Теперь моя молитва стала ещё короче: «Господи, научи меня молчанию, которое наполнено Твоим присутствием». Ведь не всякое слово приближает человека к истине, а не всякая тишина приближает к Богу. Но если сердце очищено покаянием, хранится трезвением и согревается Иисусовой молитвой, тогда рождается молчание, которого не боится душа. В этом молчании человек уже не ищет необыкновенных откровений. Ему достаточно знать, что Христос здесь. И этой тихой уверенности оказывается достаточно, чтобы вся жизнь стала непрестанной беседой с Богом.

Запись 20. Благодать и человеческий труд

Сегодня утром я помогал одному старому монаху расчищать заброшенную тропу. Мы долго убирали камни, сухие ветви и колючий кустарник. Работа была тяжёлой, и мне казалось, что мы почти не продвигаемся вперёд. Но когда солнце поднялось выше, я неожиданно увидел, что тропа снова стала ровной и свободной. Тогда старец сказал: «Мы не создали дорогу. Мы лишь убрали то, что мешало по ней идти». Эти слова стали для меня образом всей духовной жизни.

Часто люди спрашивают: «Что зависит от человека, а что совершает Бог?» Одни уверены, что

всё определяется только человеческими усилиями. Другие считают, что человеку вообще ничего не нужно делать, достаточно лишь ждать действия благодати. Но святые отцы никогда не принимали ни первого, ни второго мнения. Они учили, что спасение совершается в таинственном сотрудничестве Бога и человека. Благодать всегда является первой, потому что именно Господь призывает, просвещает, укрепляет и исцеляет. Но человек должен свободно ответить на этот призыв, открыть своё сердце и хранить верность этому ответу.

Долгое время мне казалось, что духовная жизнь напоминает восхождение на высокую гору. Нужно только больше трудиться, больше молиться, строже поститься, внимательнее хранить себя, и тогда вершина станет ближе. Однако годы показали, что одними усилиями невозможно приблизиться к Богу. Можно истощить тело, наполнить память святоотеческими книгами, вычитать множество молитв и всё же остаться пленником собственного самолюбия. Без благодати человеческий труд легко превращается в повод для гордости.

Но столь же опасно ожидать, что Господь всё совершит без нашего участия. Однажды молодой паломник сказал старцу:

– Если всё зависит от благодати, зачем столько молиться и бороться со страстями?

Геронда подвёл его к монастырскому колодцу и протянул пустое ведро.

– Вода находится здесь всегда, – сказал он. – Но разве она сама поднимется к тебе, если ты не опустишь ведро? – Потом он добавил: – Благодать Божия изливается непрестанно. Однако сердце должно открыться ей покаянием, смирением, молитвой и исполнением заповедей.

Духовная жизнь сравнима с плаванием под парусом. Моряк не может создать ветер. Это выше его сил. Но он может поднять паруса, исправить снасти и направить корабль. Если ветер наполнит сложенный парус, корабль не двинется с места. Так же действует и благодать. Она не уничтожает человеческую свободу, а ожидает нашего свободного согласия. Господь никогда не спасает человека против его воли, потому что любовь не знает насилия.

Со временем я понял ещё одну важную вещь. Наш духовный труд сам по себе не заслуживает благодати. Мы не можем купить её молитвами, постами или добрыми делами. Благодать всегда остаётся бесценным даром любви Божией. Но наши труды очищают сердце, делают его способным принять этот дар без вреда для души. Подобно тому как земледелец не может заставить солнце светить или дождь пролиться, но обязан вспахать землю и удалить сорняки, так и человек готовит своё сердце к встрече с Богом.

Мне вспоминается один брат, который после нескольких лет монастырской жизни впал в уныние. Он сказал духовнику:

– Я столько молюсь, а не становлюсь лучше.

Геронда внимательно посмотрел на него и спросил:

– А кто сказал тебе, что ты сам должен сделать себя святым? – Потом добавил – Твоя задача – ежедневно открывать дверь сердца. Входит же в неё всегда Христос.

Эти слова стали для того монаха началом новой жизни. Он перестал измерять своё духовное состояние собственными успехами и научился доверять терпеливому действию Божией благодати.

Есть удивительный закон духовной жизни: чем больше действует благодать, тем меньше

человек приписывает что-либо себе. Апостол Павел говорил: «Уже не я живу, но живёт во мне Христос». Эти слова не означают исчезновения человеческой личности. Напротив, именно тогда личность достигает своей полноты. Благодать не уничтожает человеческую волю, а исцеляет её. Не разрушает разум, а просвещает его. Не подавляет свободу, а освобождает её от рабства страстям. Так рождается то, что святые отцы называли синергией – свободным сотрудничеством человека и Бога.

Чем дольше живу, тем яснее вижу, что духовная жизнь не похожа ни на спортивное состязание, ни на экзамен. Господь не наблюдает со стороны, ожидая, сумеем ли мы справиться сами. Он идёт рядом с каждым человеком. Когда мы падаем, Он поднимает нас. Когда ослабеваем, укрепляет. Когда плачем, утешает. Когда заблуждаемся, вновь возвращает на путь истины. Но Он никогда не делает вместо нас того, что должны сделать мы сами: покаяться, простить, смириться, довериться и ответить любовью на Его любовь.

Сегодня вечером я вновь прошёл по той тропе, которую мы расчищали утром. Теперь идти по ней было легко. Я остановился и оглянулся назад. Дорога стала проходимой не потому, что мы создали её заново. Она существовала всегда, но была скрыта под завалами. И вдруг я понял, что так Господь действует с человеческой душой. Он не создаёт в нас новую природу. Он освобождает от всего, что мешает раскрыться образу Божию, вложенному в человека с самого начала.

Теперь моя молитва стала ещё проще: «Господи, даруй мне быть готовым к Твоей помощи». Ведь спасение совершается там, где человеческое сердце с доверием отвечает на любовь Божию. Всё начинается благодатью, продолжается благодатью и завершается благодатью. Но эта благодать ожидает свободного человеческого согласия. И когда такое согласие рождается, тогда даже самые малые наши труды становятся местом встречи с Живым Богом, Который тихо и терпеливо совершает в человеке дело его преображения.

Часть V. Духовная психология

Запись 21. Почему человек не знает самого себя

Сегодня после вечерни я долго сидел на краю утёса, глядя на спокойное море. Закат уже угасал, и вода постепенно становилась похожей на тёмное зеркало. Но чем сильнее поднимался ветер, тем меньше можно было увидеть своё отражение. Тогда мне пришла простая мысль: чтобы зеркало показало истину, оно должно быть спокойным. Так и человеческое сердце. Пока его непрестанно волнуют страсти, желания, страхи и самолюбие, человек не способен увидеть самого себя таким, каким его видит Бог.

За годы монастырской жизни мне довелось встретить многих людей. Одни считали себя почти святыми, хотя были пленниками собственной гордыни. Другие, наоборот, называли себя самыми великими грешниками, но при этом не замечали своего тщеславия, скрывавшегося даже за словами о смирении. Были и такие, кто много изучал психологию, философию и богословие, но оставался чужим собственному сердцу. Тогда я понял, что знание о человеке и знание самого себя – далеко не одно и то же.

Когда я был молодым послушником, мне казалось, что узнать себя довольно просто. Нужно лишь внимательно наблюдать за своими поступками, мыслями и чувствами. Но старец сказал: «Ты видишь только поверхность своей души. Глубину открывает один Бог». Сначала эти слова показались мне странными. Со временем я понял, что человек способен обмануть не только окружающих, но и самого себя. Мы легко замечаем чужие недостатки, но почти всегда находим оправдание собственным.

Святые отцы говорили, что главная причина этого – самость. Она подобна мутному стеклу, через которое человек смотрит и на мир, и на самого себя. Самолюбие непрестанно искажает внутреннюю картину. Оно уменьшает наши грехи и преувеличивает наши добродетели. Оно убеждает нас, что причиной наших страданий всегда являются другие люди, обстоятельства или несправедливость мира. Лишь очень редко оно позволяет увидеть истинный источник большинства наших бед – собственное повреждённое сердце.

Мне вспоминается один паломник, который пришёл к старцу с жалобой на всех окружающих. Он говорил, что его никто не понимает, повсюду царят зависть, ложь и неблагодарность. Геронда молча выслушал его, затем подвёл к старому оконному стеклу, покрытому пылью.

– Что ты видишь?» – спросил он.

– Почти ничего», – ответил паломник.

Тогда старец протёр стекло ладонью. За окном сразу открылись море, горы и голубое небо.

– Мир не изменился, – тихо сказал старец. – Изменилось только стекло.

Очень часто мы пытаемся изменить мир, тогда как Господь сначала хочет очистить наше сердце.

Современная психология справедливо говорит о бессознательных мотивах, внутренних конфликтах, психологических защитах и самообмане. Святые отцы задолго до этого открыли ту же реальность, но увидели её ещё глубже. Они называли её помрачением ума и пленением сердца страстями. Человек перестаёт видеть себя в свете Божией истины и начинает жить созданным им самим образом. Он защищает не свою настоящую личность, а ложное представление о себе. Именно поэтому так трудно принимать критику, просить прощения и признавать собственные ошибки.

Особенно опасно то, что человек способен привыкнуть к своему внутреннему состоянию. Гордость начинает казаться достоинством, раздражительность – принципиальностью, жадность – предусмотрительностью, трусость – благоразумием, а тщеславие – ревностью о добром деле. Так постепенно ложь становится привычной, и человек перестаёт ощущать её. Подобно больному, который уже не чувствует своей болезни, душа утрачивает способность видеть собственные раны. Именно поэтому святые называли покаяние не только сожалением о грехах, но прежде всего прозрением.

Но как же начинается настоящее самопознание? Не с долгого всматривания в самого себя. Если человек будет постоянно исследовать только собственную душу, он легко впадёт либо в отчаяние, либо в самодовольство. Настоящее познание себя рождается тогда, когда человек встречается со Христом. Подобно тому как при ярком солнечном свете становятся заметны даже мельчайшие пылинки, так и в свете Божией любви человек начинает видеть своё сердце без самообмана. Однако вместе с этим приходит не безысходность, а надежда, потому что Господь открывает рану только для того, чтобы её исцелить.

Мне вспоминаются слова преподобного Антония Великого: «Познай самого себя». Но это познание никогда не было для святых самоцелью. Они стремились увидеть не только свою немощь, но и тот образ Божий, который грех затемнил, но не уничтожил. Чем глубже человек узнаёт себя, тем меньше осуждает других. Он понимает, что каждый ведёт свою тяжёлую внутреннюю борьбу, которую не всегда видно со стороны. Из такого знания рождается милосердие.

Сегодня вечером море снова стало совершенно спокойным. В его прозрачной глади ясно отражались звёзды. Я долго смотрел на это отражение и думал, что человеческое сердце создано быть таким же чистым. Тогда оно начинает видеть и Бога, и ближнего, и самого себя без искажений. Именно к этой ясности Господь ведёт человека через покаяние, смирение, молитву и благодать.

Теперь я всё чаще молюсь не о том, чтобы Господь открыл мне чужие ошибки или тайны будущего. Я прошу лишь одного: «Господи, не лиши надежды на Твоё милосердие». Ведь настоящее самопознание начинается не тогда, когда человек много думает о себе, а тогда, когда он смиренно становится перед лицом Божиим. И чем ближе душа подходит ко Христу, тем яснее она узнаёт себя и тем глубже познаёт свое несовершенство и бесконечную любовь своего Творца.

Запись 22. Страх

Сегодня ночью над морем поднялся сильный ветер. Старые сосны глухо шумели, волны с силой разбивались о скалы, а небо затянули тяжёлые облака. Я стоял у окна кельи и думал о том, что природа не боится бури. Она принимает её как часть своей жизни. Только человек часто живёт в постоянном страхе. Иногда он боится явной опасности, но гораздо чаще – того, что ещё не произошло и, возможно, никогда не произойдёт. Тогда я вновь понял, что страх рождается не только в уме, но прежде всего в сердце.

Когда ко мне приходят люди за советом, я всё чаще замечаю, что почти за каждой душевной болью скрывается какой-либо страх. Один боится болезни, другой – одиночества, третий – бедности, четвёртый – старости, пятый – смерти. Кто-то страшится потерять уважение окружающих, кто-то – лишиться власти или привычного благополучия. Есть и такие, кто боится заглянуть в собственную душу, потому что опасается увидеть там то, что долго скрывал даже от самого себя. Страх умеет менять свои одежды, но его корень остаётся одним и тем же.

Когда я был молодым послушником, мне казалось, что страх исчезнет, если исчезнут опасности. Я думал: стоит только устроить жизнь, избежать скорбей и обрести уверенность в завтрашнем дне – и сердце станет спокойным. Но старец сказал мне: «Если источник страха находится внутри, никакие внешние стены не защитят тебя». Тогда я ещё не понимал этих слов. Теперь вижу, что человек может жить в полной безопасности и всё равно оставаться пленником тревоги.

Священное Писание открывает глубокую причину человеческого страха. После грехопадения Адам сказал Господу: «Услышал я голос Твой… и убоялся». До греха страха не было. Было доверие, любовь и живое общение с Богом. Страх вошёл в мир вместе с разрывом этого общения. Потеряв доверие к своему Творцу, человек начал искать опору в самом себе, а всё, что опирается только на собственные силы, неизбежно становится хрупким. Так страх сделался постоянным спутником падшего человека.

Большинство наших страхов рождается из самости. Мы боимся прежде всего за своё «я»: за свою жизнь, своё имущество, своё мнение, своё положение, свою значимость. Чем сильнее человек привязан к самому себе, тем больше поводов для тревоги. Самость постоянно шепчет: «Ты должен всё удержать. Ты обязан всё контролировать. Ты не имеешь права потерять». Но именно это желание полного контроля становится источником непрестанного беспокойства. Ведь человек никогда не сможет управлять всем происходящим.

Мне вспоминается один состоятельный паломник. Он признался старцу, что не знает покоя ни днём, ни ночью. Он боялся разорения, болезней, обмана, будущего своих детей. Геронда долго

слушал его, потом взял горсть сухого песка и крепко сжал её в кулаке. Песок стал высыпаться между пальцами. Затем он раскрыл ладонь, и несколько песчинок спокойно остались лежать на ней. «Видишь, – сказал старец, – чем крепче человек пытается удержать жизнь, тем быстрее она ускользает. Доверие сохраняет то, что страх разрушает».

Однако существует и другой страх, который святые называли спасительным – страх Божий. Современный человек часто понимает его неправильно, словно речь идёт об ужасе перед суровым Судьёй. Но страх Божий – это совсем иное. Это благоговение перед бесконечной святостью и любовью Господа, это боязнь не наказания, а потерять живое общение с Ним. Такой страх не порабощает, а освобождает. Он рождает не отчаяние, а мудрость, потому что напоминает человеку о главном.

Я долго не понимал, почему подвижники, достигшие великого духовного мира, всё равно говорили о страхе Божием. Со временем стало ясно, что они уже почти не боялись смерти, болезней или человеческого суда. Их сердце страшилось лишь одного – охладеть в любви ко Христу. Когда человек начинает любить Бога всем существом, все остальные страхи постепенно теряют свою власть. Не потому, что исчезают опасности, а потому, что появляется Тот, Кто сильнее всякой опасности.

Особенно ясно это проявляется в жизни мучеников. Многие из них были такими же людьми, как и мы. Они знали боль, чувствовали слабость и естественный страх перед страданиями. Но любовь ко Христу оказалась сильнее страха смерти. Здесь исполняются слова апостола Иоанна: «Совершенная любовь изгоняет страх». Не потому, что делает человека бесчувственным, а потому, что соединяет его с Источником всякой жизни.

Постепенно я заметил ещё одну закономерность. Страх почти всегда заставляет человека замыкаться на себе. Любовь же открывает его навстречу Богу и ближнему. Пока сердце занято только собственной безопасностью, оно не способно по-настоящему любить. Но когда человек доверяет свою жизнь Промыслу Божию, появляется удивительная внутренняя свобода. Он перестаёт жить постоянным ожиданием беды и начинает благодарить Бога даже за сегодняшний день.

Сегодня вечером буря утихла так же неожиданно, как и началась. Над морем вновь показались звёзды, а волны стали спокойно качаться у подножия скал. Я долго смотрел на это и думал, что большинство наших страхов похожи на ночную бурю. Они кажутся бесконечными, пока взгляд прикован только к волнам. Но стоит поднять глаза к небу, и сердце вспоминает, что над всякой бурей всегда пребывает Господь.

Теперь моя молитва стала совсем простой: «Господи Иисусе Христе, научи меня бояться потерять Твою любовь.» И мне кажется, что именно так начинается настоящее мужество. Не тогда, когда человек перестаёт чувствовать страх, а тогда, когда среди любого страха продолжает доверять Богу. Ведь вера – это не отсутствие тревоги, а тихая решимость идти за Христом, зная, что ни одна буря не сильнее Его любви.

Запись 23. Гнев

Сегодня после вечернего правила я вышел в монастырский сад. День был жарким, и земля давно ждала дождя. Под одним из деревьев лежали сухие ветви. Старый монах собрал их в небольшую кучу и поджёг. Сначала появился лишь тонкий дым, потом вспыхнуло маленькое пламя, а через несколько минут огонь уже охватил всю кучу. Геронда быстро залил его водой и тихо сказал: «Видишь, брат, пожар никогда не начинается большим». Эти слова сразу напомнили мне о гневе.

Многие считают гнев естественной частью человеческого характера. Одни даже гордятся своей вспыльчивостью, называя её искренностью или сильной натурой. Другие оправдывают раздражение борьбой за правду и справедливость. Но святые отцы учили смотреть глубже. Они говорили, что почти всякий человеческий гнев рождается не из любви к истине, а из уязвлённого самолюбия. Мы гневаемся потому, что кто-то коснулся нашего тщеславия, нарушил наши планы, не согласился с нашим мнением или лишил нас привычного чувства собственного превосходства.

Когда я был молодым послушником, мне казалось, что раздражение возникает внезапно. Я говорил старцу: «Не успел даже подумать, а уже вспылил». Он внимательно посмотрел на меня и ответил: «Нет, сынок. Ты увидел только вспышку. Но огонь давно тлел внутри». Тогда я не понял его слов. Лишь спустя годы стало ясно, что гнев редко появляется неожиданно. Сначала сердце долго носит в себе скрытое недовольство, осуждение, самолюбие или обиду. А потом достаточно одной искры, чтобы всё это вырвалось наружу.

Святые подвижники говорили, что гнев сам по себе является силой души, вложенной в человека Богом. До грехопадения эта сила была направлена против зла и греха. Но после падения она исказилась и стала обращаться против ближнего. Поэтому задача духовной жизни состоит не в том, чтобы уничтожить способность гневаться, а в том, чтобы вернуть её к первоначальному назначению. Христианин призван ненавидеть не человека, а грех; бороться не с ближним, а со страстями, прежде всего со своими собственными.

Мне вспоминается один паломник, который жаловался старцу:

– Я очень люблю людей, но постоянно раздражаюсь.

Геронда спросил его:

– Когда ты сердишься, о ком думаешь больше – о ближнем или о себе?

Паломник задумался и долго молчал.

– Наверное, о себе.

Геронда кивнул:

– Вот ты и нашёл корень своего гнева.

Эти слова раскрывают глубокую духовную истину. Почти всякое раздражение начинается там, где наше «я» становится важнее любви.

Особенно коварен так называемый «праведный гнев». Человек убеждает себя, что возмущается исключительно ради истины, защиты Церкви или добра ближнего. Но если внимательно посмотреть в сердце, нередко обнаруживается желание победить в споре, доказать своё превосходство или наказать несогласного. Святые отцы советовали проверять себя очень просто: после обличения остаётся ли в сердце любовь к человеку? Если любовь исчезла, значит, говорил уже не Христос, а наше самолюбие.

Однажды я видел старца, которого несправедливо обвинили перед братией. Он спокойно выслушал все слова, никого не перебил и только попросил Бога простить всех присутствующих. Позже я спросил его, почему он не стал защищаться. Геронда ответил: «Если бы я начал защищать своё самолюбие, то потерял бы мир. А если Господу будет угодно открыть истину, Он сделает это без моего гнева». В тот день я понял, что настоящее смирение обладает силой,

которой никогда не достигнет раздражение.

Начинать борьбу с гневом нужно не тогда, когда слова уже сорвались с языка, а гораздо раньше – в тот момент, когда сердце только начинает терять мир. Именно поэтому они так настойчиво говорили о внимании к помыслам. Если вовремя заметить внутреннее раздражение, призвать имя Иисуса Христа и смирить своё самолюбие, пламя угасает ещё до того, как успеет разгореться. Но если начать мысленно спорить, оправдывать себя и обвинять другого, гнев быстро овладевает всем человеком.

Постепенно я понял, что противоположностью гнева является не безразличие, а кротость. Многие считают кроткого человека слабым. Однако кротость требует гораздо большей силы, чем вспыльчивость. Разгневаться легко. Сохранить мир в сердце, когда тебя унижают, не понимают или несправедливо обвиняют, – вот настоящий духовный подвиг. Недаром Сам Господь сказал о Себе: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем». Христос не отвечал злом на зло не потому, что не мог, а потому, что любовь всегда сильнее мести.

С годами я заметил ещё одну удивительную вещь. После вспышки гнева человек почти всегда чувствует внутреннюю пустоту. Даже если ему удалось доказать свою правоту, сердце остаётся тяжёлым. Но когда удаётся победить раздражение молитвой и смирением, появляется глубокий мир. Этот мир невозможно объяснить словами. Он становится тихим свидетельством того, что благодать оказалась сильнее страсти.

Сегодня вечером наконец пошёл долгожданный дождь. Он медленно погасил остатки огня и напоил иссохшую землю. Я долго смотрел на падающие капли и думал, что благодать Божия действует так же. Она не спорит с нашим гневом, а тихо охлаждает разгорячённое сердце. Там, где ещё недавно пылало раздражение, постепенно начинают расти терпение, сострадание и любовь.

Теперь я всё чаще прошу Господа не о том, чтобы вокруг меня не было людей, способных вызвать раздражение. Я прошу совсем о другом: «Господи Иисусе Христе, научи меня побеждать гнев в собственном сердце». Ведь настоящий враг находится не в человеке, который меня огорчил, а в той самости, которая требует, чтобы весь мир исполнял её волю. И если благодать поможет победить этого внутреннего врага, тогда даже самые тяжёлые встречи станут школой смирения, а сердце сохранит мир, которого не может отнять никакая человеческая несправедливость.

Запись 24. Печаль

Сегодня весь день над Святой Горой висели низкие облака. Солнце почти не показывалось, море стало серым, а в ущельях стояла тихая прохлада. Природа словно задумалась и умолкла. Я долго смотрел на эту необычную тишину и думал, что не всякая печаль одинакова. Бывает печаль, которая очищает душу, как мягкий дождь очищает воздух. А бывает такая, что медленно гасит в человеке надежду, подобно сырости, разрушающей стены старого дома.

За годы монашеской жизни я убедился, что почти каждый человек носит в сердце свою печаль. Один скорбит о потерянном здоровье, другой – о разрушенной семье, третий – о несбывшихся мечтах, четвёртый – о смерти близких. Но есть и такая печаль, которую невозможно объяснить внешними обстоятельствами. Всё у человека как будто благополучно, а сердце остаётся тяжёлым. Именно эта внутренняя скорбь чаще всего становится предметом духовной борьбы.

Когда я был молодым послушником, мне казалось, что печаль всегда является следствием скорбей. Геронда же сказал мне: «Не всякая скорбь рождает печаль, и не всякая печаль

рождается от скорби». Тогда я не понял этих слов. Лишь спустя годы стало ясно, что одно и то же испытание одного человека делает ближе к Богу, а другого погружает в ропот и отчаяние. Значит, дело не только в обстоятельствах, но и в состоянии самого сердца.

Апостол Павел писал, что есть печаль ради Бога, которая производит покаяние ко спасению, и есть печаль мирская, производящая смерть. Эти слова открывают глубокую духовную закономерность. Благодатная печаль рождается тогда, когда человек скорбит о своём удалении от Бога, о своих грехах, о чужой боли, о страданиях мира. Такая скорбь всегда соединена с надеждой. Она смиряет сердце, делает его мягче и приводит к молитве.

Совсем иной бывает печаль, происходящая от самолюбия. Она появляется тогда, когда жизнь перестаёт соответствовать нашим ожиданиям. Мы теряем то, к чему были привязаны, не получаем желаемого, встречаем неблагодарность или неудачу. Кажется, что скорбим о случившемся, но если внимательно посмотреть в сердце, обнаруживается другое: мы скорбим прежде всего о том, что пострадало наше собственное «я». Именно поэтому такая печаль постепенно рождает раздражение, уныние и внутреннюю пустоту.

Мне вспоминается один человек, который после серьёзной жизненной неудачи пришёл к старцу. Он сказал:

– Я потерял радость и больше не вижу смысла жить.

Геронда долго молчал, а потом спросил:

– Сынок, а что именно ты потерял? Т

от стал перечислять свои планы, положение, уважение людей, достаток. Тогда старец тихо произнёс:

– Ты потерял многое. Но разве ты потерял Христа?

Эти слова изменили весь разговор. Пока человек связывает свою жизнь только с земными приобретениями, печаль неизбежно будет разрушать его. Но если центром сердца становится Господь, скорбь уже не превращается в безысходность.

Старые духовники особенно предупреждали об опасности уныния. Оно редко приходит внезапно. Обычно ему предшествует долгая привычка жить без благодарности. Человек всё чаще замечает то, чего у него нет, и перестаёт видеть то, что уже получил от Бога. Он привыкает измерять свою жизнь потерями, а не дарами. Тогда сердце постепенно закрывается для благодати. Не потому, что Господь оставил человека, а потому, что сама душа перестала замечать Его присутствие.

Однажды после нескольких тяжёлых дней я пришёл к своему духовнику и признался, что сердце моё стало каким-то холодным. Геронда не стал долго рассуждать. Он вывел меня на монастырский двор, где после дождя маленький цветок пробился прямо между камнями.

– Посмотри внимательно, – сказал он. – Камней гораздо больше, чем земли. Но цветок ищет не камень, а ту горсть земли, которая даёт ему жизнь. – Потом он добавил. – Так поступай и ты. Не считай только свои скорби. Учись замечать милость Божию даже среди них.

Эти слова я вспоминаю всякий раз, когда сердце начинает тяжелеть.

Постепенно я понял, что благодарение является одним из сильнейших лекарств против

печали. Это не означает, что человек перестаёт плакать или делать вид, будто ему не больно. Нет. Христианин может глубоко скорбеть, но при этом не терять доверия Богу. Благодарность напоминает душе, что Господь остаётся рядом даже тогда, когда Его присутствие почти не ощущается. Именно поэтому многие святые благодарили Бога не только за радости, но и за испытания.

Мне всё чаще кажется, что печаль похожа на облака, закрывающие солнце. Когда стоишь под ними, кажется, будто света больше нет. Но стоит подняться выше, и становится видно, что солнце никуда не исчезало. Так бывает и в духовной жизни. Благодать Божия не перестаёт действовать из-за наших скорбей. Иногда именно через них она глубже всего касается сердца, очищая его от ложных надежд и возвращая к единственной настоящей опоре – ко Христу.

Сегодня вечером облака начали расходиться. На западе появился узкий золотой луч, а затем всё море снова наполнилось светом. Я долго смотрел на эту перемену и думал, что Господь редко сразу избавляет человека от печали. Гораздо чаще Он постепенно наполняет её Своим присутствием, пока сама скорбь не становится дорогой к Нему.

Теперь моя молитва стала очень простой: «Господи Иисусе Христе, не дай моей печали превратиться в уныние. Научи меня скорбеть так, чтобы сердце ещё сильнее искало Тебя». Ведь печаль, соединённая с верой, становится источником сострадания, мудрости и глубокого мира. А там, где среди слёз не угасает надежда на Бога, уже начинает сиять свет Воскресения.

Запись 25. Осуждение

Сегодня утром после Божественной Литургии я долго сидел у старого колодца. Вода в нём была такой чистой, что на самом дне можно было различить каждый камешек. Но стоило бросить в неё маленькую горсть земли, как прозрачность мгновенно исчезла. Тогда я подумал, что человеческое сердце устроено подобным образом. Оно может долго хранить мир, но одного осуждающего помысла бывает достаточно, чтобы этот мир помутнел. И что удивительно – чаще всего человек замечает чужую нечистоту раньше, чем собственную.

За долгие годы монастырской жизни я понял, что нет страсти, которая входила бы в душу так незаметно, как осуждение. Почти никто не считает себя осуждающим. Мы говорим: «Я просто называю вещи своими именами», «Я лишь говорю правду», «Я хочу помочь человеку увидеть его ошибку». Но если внимательно прислушаться к сердцу, нередко оказывается, что за этими словами скрывается тайное чувство собственного превосходства. Самость всегда стремится возвыситься, а легче всего это сделать, поставив рядом кого-то «хуже себя».

Когда я был молодым послушником, старец однажды дал мне очень странное послушание. Он попросил меня целый день внимательно следить не за чужими, а за своими мыслями. Вечером он спросил: «Сколько раз за день ты мысленно оценивал других людей?» Я начал вспоминать и ужаснулся. Почти каждый встречный уже был в моей голове добрым или плохим, умным или глупым, благочестивым или нерадивым. Геронда тихо сказал: «Видишь, как легко ум становится судьёй? А ведь суд принадлежит одному Богу».

Священное Писание говорит: «Не судите, да не судимы будете». Долгое время мне казалось, что это лишь нравственный призыв быть добрее к людям. Теперь понимаю, что Господь открывает здесь глубокий духовный закон. Осуждая ближнего, человек незаметно занимает место, которое принадлежит только Богу. Мы видим поступок, но не знаем сердца. Видим падение, но не знаем всей борьбы, которая ему предшествовала. Видим сегодняшний грех, но не знаем завтрашнего покаяния. Только Господь знает человека полностью, а потому только Он может судить праведно.

Мне вспоминается один паломник, который с большим возмущением рассказывал старцу о недостатках своего соседа. Он долго перечислял его ошибки, пока старец молча слушал. Потом поднял с земли небольшой мешок с картофелем и попросил паломника понести его. Через несколько минут тот устал и спросил, когда можно будет оставить ношу. Геронда ответил: «Чужие грехи тяжелее этого мешка. Пока ты несёшь их в своём сердце, у тебя не останется сил бороться со своими». Эти слова глубоко поразили меня. Мы часто забываем, что каждый осуждающий помысл отнимает у нас мир и внимание к собственной душе.

Святые отцы учили, что осуждение почти всегда рождается из гордости. Смиренный человек слишком хорошо знает собственную немощь, чтобы с лёгкостью обвинять другого. Он понимает, что при тех же обстоятельствах мог бы поступить ещё хуже. Именно поэтому преподобный авва Дорофей советовал не говорить: «Этот человек плохой», а говорить: «Этот поступок был плохим». Даже тогда необходимо помнить, что человек всегда больше своего падения. Пока он жив, для него открыта дверь покаяния.

Особенно опасно духовное осуждение. Когда человек начинает сравнивать свою молитву, пост, знание Священного Писания или церковную жизнь с другими, страсть становится почти незаметной. Внешне он говорит о благочестии, а внутри сердце уже наслаждается собственным превосходством. Именно поэтому Господь рассказал притчу о фарисее и мытаре. Фарисей благодарил Бога правильными словами, но в глубине души осуждал другого. И оказалось, что именно это лишило его оправдания.

Однажды в монастырь пришёл человек, о котором братия говорила недоброе. Многие вспоминали его прошлые грехи и относились к нему настороженно. Только один очень старый монах встретил его с необыкновенной теплотой. Позже я спросил старца, почему он не боится доверять человеку с такой репутацией. Он ответил: «Если Христос не перестал ждать его покаяния, кто я такой, чтобы перестать?» Тогда я понял, что любовь всегда видит в человеке не только его прошлое, но и возможность его будущего преображения.

Постепенно я заметил, что лучший способ избавиться от осуждения – научиться состраданию. Когда начинаешь понимать, какую тяжёлую борьбу ведёт каждый человек, желание судить исчезает. На его место приходит тихая молитва. Вместо слов: «Как он мог так поступить?» сердце всё чаще говорит: «Господи, помилуй его… и меня, потому что я столь же немощен». В этот момент благодать незаметно исцеляет душу от одного из самых опасных недугов.

Сегодня вечером я вновь подошёл к колодцу. За день вода снова стала прозрачной. Земля осела на дно, и поверхность вновь отражала небо. Я долго смотрел на неё и думал, что Господь так же терпеливо очищает человеческое сердце. Если перестать постоянно бросать в него камни осуждения, оно вновь становится способным отражать Божий свет.

Теперь моя молитва стала очень короткой: «…Господи, даруй мне видеть мои согрешения и не осуждать брата моего…». Ведь человек начинает по-настоящему узнавать Бога только тогда, когда перестаёт быть судьёй для других. Там, где исчезает осуждение, рождается милосердие. А где появляется милосердие, там незримо начинает действовать Сам Христос, пришедший не судить мир, но спасти его.

Запись 26. Тщеславие

Сегодня на часах после утрени я вышел на монастырский двор. Солнце только поднялось над вершинами Афона, и первые его лучи осветили старый медный крест на куполе храма. Крест сиял ярко, но стоило небольшому облаку закрыть солнце, как блеск мгновенно исчез. Тогда я подумал, что человеческая слава очень похожа на этот отблеск. Она кажется яркой, но живёт

лишь до тех пор, пока её освещают чужие взгляды. Стоит людям отвернуться – и сердце, привыкшее жить похвалой, остаётся в темноте.

За многие годы я убедился, что тщеславие – одна из самых скрытных страстей. Если гнев вспыхивает открыто, а печаль приносит тяжесть, то тщеславие умеет прятаться даже за добродетелями. Оно сопровождает человека почти повсюду. Оно способно превратить милостыню в средство самоутверждения, молитву – в повод для гордости, знания – в предмет самолюбования, а смиренные слова – в желание услышать похвалу за собственное смирение. Именно поэтому святые отцы называли тщеславие «вором духовных сокровищ».

Когда я был молодым послушником, мне казалось, что тщеславие свойственно только известным людям, ищущим человеческой славы. Геронда улыбнулся и сказал: «Тщеславию совсем не нужна толпа. Иногда ему достаточно одного зрителя – тебя самого». Сначала я не понял этих слов. Но потом заметил, как часто после доброго дела внутри появляется тихая мысль: «Как хорошо ты поступил». И если эту мысль не отвергнуть сразу, сердце незаметно начинает любоваться собой вместо того, чтобы благодарить Бога.

Господь предупреждает нас: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая». Долгое время я думал, что речь идёт только о внешней скромности. Но постепенно понял, что Христос говорит прежде всего о внутреннем устроении сердца. Можно совершать добро втайне от людей и всё же непрестанно рассказывать о нём самому себе. Самость умеет хранить память о собственных заслугах гораздо лучше, чем память о собственных грехах.

Мне вспоминается один брат, который много трудился в монастыре. Он никогда не жаловался и не искал отдыха. Но стоило кому-нибудь забыть поблагодарить его, как в душе сразу появлялась тяжесть. Геронда однажды спросил его: «Для кого ты работал – для Бога или для человеческой благодарности?» Эти простые слова открыли ему глубокую рану сердца. Он понял, что его труд был добрым, но сердце всё ещё ждало награды от людей.

Тщеславие питается человеческим вниманием. Пока человеку важно, что о нём думают, страсть остаётся живой. Она заставляет постоянно сравнивать себя с другими, искать признания, болезненно переживать критику и радоваться похвале сильнее, чем благодати Божией. Постепенно человек начинает жить не перед Богом, а перед воображаемым судом окружающих. Его поступками управляет уже не любовь, а желание производить впечатление.

Особенно тонко тщеславие действует в духовной жизни. Оно может внушить человеку мысль, что он уже достиг многого: научился молиться, приобрёл смирение, победил страсти, стал мудрее других. В этот момент начинается самое опасное падение. Потому что человек перестаёт видеть собственную немощь. Он уже не просит милости Божией, а незаметно начинает любоваться собой. Именно так рождается духовная прелесть, о которой так строго предупреждали афонские старцы.

Однажды я спросил своего духовника:

– Как узнать, что сердце начинает освобождаться от тщеславия?

Он ответил неожиданно:

– Когда тебя перестанет огорчать человеческое забвение. – Потом добавил: – Попробуй сделать добро так, чтобы никто никогда не узнал об этом. Если сердце останется радостным, значит, ты сделал ещё один шаг к свободе.

Со временем я понял, что противоположностью тщеславия является не презрение к самому себе, а смирение. Смиренный человек не думает постоянно ни о своей значимости, ни о своей ничтожности. Он думает о Боге. Он знает, что всё доброе приходит от благодати, а потому не присваивает себе Божиих даров. Если его хвалят, он благодарит Господа. Если забывают, он также благодарит Господа. Его внутренний мир уже не зависит от человеческого мнения, потому что сердце нашло более глубокую опору.

Мне вспоминается преподобный Паисий Святогорец. К нему ежедневно приходили сотни людей, но он всячески избегал человеческой славы. Когда кто-то начинал восхищаться им, старец старался перевести разговор на милость Божию или рассказать о каком-нибудь собственном недостатке. Он хорошо понимал, что похвала опаснее многих скорбей. Скорби чаще смиряют человека, а похвала легко усыпляет духовную бдительность.

Сегодня вечером солнце снова коснулось креста на куполе. Но теперь я увидел не блеск металла, а сам крест. И подумал, что именно так должна жить душа. Не искать собственного сияния, а отражать свет Христов. Ведь луна не имеет своего света, но освещает ночь, принимая солнечные лучи. Так и человек становится по-настоящему прекрасным лишь тогда, когда перестаёт искать собственной славы и позволяет благодати Божией сиять через него. Ведь тщеславие незаметно делает человека рабом чужих взглядов, а смирение возвращает ему свободу детей Божиих. И когда сердце перестаёт искать человеческой славы, в нём рождается тихая радость, которую никто не может ни дать, ни отнять, потому что она приходит от Самого Христа.

Запись 27. Любовь к себе и любовь ко Христу

Сегодня перед рассветом я сидел на высокой скале над морем. Горизонт ещё скрывался во тьме, но уже чувствовалось приближение солнца. Сначала свет коснулся лишь вершин гор, потом медленно сошёл к лесу, а затем озарил море. И тогда мне подумалось, что человеческое сердце устроено подобным образом. Пока в нём нет Света Христова, оно вынуждено искать свет в самом себе. Но собственный свет быстро гаснет. Только тот, кто живёт Светом Божиим, начинает по-настоящему видеть и мир, и себя.

За многие годы я всё чаще слышал один и тот же совет современного мира: «Полюби себя». Эти слова произносятся искренне и часто с желанием помочь человеку избавиться от внутренних ран. Но почти всегда под этой любовью понимается совсем не то, чему учит Евангелие. Человеку предлагают сделать самого себя главным смыслом своей жизни: исполнять прежде всего собственные желания, искать личного комфорта, постоянно заботиться о собственных чувствах и требовать, чтобы окружающие признавали его ценность. Такая любовь кажется исцелением, но очень скоро превращается в новую форму одиночества. Чем больше человек вращается вокруг собственного «я», тем теснее становится круг его жизни.

Когда я только пришёл в монастырь, мне казалось, что путь ко Христу требует перестать любить себя совсем. Но старец остановил меня. Он сказал: «Нельзя ненавидеть то, что создал Бог. Нужно возненавидеть не себя, а грех, который исказил тебя».

Постепенно я понял, что святые никогда не презирали человека. Они плакали о повреждении человеческой природы, но одновременно видели в каждом образ Божий, достойный бесконечной любви и милосердия.

Самость и любовь к себе – не одно и то же. Самость говорит: «Пусть весь мир служит мне». Истинная любовь к себе говорит: «Не хочу больше жить вдали от Бога, потому что этим гублю

свою душу». Самость требует, чтобы человека постоянно признавали, хвалили и уважали. Любовь к себе желает сохранить в сердце образ Христов. Самость ищет удовольствия. Любовь ищет спасения. Самость замыкает человека внутри самого себя. Любовь открывает его навстречу Богу и людям.

Мне вспоминается молодой человек, который однажды сказал старцу:

– Я не умею любить себя.

Геронда долго молчал, а потом спросил:

– А ты умеешь благодарить Бога за то, что Он создал тебя?

Юноша задумался. Тогда старец продолжил:

– Кто не благодарит Творца за собственную жизнь, тот не сможет правильно любить и самого себя. Потому что будет видеть в себе либо кумира, либо врага. А нужно увидеть в себе любимое создание Божие, нуждающееся в исцелении.

Эти слова открыли для юноши совсем иной путь.

Человек становится самим собой только тогда, когда выходит за пределы своего эгоизма. Это кажется парадоксом. Мир говорит: «Найди себя внутри себя». Христос говорит: «Кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережёт её». На первый взгляд эти слова противоречат здравому смыслу. Но духовный опыт показывает обратное. Пока человек живёт только ради собственного благополучия, он постоянно испытывает внутренний голод. Когда же начинает жить ради Бога и ближнего, сердце неожиданно обретает полноту, которой никогда не находило в самом себе.

Особенно ясно это видно в жизни святых. Преподобный Серафим Саровский, преподобный Силуан Афонский, преподобный Паисий Святогорец не искали собственной славы, покоя или выгоды. Они отдавали людям всё, что имели: время, силы, любовь, молитву. Со стороны могло показаться, что они забыли о себе. Но именно в этом самоотречении их личность раскрылась во всей своей красоте. Чем меньше они жили для своего самолюбия, тем больше становились похожими на Христа.

Однажды я спросил старца:

– Как понять, люблю ли я Христа больше самого себя?

Он ответил:

– Посмотри, что ты защищаешь прежде всего. Если ты постоянно защищаешь своё самолюбие – значит, ещё служишь себе. Если же стараешься сохранить мир, любовь и верность Христу даже ценой собственной правоты, значит, сердце начинает учиться настоящей любви.

Я часто вспоминаю этот совет. Он помогает увидеть многое, чего раньше не замечал.

Постепенно приходит понимание, что любовь ко Христу не уничтожает человеческую личность. Напротив, только во Христе человек становится тем, кем был задуман Богом от начала. Грех делает нас похожими друг на друга, потому что все страсти удивительно однообразны. Один и тот же эгоизм, одна и та же гордыня, одна и та же жажда признания повторяются в тысячах судеб. Благодать же раскрывает неповторимость каждой личности. Чем

ближе человек к Богу, тем свободнее, глубже и прекраснее становится его внутренний мир.

Сегодня вечером я снова встретил закат солнца над морем. Теперь свет отражался в каждой волне, но ни одна волна не удерживала его для себя. Она принимала свет и сразу передавала дальше. И я подумал, что такова и настоящая любовь. Она не замыкается на себе, не присваивает, не требует, а принимает всё от Бога и отдаёт дальше.

Теперь моя молитва стала такой: «Господи Иисусе Христе, научи меня любить себя так, как Ты любишь меня.». Ведь только тот, кто полюбил Христа больше собственного эгоизма, впервые начинает по-настоящему любить и самого себя, и каждого человека. И тогда открывается великая тайна духовной жизни: чем больше места в сердце занимает Христос, тем полнее человек становится самим собой.

Часть VI. О духовном возрастании

Запись 28. Как действует благодать

Сегодня на рассвете я вышел к старому винограднику, который монахи возделывают уже многие десятилетия. Ночью прошёл небольшой дождь. Земля ещё хранила влагу, листья виноградной лозы сияли каплями воды, а молодые побеги словно ожили за одну ночь. Я долго смотрел на них и думал: никто не видел, как сок поднимался от корней к ветвям. Всё происходило тихо, незаметно. Но именно эта скрытая жизнь сделала виноградник живым. Так действует и благодать Божия в человеческой душе.

Многие представляют благодать как необыкновенное чувство, внезапный восторг или яркое духовное переживание. Если подобных ощущений нет, человек начинает думать, что Господь оставил его. Но святые отцы учили совсем иначе. Благодать редко действует шумно. Она подобна утреннему свету. Никто не может назвать мгновение, когда ночь становится днём. Однако проходит время – и всё вокруг уже наполнено светом. Так и сердце постепенно изменяется, хотя сам человек нередко замечает это лишь спустя годы.

Когда я только пришёл в монастырь, мне казалось, что благодать должна ощущаться постоянно. После первых утешений наступил долгий период внутренней сухости. Молитва стала трудной, сердце казалось холодным, а прежняя радость исчезла. Тогда я пришёл к старцу и спросил: «Неужели Господь удалился от меня?» Он ласково улыбнулся и ответил: «Сынок, солнце не перестаёт светить только потому, что его закрыли облака. Учись доверять Богу не только тогда, когда чувствуешь Его, но и тогда, когда остаёшься Ему верен без всяких утешений».

Первое действие благодати – не утешение, а обличение. Когда Господь приближается к человеку, он начинает видеть то, чего раньше не замечал. Открываются скрытая гордыня, тщеславие, самолюбие, осуждение, недоверие Богу. Иногда человеку кажется, что он стал хуже. На самом деле он стал видеть яснее. Подобно тому как луч солнца обнаруживает пыль в комнате, благодать открывает душе её раны, чтобы затем исцелить их.

Мне вспоминается молодой брат, который однажды с тревогой сказал старцу:

– Отче, чем больше я молюсь, тем больше вижу в себе грехов.

Геронда ответил:

– Это значит, что Господь зажёг в твоём сердце светильник. В темноте человек думает, что вокруг чисто. Свет открывает не только красоту, но и грязь.

После этих слов брат перестал бояться своей внутренней борьбы. Он понял, что истинное самопознание – не признак удаления от Бога, а часто первый плод Его благодати.

Но благодать не только обличает. Она незаметно укрепляет человека в добре. То, что раньше требовало огромного усилия, постепенно становится естественным. Сердце легче прощает, быстрее замечает собственные ошибки, спокойнее переносит обиды, меньше ищет человеческой похвалы. Эти изменения происходят медленно, словно растёт дерево. Если каждый день смотреть на него, кажется, будто ничего не происходит. Но спустя годы невозможно не увидеть, насколько оно изменилось.

Духовники предупреждали и о другой опасности. Иногда человек начинает приписывать действие благодати самому себе. Ему кажется, что это он достиг смирения, приобрёл молитву, победил страсти. В этот момент благодать незаметно отступает, чтобы человек снова увидел свою немощь. Господь делает это не в наказание, а из любви. Пока человек надеется на собственные силы, он ещё не готов принять полноту Божиих даров.

Однажды я спросил духовника:

– Почему Господь иногда скрывает Свою благодать?

Геронда ответил:

– Мать иногда отпускает руку ребёнка не потому, что перестала любить его, а чтобы он научился ходить. Но она всегда остаётся рядом.

Это помогло мне пережить многие годы духовной сухости. Я понял, что отсутствие утешений ещё не означает отсутствие Бога. Иногда именно тогда благодать действует глубже всего, укрепляя верность, терпение и доверие.

Постепенно приходит понимание, что главным признаком действия благодати являются вовсе не необыкновенные переживания. Самый верный её плод – любовь. Если человек становится добрее, смиреннее, терпеливее, милосерднее, если ему легче молиться за врагов, легче благодарить Бога среди скорбей и легче забывать собственные обиды, значит, благодать незримо совершает своё дело. Всё остальное может оказаться лишь временным душевным состоянием.

Мне вспоминаются слова преподобного Силуана Афонского. Он говорил, что благодать учит душу любить весь мир и молиться даже за тех, кто причиняет ей зло. В этих словах раскрывается величайшая тайна духовной жизни. Благодать не просто успокаивает человека. Она делает его похожим на Самого Христа. Именно поэтому её главным плодом становится любовь, которая не ищет своего.

Сегодня вечером я вновь пришёл к винограднику. За один день ничего не изменилось. Но я знал, что глубоко под землёй продолжается невидимая жизнь. Корни впитывали влагу, сок поднимался по стеблям, и Господь совершал Своё тихое чудо. Тогда я понял, что так же Он действует и в человеческой душе. Мы не всегда замечаем Его работу. Иногда нам кажется, что всё осталось прежним. Но если сердце хранит покаяние, молитву, смирение и доверие Богу, благодать никогда не перестаёт трудиться.

Благодать действует подобно тихому дыханию жизни. Она не принуждает, не ослепляет и не разрушает человеческую свободу. Она терпеливо очищает сердце, просвещает ум, согревает любовь и мало-помалу преображает человека в тот светлый образ, который Господь замыслил о нём прежде создания мира.

Запись 29. Мир Христов

Сегодня ранним утром я поднялся на вершину холма над монастырём. Ночь ещё не совсем отступила, но восток уже начинал светлеть. Море лежало совершенно неподвижно. Не было ни ветра, ни волн, ни крика чаек. Казалось, сама природа молится в глубоком безмолвии. Тогда в сердце прозвучали слова Спасителя: «Мир Мой даю вам; не так, как мир даёт, Я даю вам». И я вновь задумался над тем, насколько мало мы понимаем эти слова.

Большинство людей мечтает о мире как об отсутствии скорбей. Нам кажется, что мир наступит тогда, когда исчезнут болезни, конфликты, тревоги, бедность, несправедливость и страх. Мы надеемся изменить внешние обстоятельства, чтобы обрести внутренний покой. Но жизнь снова и снова показывает, что даже среди полного благополучия человек может оставаться глубоко несчастным. Значит, источник настоящего мира находится совсем не во внешнем мире.

Когда я был молодым послушником, мне казалось, что стоит уйти от городской суеты на Святую Гору – и сердце сразу станет спокойным. Но вскоре я обнаружил, что главный шум человек приносит с собой. Он живёт внутри нас. Воспоминания, тревоги, обиды, мечты, осуждение, страхи и бесконечные внутренние разговоры продолжаются даже в полной тишине. Тогда старец сказал мне: «Если ты не обрёл мир в сердце, ты не найдёшь его нигде на земле». Эти слова стали для меня настоящим откровением.

Мир Христов рождается не тогда, когда исчезают испытания, а тогда, когда душа соединяется с Богом. Пока человек живёт только своими желаниями, он неизбежно остаётся в постоянном напряжении. Он боится потерять то, что любит, тревожится о будущем, болезненно реагирует на каждую несправедливость. Но когда сердце начинает доверять Промыслу Божию, в нём появляется удивительная тишина. Не потому, что жизнь стала легче, а потому, что рядом ощущается Христос.

Мне вспоминается один старый афонский монах. В последние годы жизни он тяжело болел. Каждый шаг причинял ему боль, но лицо его оставалось удивительно светлым. Однажды я спросил его:

– Отче, неужели тебе совсем не страшно?

Он улыбнулся и ответил:

– Больно – да. Но страшно – нет. Когда человек знает, что находится в руках Божиих, страх постепенно уступает место миру.

Я часто возвращаюсь к этим словам. В них больше богословия, чем во многих книгах.

Мир Христов не является душевным спокойствием или особенностью характера. Некоторые люди от природы уравновешены, другие вспыльчивы и эмоциональны. Но благодать действует и в тех, и в других. Мир Христов – это плод Святого Духа. Он приходит тогда, когда человек перестаёт воевать с волей Божией. Пока мы требуем, чтобы Господь устроил жизнь по нашему замыслу, сердце остаётся беспокойным. Но стоит сказать вместе со Христом: «Да будет воля Твоя», – как начинается настоящее внутреннее освобождение.

Однажды паломник пожаловался старцу:

– Я постоянно молюсь о мире в душе, но ничего не меняется.

Геронда спросил его:

– А есть ли кто-нибудь, кого ты до сих пор не простил?

Человек опустил голову. Оказалось, много лет он носил в сердце старую обиду. Тогда старец тихо сказал:

– Нельзя наполнить сосуд чистой водой, пока в нём лежит горький камень.

Эти слова глубоко раскрывают душу человека. Мир Христов не может жить рядом с ненавистью, осуждением и гордыней.

Афонские отцы считают внутренний мир одним из главных признаков присутствия благодати. Но они предупреждали, что этот мир необходимо хранить. Его легко потерять из-за одного неосторожного слова, одной горделивой мысли, одного осуждения или раздражения. Поэтому они так настойчиво учили вниманию к сердцу. Человек должен охранять внутренний мир так же бережно, как путник в пустыне хранит последнюю чашу воды.

Мне вспоминается преподобный Серафим Саровский, сказавший: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся». Долгое время я понимал эти слова лишь как красивое изречение. Теперь вижу их глубокую правду. Человек, в котором живёт мир Христов, уже самим своим присутствием утешает других. Ему не нужно много говорить. Его сердце становится тихим свидетельством того, что Бог действительно существует.

Постепенно я понял ещё одну важную вещь. Мир Христов вовсе не означает отсутствие борьбы. Даже великие подвижники переживали тяжёлые искушения, внутреннюю сухость и скорби. Но в самой глубине их души сохранялась твёрдая уверенность, что Господь рядом. Подобно морскому дну, которое остаётся спокойным даже тогда, когда на поверхности бушует шторм, сердце, укоренённое во Христе, не теряет своего основания среди житейских бурь.

Сегодня вечером море снова покрылось небольшими волнами. Ветер усилился, но где-то глубоко под этой беспокойной поверхностью продолжала царить прежняя тишина. Я долго смотрел на неё и думал, что именно так Господь хочет устроить человеческое сердце. Внешняя жизнь может быть наполнена трудами, болезнями, непониманием и скорбями. Но если в самой глубине души пребывает Христос, никакая буря уже не способна разрушить её мир.

Мир Христов – это не награда за духовные труды, а тихое присутствие Самого Господа в человеческом сердце. И если человек хранит этот бесценный дар, то даже среди самых тяжёлых испытаний он уже начинает жить дыханием будущего Царства, где «Бог будет всё во всём».

Запись 30. Любовь как состояние души

Сегодня ранним утром я сидел возле старой маслины, растущей над морем. Её ствол был весь покрыт трещинами, многие ветви давно высохли, но каждую весну на ней вновь появлялись молодые листья и плоды. Я долго смотрел на это дерево и думал, что любовь Божия очень похожа на жизнь этой маслины. Она не шумит, не требует внимания к себе, не доказывает своего существования словами. Она просто непрестанно дарит жизнь. Тогда я понял, что и настоящая любовь человека рождается не из чувств, а из преображённого сердца.

Современный мир почти всегда говорит о любви как о сильном переживании. Любовью называют влюблённость, привязанность, эмоциональное притяжение, удовольствие от общения или желание обладать другим человеком. Пока чувства ярки, кажется, что любовь жива. Но стоит эмоциям ослабеть, и человек говорит: «Любовь прошла». Святые же отцы понимали любовь совершенно иначе. Для них любовь была не настроением души, а её новым состоянием,

которое рождается от соединения со Христом.

Когда я только начинал монашескую жизнь, мне казалось, что любовь – это добрые чувства ко всем людям. Но старец однажды спросил меня: «Сможешь ли ты любить человека, который несправедливо тебя унизит?» Я смутился и не нашёл ответа. Тогда он тихо сказал: «Пока любовь зависит от отношения людей к тебе, это ещё не любовь Христова». Со временем, размышляя, я понял, что человеческие чувства легко меняются, а любовь Божия остаётся неизменной.

Священное Писание говорит: «Бог есть любовь». Это означает не только то, что Господь любит человека. Это означает, что любовь является самой природой Божественной жизни. Поэтому человек не может приобрести настоящую любовь собственными усилиями. Он способен научиться вежливости, терпению, добрым поступкам, но любовь как внутреннее состояние сердца является прежде всего даром Святого Духа. Именно благодать постепенно освобождает душу от самости, чтобы в ней начал жить Сам Христос.

Мне вспоминается один брат, который с горечью говорил старцу:

– Я стараюсь любить людей, но они снова причиняют мне боль.

Геронда подумал и ответил:

– Ты пытаешься любить своими силами. Поэтому быстро устаёшь. Сначала научись жить во Христе, и тогда Его любовь начнёт любить через тебя.

Тогда эти слова показались мне слишком простыми. Теперь я понимаю, что в них заключена одна из самых глубоких истин духовной жизни. Пока человек остаётся источником собственной любви, её всегда будет недостаточно.

Первым врагом любви является самость. Пока сердце постоянно спрашивает: «Что получу я? Как относятся ко мне? Достаточно ли меня ценят?», любовь не может стать свободной. Она неизбежно превращается в обмен: я люблю, пока любят меня; прощаю, пока прощают меня; жертвую, пока это не слишком трудно. Но Христос открывает совсем иной путь. Он любит человека ещё тогда, когда человек отворачивается от Него. Такая любовь уже не зависит от взаимности. Она становится образом самого Бога в человеческой душе.

Особенно ясно это видно в жизни святых. Преподобный Силуан Афонский плакал не только о близких, но и обо всём мире. Он говорил, что душа, познавшая благодать, не может перестать молиться даже за своих врагов. Преподобный Паисий Святогорец принимал каждого приходящего как дорогого гостя, независимо от его прошлого. Старцы не разделяли людей на достойных и недостойных любви. Они видели в каждом человеке образ Божий, пусть даже глубоко повреждённый грехом. Именно поэтому рядом с ними многие впервые ощущали, что их любят не за заслуги, а просто потому, что они – дети Божии.

Со временем я понял, что любовь – это не отдельная добродетель среди многих других. Она является дыханием всей духовной жизни. Без любви молитва становится привычкой, пост – упражнением воли, милостыня – способом самоутверждения, богословие – накоплением знаний. Любовь же соединяет всё воедино и наполняет каждый подвиг живым присутствием Бога. Апостол Павел потому и сказал, что без любви даже самые великие дары теряют свою ценность.

Однажды я спросил своего духовника:

– Как узнать, возрастает ли во мне любовь?

Он не стал говорить о чувствах. Он спросил только:

– Легче ли тебе стало прощать? Реже ли ты осуждаешь? Чаще ли молишься за тех, кто причиняет тебе боль? Быстрее ли замечаешь собственные грехи, чем чужие?

Тогда я понял, что любовь измеряется не силой переживаний, а глубиной преображения сердца.

Сегодня вечером я вновь подошёл к старой маслине. День был жарким, но дерево продолжало давать прохладу каждому, кто садился под его ветвями. Оно не выбирало, кто достоин его тени. Оно просто исполняло своё предназначение. И мне подумалось, что именно так действует любовь Христова. Она не спрашивает, заслужил ли человек добро. Она сама становится добром.

Ведь любовь – это не только величайшая заповедь, но и высшая цель духовной жизни. Когда она становится постоянным состоянием души, человек уже начинает жить жизнью будущего Царства. Тогда сердце перестаёт принадлежать самому себе и становится местом, где незримо пребывает Христос, а через Него – мир, милость и любовь ко всему творению.

Запись 31. Радость, которая не зависит от обстоятельств

Сегодня ранним утром над Святой Горой шёл мелкий дождь. Небо было серым, холодный ветер гулял между скалами, а море казалось почти чёрным. Но среди мокрых камней я увидел маленький полевой цветок. Несмотря на непогоду, он был раскрыт навстречу небу. Тогда я подумал, что настоящая радость очень похожа на этот цветок. Она рождается не потому, что вокруг всё хорошо. Она живёт потому, что её корень находится глубже любых обстоятельств.

Многие люди уверены, что радость приходит тогда, когда исполняются желания. Если человек здоров, любим, обеспечен, успешен и окружён уважением, значит, он должен быть счастлив. Но жизнь снова и снова разрушает эту уверенность. Можно обладать всем, о чём мечтал, и всё же ощущать внутреннюю пустоту. Можно потерять почти всё и сохранить удивительный мир сердца. Значит, источник подлинной радости находится не во внешнем мире, а в той глубине души, где человек встречается с Богом.

Когда я только пришёл в монастырь, мне казалось, что духовная жизнь должна состоять главным образом из скорби о своих грехах. Я боялся даже радоваться, думая, что это несовместимо с покаянием. Геронда заметил мою внутреннюю напряжённость и сказал: «Если покаяние не рождает тихой радости о милосердии Божием, значит, ты ещё смотришь больше на себя, чем на Христа». Эти слова сопровождали меня долгие годы. Тогда я впервые понял, что покаяние и радость не противоречат друг другу. Они рождаются из одного источника – любви Божией.

Священное Писание постоянно говорит о радости как о естественном состоянии человека, живущего в Боге. Господь обещает ученикам такую радость, которой никто не сможет отнять. Апостолы, переживая гонения, тюрьмы и страдания, всё же призывают: «Всегда радуйтесь». Эти слова невозможно понять с точки зрения обычной человеческой логики. Но они становятся ясными тому, кто хотя бы однажды почувствовал прикосновение благодати. Тогда сердце радуется не потому, что исчезли скорби, а потому, что среди них оно нашло Самого Христа.

Мне вспоминается один старый афонский монах. Он жил очень бедно. Его келья была почти

пустой, одежда давно выцвела, здоровье с каждым годом становилось всё слабее. Но каждый раз, встречая человека, он улыбался так светло, словно получил величайшее сокровище. Один паломник однажды спросил его:

– Отче, чему ты всё время радуешься?

Геронда спокойно ответил:

– Христос воскрес. Разве этого мало?

Теперь я понимаю, что в них заключена вся тайна христианской радости.

Но пока человек делает центром своей жизни самого себя, его настроение неизбежно будет зависеть от успехов и неудач, похвалы и осуждения, здоровья и болезней. Его сердце станет похожим на лодку без якоря, которую каждая волна бросает из стороны в сторону. Но когда центром жизни становится Христос, появляется иная устойчивость. Обстоятельства продолжают меняться, а основание души остаётся неизменным.

Однажды я спросил своего духовника, почему некоторые люди даже после многих лет церковной жизни остаются мрачными и раздражительными. Геронда ответил: «Потому что они исполняют заповеди как тяжёлую обязанность, а не как встречу с Любящим Богом. Раб исполняет приказ из страха. Сын живёт в доме Отца с радостью». Эти слова открыли мне очень важную истину. Благодать рождает не только смирение, но и глубокую внутреннюю радость. Если же духовная жизнь становится лишь внешним исполнением правил, сердце постепенно утомляется.

Мне всё чаще кажется, что радость является одним из самых убедительных свидетельств действия Святого Духа. Не шумное веселье, не постоянная улыбка и не восторженность, а тихий свет сердца. Именно такую радость люди ощущали рядом с преподобным Серафимом Саровским, который каждого встречал словами: «Радость моя, Христос воскресе!» Именно такую радость излучали преподобный Силуан Афонский и преподобный Паисий Святогорец. Они знали человеческие страдания не меньше других, но благодать научила их видеть за каждой скорбью бесконечную любовь Божию.

Постепенно я понял, что радость необходимо хранить так же бережно, как внутренний мир. Она легко угасает от ропота, неблагодарности, осуждения и постоянного недовольства. Но особенно разрушает её привычка забывать о милостях Божиих. Человек начинает считать благословения чем-то само собой разумеющимся и замечает лишь то, чего ему недостаёт. Тогда сердце незаметно беднеет. Благодарение же вновь открывает глаза на бесчисленные дары Господа и возвращает душе способность радоваться.

Сегодня вечером дождь прекратился. Облака медленно разошлись, и последние лучи солнца осветили мокрые камни. Тот самый маленький цветок всё ещё стоял среди них – чистый, светлый и спокойный. Он не ждал лучших времён, чтобы цвести. Он цвёл там, где его поставил Бог. И мне подумалось, что именно такой должна стать человеческая душа. Не откладывать радость до тех пор, пока жизнь станет лёгкой, а принимать каждый день как возможность благодарить Господа.

Теперь моя молитва стала такой: «Господи Иисусе Христе, даруй мне радоватья Тобой. Научи благодарить Тебя и в дни радости, и в дни скорбей». Ведь настоящая радость – это не бегство от страданий, а тихое свидетельство того, что любовь Божия сильнее всякой боли, всякой утраты и даже самой смерти. И если эта радость поселяется в сердце, человек уже здесь, на

земле, начинает ощущать дыхание Небесного Царства.

Запись 32. Свобода во Христе

Сегодня с восходом солнца я вышел к краю высокого утёса. Над морем кружил большой орёл. Он почти не двигал крыльями, а лишь принимал встречный ветер и свободно парил над бездной. Я долго следил за его полётом и думал, что истинная свобода заключается не в том, чтобы лететь куда угодно, а в том, чтобы жить согласно той природе, которую дал Создатель. Рыба свободна в воде, птица – в небе, а человеческая душа – только в Боге. Когда она покидает свою духовную стихию, ей начинает казаться, что она свободна, хотя на самом деле она медленно теряет жизнь.

Современный человек почти всегда понимает свободу как возможность делать всё, что хочется. Чем меньше ограничений, тем свободнее кажется жизнь. Но достаточно внимательно посмотреть вокруг, чтобы увидеть печальный парадокс. Люди, которые провозглашают абсолютную свободу, часто оказываются рабами собственных привычек, страстей, страхов, удовольствий, человеческого мнения и бесконечных желаний. Они могут выбирать между тысячами вещей, но не способны отказаться даже от одной своей страсти. Такая свобода напоминает лодку без руля. Кажется, что её ничто не удерживает, но именно поэтому она становится игрушкой каждой волны.

Когда я только пришёл в монастырь, мне казалось, что монашеская жизнь лишает человека свободы. Строгий устав, послушание, пост, молитвенное правило – всё это представлялось множеством ограничений. Я однажды поделился своими мыслями со старцем. Он внимательно посмотрел на меня и спросил: «Если человек не может победить собственный гнев или тщеславие, свободен ли он?» Этот вопрос изменил моё понимание. Я впервые увидел, что свобода начинается не там, где исчезают правила, а там, где исчезает рабство греху.

Господь сказал: «Всякий, делающий грех, есть раб греха». Эти слова звучат особенно ясно, если внимательно посмотреть на собственную душу. Страсть всегда обещает свободу, а заканчивается зависимостью. Сначала человек владеет грехом, потом грех начинает владеть человеком. Так рождается внутреннее рабство, которое незаметно проникает во все стороны жизни. Гордость требует постоянного признания. Сребролюбие не знает насыщения. Гнев управляет словами и поступками. Зависть лишает покоя. Самость становится суровым господином, которому невозможно угодить.

Мне вспоминается один паломник, который сказал старцу:

– Я живу так, как хочу, и потому считаю себя свободным.

Геронда улыбнулся и предложил ему совсем простое испытание:

– Попробуй сорок дней никого не осуждать, никому не возражать из самолюбия и ежедневно молиться за своих обидчиков.

Через несколько недель человек признался, что не смог исполнить даже малой части этого правила. Тогда старец тихо сказал:

– Видишь, друг, не ты управляешь своим сердцем. Им управляют привычки, которых ты даже не замечал.

Эти слова стали для него началом настоящего покаяния.

Свобода рождается не из своеволия, а из соединения человеческой воли с волей Божией. На первый взгляд это кажется противоречием. Мир говорит, что подчинение ограничивает свободу. Но Христос показывает иной путь. Чем глубже человек доверяет Отцу Небесному, тем свободнее становится его сердце. Оно уже не разрывается между бесконечными желаниями, не зависит от человеческой похвалы, не боится потерять земные приобретения. Оно начинает жить той жизнью, ради которой было создано.

Особенно ясно это видно в жизни святых. Со стороны могло показаться, что они добровольно отказались почти от всего: богатства, славы, удобств, личных желаний. Но именно они говорили о величайшей внутренней свободе. Святые не были рабами ни человеческого мнения, ни страха смерти, ни стремления к земному благополучию. Их сердца принадлежали Христу, а потому уже ничто земное не могло поработить их.

Однажды я спросил своего духовника:

– Как узнать, становлюсь ли я свободнее?

Он ответил:

– Посмотри, что может лишить тебя внутреннего мира. Если одно обидное слово разрушает твоё спокойствие, значит, ты ещё зависишь от человеческой оценки. Если потеря денег лишает тебя надежды, значит, сердце привязано к богатству. Если похвала делает тебя счастливее, чем молитва, значит, ты ещё служишь человеческой славе.

Я словно посмотрел на себя в зеркало.

Постепенно я понял, что свобода во Христе вовсе не означает отсутствие борьбы. Напротив, путь к ней проходит через постоянное распятие самости. Каждый раз, когда человек прощает вместо мести, благодарит вместо ропота, смиряется вместо самоутверждения, выбирает волю Божию вместо своей, он делает ещё один шаг к внутренней свободе. Сначала это требует усилия. Потом становится естественным дыханием души. Благодать мало-помалу разрушает цепи, которые человек даже перестал замечать.

Сегодня вечером я снова увидел того орла. Он всё так же легко парил над морем, не сопротивляясь ветру, а используя его для полёта. И мне подумалось, что так действует и благодать Божия. Она не уничтожает человеческую волю, а возносит её, помогая жить согласно своему истинному предназначению. Тогда человек уже не чувствует заповеди тяжёлым бременем, потому что сама любовь начинает исполнять закон Божий.

Истинная свобода – это не возможность жить без Бога, а счастье жить вместе с Ним. И когда сердце перестаёт быть рабом самости, оно впервые начинает дышать полной грудью, ощущая ту свободу детей Божиих, о которой говорит Священное Писание и которую невозможно отнять никакими земными обстоятельствами.

Часть VII. Последние записи

Запись 38. Когда исчезает страх смерти

Сегодня я долго сидел в келье с потушенной лампадой. Ночь была тихой, но не пустой: в этой тишине особенно ясно слышится собственное сердце. Я думал о смерти не как о событии далёкого будущего, а как о реальности, которая незримо сопровождает человека с первого дыхания. В какой-то момент стало очевидно, что страх смерти – это не страх конца, а страх неизвестности и потери того, к чему привязано сердце. И тогда я понял, что человек боится

смерти ровно настолько, насколько он ещё не встретил Бога Живого.

Когда я был молодым послушником, сама мысль о смерти вызывала внутренний холод. Я старался не задерживаться на этих размышлениях, как будто избегая взгляда в бездну. Но старец однажды сказал мне простые слова: «Ты боишься не смерти, а жизни без Христа. Смерть лишь открывает то, чем сердце жило всегда». Тогда эти слова показались слишком строгими. Теперь я вижу в них милость: Господь заранее учит человека правде о самом себе, чтобы встреча с вечностью не стала неожиданностью.

Святые отцы говорили, что память о смерти не есть мрачное размышление, но трезвение ума. Она не разрушает радость, а очищает её от иллюзий. Человек начинает видеть, насколько всё временное хрупко и непрочно. Но одновременно он начинает яснее различать то, что действительно не исчезает. Когда сердце привыкает к мысли, что всё земное пройдёт, оно постепенно перестаёт держаться за это земное как за абсолют. И именно тогда впервые появляется подлинная свобода.

Я вспоминаю одного афонского монаха, который был уже очень слаб и почти не вставал с постели. Однажды я спросил его, страшно ли ему умирать. Он долго молчал, а потом тихо ответил: «Когда человек всю жизнь учится говорить Христу “Господи”, смерть перестаёт быть чужим голосом». Эти слова я не смог забыть. В них была не теория, а опыт сердца, которое уже перестало принадлежать только этому миру.

Страх смерти всегда связан с привязанностью. Человек боится оставить то, что считает своим: тело, дела, отношения, достижения, даже свои ошибки и привычки. Но постепенно духовная жизнь открывает одну простую истину: ничто из этого не принадлежит нам по-настоящему. Всё было дано на время, как дар, который должен быть возвращён. И чем больше человек учится благодарить Бога за этот дар, тем легче он перестаёт бояться его потери.

Память смертная становится светлой только тогда, когда соединяется с памятью о Боге. Если человек думает о смерти без молитвы, он впадает в уныние или тревогу. Но если он думает о смерти во Христе, тогда она перестаёт быть концом и становится переходом. Не уничтожением, а раскрытием. Не исчезновением, а встречей. Тогда даже сама мысль о смерти начинает очищать сердце, потому что напоминает: жить нужно так, чтобы каждое мгновение могло стать встречей с Вечностью.

Однажды я спросил старца:

– Как узнать, что страх смерти начинает уходить?

Он ответил:

– Когда человек перестаёт держаться за себя и начинает держаться за Христа. – Потом добавил: – Тот, кто ежедневно умирает для греха, уже не боится последнего дня.

Эти слова показали мне, что смерть побеждается не размышлением о ней, а жизнью в покаянии и любви. Постепенно приходит понимание, что страх смерти – это, по сути, страх потерять Бога, хотя человек часто не осознаёт этого. И когда Христос становится центром жизни, даже сама смерть перестаёт быть разрывом. Она становится встречей с Тем, Кто всегда был рядом, но Кого человек часто не замечал из-за шума своих мыслей, желаний и страхов.

Сегодня перед тем как погасить лампаду, я долго смотрел на её маленькое пламя. Оно дрожало, но не исчезало, пока в нём была пища. И я подумал, что человеческая жизнь подобна этому огню. Она кажется хрупкой, но её истинная сила не в самой лампе, а в том, что её

питает. Если душа соединена с Богом, смерть уже не может погасить её, потому что свет принадлежит не ей, а Тому, Кто есть Жизнь.

Когда я вспоминаю о смерти – я молюсь: «Господи Иисусе Христе, даруй мне помнить о смерти без страха и жить так, чтобы каждое мгновение было приготовлением к встрече с Тобой». Ведь когда исчезает страх смерти, человек не теряет осторожность, но обретает подлинную трезвенность и мир. И тогда даже конец земного пути становится началом той жизни, где уже нет ни страха, ни тления, ни разлуки, а есть только бесконечное пребывание в любви Божией.

Запись 39. Что значит жить во Христе

Сегодня ранним утром я долго сидел у входа в монастырь. Небо было ещё тёмным, но на востоке уже начинала появляться тонкая светлая полоса. Мир словно стоял между ночью и днём, между тенью и светом. И в этой тишине я снова задал себе вопрос, который, кажется, сопровождает человека всю жизнь: что значит по-настоящему жить во Христе, а не просто говорить об этом?

С годами я всё яснее понимаю, что жизнь во Христе – это не особое состояние, не редкие минуты вдохновения и не набор духовных правил. Это постепенное изменение самого центра человеческого существования. Пока человек живёт вокруг себя, вокруг своих желаний, страхов и ожиданий, он остаётся внутри замкнутого круга. Но когда Христос становится этим центром, вся жизнь начинает перестраиваться изнутри, даже если внешне почти ничего не меняется.

Когда я был молодым послушником, мне казалось, что жить во Христе – значит постоянно чувствовать Его присутствие. Я искал утешений в молитве и переживал, когда они исчезали. Геронда тогда сказал мне: «Ты хочешь ощущать Христа, а не жить Им». Эти слова сначала показались мне слишком строгими. Но со временем я понял, что чувство может приходить и уходить, а жизнь во Христе остаётся даже тогда, когда сердце ничего не ощущает. Она держится не на переживаниях, а на верности.

Жизнь во Христе начинается с покаяния. Не с внешнего изменения поведения, а с внутреннего поворота ума и сердца. Человек перестаёт оправдывать свою самость и начинает видеть, насколько он нуждается в Боге. Это не унижение человеческого достоинства, как иногда думают, а возвращение к истине о себе. Потому что без Бога человек не становится свободнее, а наоборот, постепенно теряет самого себя.

Мне вспоминается один афонский старец, который почти не говорил о высоких духовных состояниях. Он часто повторял одну простую мысль: «Держи ум в Боге и не верь себе». В этих словах заключена вся практическая сторона жизни во Христе. Держать ум в Боге – значит постоянно возвращать сердце к молитве, к памяти о Боге, к Евангелию. Не верить себе – значит не доверять своим страстям, мгновенным мыслям и самоуверенности, которая легко принимает собственные желания за истину.

Со временем я заметил, что жизнь во Христе всегда проявляется очень конкретно. Она выражается в том, как человек реагирует на обиду, как он относится к слабости другого, как переносит несправедливость, как встречает радость и как принимает скорбь. В каждом таком мгновении сердце либо остаётся во Христе, либо незаметно уходит от Него в самость. Поэтому духовная жизнь – это не редкие подвиги, а непрестанный выбор в малом.

Однажды я спросил старца:

– Как понять, что человек действительно живёт во Христе?

Он ответил не сразу. Потом сказал:

– Если в нём становится больше мира, смирения и любви, значит, Христос уже живёт в нём. Если же растёт раздражение, осуждение и гордость – значит, человек снова живёт в себе. Эти слова были просты, но в них не оставалось места самообману.

Человек создан для того, чтобы стать обителью Бога. Но эта обитель не строится за один день. Она созидается через борьбу с самостью, через покаяние, через молитву, через падения и вставания. И самое удивительное заключается в том, что Бог не ждёт от человека идеальности. Он ждёт только искреннего обращения сердца. Даже слабое, но настоящее движение к Нему уже становится началом новой жизни.

Сегодня, когда солнце наконец поднялось над горизонтом, я увидел, как свет медленно заполняет всё вокруг. Он не спорил с тьмой и не боролся с ней. Он просто приходил, и тьма исчезала сама собой. И я подумал, что так действует Христос в человеческой душе. Он не ломает человека насильно, но тихо входит туда, где Ему открывают дверь. И постепенно всё внутри начинает изменяться, даже то, что человек считал неизменным.

«Господи Иисусе Христе, научи меня не просто говорить о жизни во Тебе, но действительно жить Тобой. Войди в моё сердце и сделай его Своим жилищем». Ведь жить во Христе – значит позволить Ему стать не частью жизни, а самой жизнью. И тогда человек уже не ищет Бога как нечто внешнее, потому что обнаруживает: истинная жизнь всегда была там, где пребывает Христос, Который есть путь, истина и жизнь.

Запись 40. О духовности

Сегодня утром я долго сидел в тишине кельи, не зажигая лампаду. Было ощущение, будто сама тишина стала плотнее обычного и не требует слов. За окном медленно светлел горизонт, и этот свет не спешил, как не спешит ничто истинное. Я думал о слове, которое люди употребляют чаще других, но понимают, пожалуй, реже всего – о духовности. И чем дольше я размышлял, тем яснее становилось, что это слово нельзя свести ни к знаниям, ни к переживаниям, ни к внешнему благочестию.

Мир привык называть духовностью особое внутреннее состояние, утончённые чувства, философскую глубину или религиозную осведомлённость. Но святые отцы говорят о другом. Они смотрят не на внешнюю форму, а на состояние сердца. Потому что человек может много знать о Боге и при этом жить без Бога. И наоборот – может быть простым, почти неучёным, но его сердце уже становится храмом, в котором тихо пребывает Христос.

Когда я был молодым, мне казалось, что духовность достигается через накопление опыта: молитвенного, книжного, монашеского. Я внимательно следил за собой, сравнивал, стремился «подняться выше». Геронда однажды остановил меня и сказал: «Ты не становишься духовнее, ты становишься сложнее». Эти слова тогда смутили меня. Но позже я понял их смысл: всё, что питает самость, может внешне выглядеть как развитие, но внутри лишь укрепляет человека в самом себе.

Святые отцы учили, что истинная духовность начинается с покаяния. Не с отчаяния, не с самоуничижения, а с трезвого видения себя перед Богом. Когда человек перестаёт оправдывать свои страсти и начинает искать исцеления, в сердце открывается пространство для благодати. Покаяние не разрушает личность – оно возвращает её к истинной жизни, как возвращение больного к здоровью.

Постепенно я понял, что без смирения духовность становится опасной иллюзией. Человек

может говорить о Боге, рассуждать о молитве, даже переживать сильные внутренние состояния, но если в нём растёт ощущение собственной значимости, всё это начинает служить не Богу, а самости. Смирение же делает человека прозрачным для благодати. Оно не привлекает внимания к себе, но позволяет свету Христову проходить через сердце без искажений.

Мне вспоминается один афонский монах, который почти не говорил о себе и избегал любых похвал. Однажды я спросил его, в чём он видит суть духовной жизни. Он ответил очень просто: «Не мешать Христу жить в тебе». Тогда эти слова показались слишком простыми, почти детскими. Но со временем я понял, что в них заключена вся глубина Евангелия. Человек не создаёт духовную жизнь – он учится не препятствовать Богу действовать в нём.

Святые отцы часто говорили, что благодать – это дыхание души. Но дыхание возможно только там, где нет внутреннего сопротивления. Поэтому вся духовная борьба человека в конечном счёте сводится к одному: убрать из сердца то, что мешает Христу быть в нём живым. Страсти, самость, гордыня, осуждение, страх, привязанность к себе – всё это не просто нравственные недостатки, а то, что закрывает сердце от света.

Я всё чаще замечаю, что духовность проявляется не в редких возвышенных состояниях, а в самых простых вещах. В том, как человек слушает другого. В том, как он переносит несправедливость. В том, как он молчит, когда хочется оправдаться. В том, как он прощает, когда его не просят о прощении. В том, как он продолжает благодарить Бога даже тогда, когда внешне нет поводов для благодарности. Именно в этих незаметных движениях сердца и раскрывается его истинное состояние.

Однажды я спросил старца:

– Когда человек становится по-настоящему духовным?

Он ответил:

– Когда он перестаёт жить для себя. – Потом добавил. – А перестаёт он жить для себя тогда, когда начинает жить для Бога и ближнего. Эти слова не оставляют места иллюзиям. Потому что духовность – это не украшение жизни, а её преображение.

Со временем я понял, что всё духовное возрастание человека можно выразить очень просто: сначала он живёт для себя, потом начинает бороться с этим, затем постепенно учится жить для Бога, и наконец – начинает любить ближнего как самого себя. Но и это не предел. Потому что настоящая духовность – это уже не усилие человека, а жизнь Христа в человеке.

Сегодня солнце поднялось высоко, и келья наполнилась мягким светом. Я посмотрел на этот свет и подумал, что он не требует объяснений. Он просто есть и всё освещает. Такова и духовная жизнь. Она не нуждается в постоянных доказательствах и сложных определениях. Она узнаётся по плодам: миру, смирению, любви и внутренней тишине, в которой уже нет борьбы за собственное «я».

Теперь моя последняя запись становится и моей последней молитвой: «Господи Иисусе Христе, сделай моё сердце простым. Очисти его от всего, что не есть Ты». Ведь духовность – это не путь к особому состоянию, а путь к исчезновению самости и явлению Христа в человеческой душе. И когда человек приходит к этому, он уже не ищет духовность как нечто внешнее, потому что сама жизнь становится встречей с Богом, Который есть любовь, свет и жизнь вечная.

…

«Если кто-нибудь найдёт эти записи…»

Если кто-нибудь найдёт эти записи, я прошу его прочитать их не как слова человека, но как напоминание о собственном сердце.

Я не писал их ради того, чтобы быть услышанным. И тем более не для того, чтобы быть понятым или оценённым. Всё, что здесь сказано, слишком хрупко, чтобы становиться предметом человеческого восхищения. И слишком несовершенно, чтобы служить опорой для чужой веры.

Если в этих страницах есть что-то верное, это не моё. Это милость Божия, которая иногда касается человеческого ума, несмотря на его немощь. Если же здесь есть ошибка – она принадлежит мне, и я прошу не запоминать её.

Не ищите здесь учителя. Не ищите здесь духовного опыта. И не ищите здесь образец жизни. Всё это может отвлечь от главного. Потому что путь к Богу никогда не начинается с чужих мыслей, даже если они кажутся глубокими. Он начинается там, где человек впервые честно стоит перед самим собой и перед Христом – без оправданий, без иллюзий, без масок.

Я писал о страстях, но сам остаюсь в борьбе. Я писал о молитве, но сам учусь ей каждый день заново. Я писал о любви, но только надеюсь, что однажды сердце научится любить так, как любит Христос. Поэтому не смотрите на автора – смотрите внутрь себя.

Если эти записи могут быть полезны, то лишь в одном: если они помогут человеку остановиться хотя бы на мгновение и спросить себя – где я сейчас стою перед Богом? И что происходит в моём сердце, когда никто не видит?

Святые отцы говорили, что духовная жизнь начинается с познания себя. Но это познание не рождается из размышлений о себе. Оно рождается из света, который приходит от Бога. В этом свете человек впервые видит не только свои падения, но и своё призвание. И тогда покаяние перестаёт быть отчаянием и становится дверью.

Я всё больше убеждаюсь, что духовность – это не особое состояние и не сумма знаний. Это постепенное очищение сердца, в котором начинает жить Христос. И всё, что происходит с человеком на этом пути – скорби и утешения, падения и подъёмы, тьма и свет – служит только одному: чтобы сердце перестало быть замкнутым на себе.

Истинная духовность рождается из покаяния, возрастает в смирении, питается благодатью и завершается любовью. Не любовью как чувством, но как состоянием нового бытия, в котором человек уже не живёт для себя.

И если когда-нибудь эти записи окажутся в чьих-то руках, я прошу только об одном: не задерживайтесь на словах. Не останавливайтесь на мысли о писавшем. Пройдите дальше – туда, где начинается тишина сердца. Там, где человек впервые перестаёт спорить с собой и начинает просто стоять перед Христом.

Потому что именно там, в этой простой и страшной честности, начинается путь, который нельзя заменить никакими книгами. Путь, который не заканчивается размышлениями. Путь, который становится жизнью.

И если в этих строках есть хоть малейший след истины, пусть он приведёт не к автору, а к Богу.

К Тому, Кто один есть Свет, Жизнь и Любовь.

В поисках молитвы

Пролог. Я приехал искать молитву…

Прошло уже немало лет с тех пор, как Господь привёл меня на Святую Гору. За это время многое изменилось: изменился мир, изменились люди, изменился и я сам. Но всякий раз, когда память возвращает меня к тем дням, я всё яснее понимаю, что тогда началось путешествие, значение которого открылось мне далеко не сразу. Мне казалось, что я отправляюсь на Афон по собственной воле, имея вполне определённую цель, однако теперь вижу: истинный смысл той дороги был скрыт от меня до тех пор, пока я не научился смотреть не только на внешние события, но и на то, что происходило в глубине моего сердца.

К тому времени мне было около сорока лет. За плечами уже были годы монашеской жизни, священнического служения, множество совершённых Литургий, тысячи исповедей и бесчисленные человеческие встречи, в которых приходилось говорить о Боге, о покаянии и о молитве. Всё это постепенно создавало ощущение некоторой внутренней устойчивости, почти незаметную уверенность в том, что основные вопросы духовной жизни мне уже известны. Именно поэтому особенно болезненным оказалось открытие, которое медленно, но неотступно входило в мою жизнь: можно многие годы говорить о молитве, читать о ней, учить ей других и всё же однажды понять, что сам ещё только стоишь у её порога.

Это открытие не пришло внезапно. Оно складывалось из множества маленьких переживаний, которые сначала казались случайными и не заслуживающими особого внимания. После Литургии, когда храм пустел и наступала тишина, я всё чаще спрашивал себя: действительно ли всё это время я стоял перед Богом, или же моё внимание было занято исполнением того, что должно было быть исполнено?

Вечером, закрывая молитвослов, я иногда с удивлением замечал, что память удержала слова молитв, но сердце почти не изменилось. Именно тогда я впервые начал понимать, что самая тяжёлая духовная слепота заключается не в незнании Бога, а в привычке довольствоваться мыслью, что ты уже знаешь путь к Нему.

Постепенно этот внутренний вопрос перестал быть личным переживанием и стал восприниматься как болезнь всего современного человека. Мы живём в мире, который бесконечно умножает знания, но всё меньше помогает человеку войти в самого себя. Мы научились мгновенно получать ответы почти на любые вопросы, однако почти разучились задавать вопросы собственной совести. Нам стало легче говорить, чем молчать; легче объяснять, чем внимать; легче действовать, чем просто остановиться перед Лицом Божиим. И чем больше я размышлял об этом, тем яснее видел, что кризис молитвы начинается не с утраты слов, а с утраты внутреннего внимания.

Наверное, именно тогда и возникло желание отправиться на Афон. Я ехал туда не за рассказами о чудесах, не за поиском необыкновенных духовных состояний и не ради встречи с известными старцами, имена которых так часто звучат среди паломников. Мне хотелось увидеть людей, для которых молитва давно перестала быть отдельным занятием и стала самой тканью жизни. Я надеялся понять не столько то, как они молятся, сколько то, каким образом молитва незаметно преобразила их взгляд, их слово, их молчание и даже самые простые движения.

Когда корабль подходил к берегам Святой Горы, море было почти неподвижным. Из лёгкой

утренней дымки медленно выступали очертания монастырей, словно сами скалы веками хранили их в своей тишине. В этой картине не было ничего нарочито величественного, но именно её простота производила на душу удивительное действие. Казалось, сама природа освобождала человека от внутренней спешки и незаметно возвращала его к той мере жизни, в которой вечность ощущается не как далёкое будущее, а как тихое присутствие Бога среди каждого мгновения.

Первые дни на Афоне всегда полны впечатлений. Узкие каменные тропы, запах сосен и горячих камней, кипарисы, масличные деревья, ночные службы, удары в било будильника, мерцание лампад перед древними иконами – всё это глубоко трогает человека, впервые оказавшегося здесь. Но очень скоро приходит другое понимание. Святая Гора открывается не тому, кто внимательно рассматривает её монастыри, а тому, кто начинает внимательно рассматривать собственное сердце. Именно здесь постепенно становится ясно, что главное паломничество совершается не между монастырями, а между человеческим умом и сердцем.

В первый же вечер моего пребывания в монастыре я познакомился со старым архондаричным. Он встретил меня просто, без лишних расспросов, показал келью и уже собирался уходить, когда я решился обратиться к нему. Мне казалось, что именно сейчас нужно задать вопрос, ради которого я и приехал на Афон.

– Отче, благословите спросить.

– Спрашивай.

– Я приехал сюда научиться молитве. С чего мне начать?

Монах долго смотрел на меня. В его взгляде не было желания сразу ответить, словно он вслушивался не столько в мои слова, сколько в то, что за ними скрывалось. Потом он спокойно произнёс:

– Начни с того, чтобы научиться стоять перед Богом.

Я невольно переспросил:

– Только это?

Он едва про себя пробормотал.

– Если человек действительно научится этому, всё остальное Господь откроет Сам.

Мы больше не сказали друг другу ни слова. Он тихо благословил меня и вышел, а я ещё долго сидел один в келье, не понимая, почему этот ответ оказался одновременно таким простым и таким непостижимым. Лишь спустя годы я начал догадываться, что именно тогда, в первый вечер моего пребывания на Святой Горе, началась не только эта книга, но и мой настоящий путь к молитве.

Теперь, оглядываясь назад, я ясно понимаю: тогда я приехал искать молитву, а Господь начал учить меня искать не молитву, а Себя. Между этими двумя поисками лежит расстояние длиною в человеческую жизнь. Всё, что произошло потом, – встречи со старцами, долгие дороги, ночные богослужения, молчание келлий и разговоры, продолжавшиеся иногда всего несколько минут, – стало не последовательностью отдельных событий, а единой школой, в которой Учителем оставался Сам Бог, а старцы были лишь смиренными свидетелями Его действия в человеческом сердце.

Часть I. Первый шаг

Глава первая. Стать перед Богом

Путь от пристани к монастырю оказался длиннее, чем я ожидал. Машина медленно поднималась по извилистой дороге, то скрываясь под густыми кронами каштанов, то вновь выходя к обрывам, откуда открывалось море. Оно лежало далеко внизу, спокойное и почти неподвижное. Казалось, что здесь всё живёт в ином течении времени. Даже ветер не торопился перелистывать листву деревьев, словно и он давно подчинился размеренному дыханию Святой Горы.

Я заметил странную особенность: чем выше мы поднимались, тем меньше хотелось разговаривать. Никто не просил соблюдать молчание, никто не делал замечаний паломникам, но разговоры сами собой становились тише и наконец совсем умолкли. Тогда я впервые подумал, что тишина – это не отсутствие звуков. Настоящая тишина рождается тогда, когда человек перестаёт непрерывно слушать самого себя.

Монастырские ворота были открыты. Старые каменные стены, потемневшие от времени, казались продолжением самой скалы, на которой они стояли. Во дворе не было никакой суеты. Несколько монахов молча переносили дрова, кто-то поливал цветы возле храма, молодой послушник подметал, мощенный плитняком, двор. Никто не выглядел занятым в привычном для современного человека смысле этого слова. Каждый просто делал своё дело, и в этой простоте ощущался какой-то трудно объяснимый внутренний порядок.

Архондаричный встретил меня так, словно ожидал именно сегодня. Он был невысокого роста, сухощавый, с глубокими морщинами на лице и удивительно ясными глазами. Его движения были спокойными, без малейшей поспешности. Он помог мне снять рюкзак, показал место в общей келлии для паломников и поставил на стол стакан холодной воды с лукумом.

– Отдохни немного, – сказал он. – Дорога всегда длиннее, чем кажется.

Я поблагодарил его. Он уже собирался уходить, но что-то удержало меня. Может быть, тот самый вопрос, который сопровождал меня ещё с момента отъезда из дома.

– Отче, благословите спросить.

Он остановился.

– Спрашивай.

– Я приехал сюда научиться молитве. С чего нужно начинать?

Геронда некоторое время молчал. Он не отвёл взгляда, не задумался, словно искал ответ. Наоборот, мне показалось, что ответ давно жил в нём, а теперь он просто ожидал, когда я смогу его услышать.

– Начни с того, чтобы стать перед Богом.

Я невольно переспросил:

– Разве этого достаточно?

Он тихо улыбнулся.

– Нет. Но без этого всё остальное бесполезно.

Я ожидал продолжения. Мне казалось, что сейчас он станет говорить о молитвенном правиле, о внимании, о поклонах, о чтении Псалтири или об Иисусовой молитве. Вместо этого старец подошёл к окну. За ним было видно только море и вершины кипарисов.

– Скажи, брат, если человек пришёл к своему отцу, но всё время смотрит себе под ноги, можно ли сказать, что он встретился с отцом?

Я не сразу понял, к чему он клонит.

– Наверное, нет.

– А если всё время думает только о себе? О том, хорошо ли он стоит, правильно ли говорит, какое производит впечатление?

Я молчал.

– Он всё ещё занят собой. Значит, ещё не встретился.

Геронда медленно перекрестился.

– Молитва начинается тогда, когда человек перестаёт смотреть на себя и впервые становится перед Богом.

После этих слов он вышел. Дверь тихо закрылась, и в келлии вновь наступила тишина. Мне хотелось продолжить разговор, задать ещё множество вопросов, но одновременно возникло чувство, что сейчас любые вопросы будут преждевременными. Иногда несколько простых слов открывают такую глубину, к которой нельзя приблизиться поспешно.

В тот день я долго ходил по монастырю. Всё казалось необыкновенно простым: древние стены, старые деревья, колодец, небольшая мастерская, кошки, лениво гревшиеся на солнце, звон колокольца, созывавшего братию на трапезу. И вдруг я поймал себя на мысли, что впервые за долгое время перестал оценивать увиденное. Я не сравнивал этот монастырь с другими, не искал чего-то особенного, не думал о том, что потом расскажу знакомым. Я просто был здесь.

Лишь вечером, стоя в храме во время службы, я начал понемногу понимать слова старца. В полумраке мерцали лампады, древние иконы почти скрывались в сумраке, монахи читали псалмы негромко и ровно. Никто не стремился произвести впечатление своей молитвой. Каждый стоял так естественно, словно всё остальное перестало существовать. И именно тогда мне стало ясно, что молитва действительно начинается раньше слов. Она начинается в тот миг, когда человек всей душой соглашается быть перед Богом таким, каким Он видит его на самом деле – без оправданий, без ролей, без желания казаться лучше.

Позже, встречаясь с афонскими старцами, я ещё не раз слышал самые разные наставления о молитве. Они говорили о внимании, покаянии, борьбе с помыслами, памяти Божией, смирении и любви. Но удивительным образом все эти беседы неизменно возвращались к тем нескольким словам, которые я услышал в первый день своего пребывания на Святой Горе. Наверное, потому, что никакое молитвенное делание не начинается с техники, правила или особого духовного опыта. Оно начинается с тихого и честного предстояния человека перед своим Богом.

Лишь спустя годы я понял, что первый урок Афона был не о молитве. Он был о встрече. Потому

что только встретив Бога, человек по-настоящему начинает молиться.

Глава вторая. Научиться останавливаться

Первая ночь на Афоне показалась мне необыкновенно короткой. Казалось, я только успел уснуть после долгой дороги, как где-то в глубине монастыря прозвучал первый глухой удар в деревянное било. Он не был похож ни на колокольный звон, ни на привычный человеческому слуху сигнал. Его звук словно не разрывал ночную тишину, а входил в неё, постепенно распространяясь по монастырским стенам, мощенному двору, коридорам и келиям и наконец достигая самого сердца. За первым ударом последовал второй, потом третий. Между ними оставались длинные паузы, и именно эти паузы производили на меня самое сильное впечатление.

Я быстро поднялся и вышел во двор. Ночь ещё не уступила место рассвету. Над морем висели крупные звёзды, а вершина Афона терялась в темноте. В монастыре уже начиналось движение. Из келлий один за другим выходили монахи. Никто не торопился. Никто не разговаривал. Каждый шёл в храм так спокойно, словно это происходило не каждую ночь, а было единственно важным событием жизни.

Мне стало немного стыдно за самого себя. Даже здесь, на Святой Горе, я продолжал спешить. Хотел прийти первым, ничего не пропустить, всё увидеть, всё понять. Я вдруг заметил, что привычка жить в постоянной внутренней поспешности приехала сюда вместе со мной. Оставив далеко за кормой шум большого мира, я всё ещё носил его внутри собственного сердца.

После службы монахи начали расходиться по своим послушаниям. Одни направились в трапезную, другие – в мастерские, кто-то пошёл в сад, кто-то – в виноградник. Я увидел старого монаха, которого встретил накануне возле архондарика. Он нёс небольшую корзину с хлебом и шёл так неторопливо, что молодой паломник, спешивший его догнать, несколько раз останавливался, будто не понимал этого странного ритма.

Когда мы поравнялись, я поклонился.

– Благословите, отче.

Он ответил благословением и продолжил идти рядом.

Некоторое время мы молчали.

Потом я сказал:

– Простите меня, но мне кажется, что здесь никто никуда не спешит.

Он посмотрел на меня с лёгкой улыбкой.

– А куда спешить?

Я растерялся.

– Разве дел мало?

– Дел всегда больше, чем человеческой жизни.

Он немного помолчал.

– Но если потеряешь мир сердца, не успеешь сделать даже самого главного.

Мы сделали ещё несколько шагов.

Потом он неожиданно спросил:

– Ты видел, как люди тонут?

Я удивился такому вопросу.

– Нет, отче.

– Почти всегда одинаково. Они начинают беспорядочно бить руками по воде. Чем сильнее стараются спастись своими силами, тем быстрее устают.

Он снова замолчал.

– Душа делает то же самое.

Мне показалось это красивым сравнением, но не более. Только позже, вспоминая разговор, начал замечать, как часто вся моя духовная жизнь действительно походила на человека, который непрерывно пытается удержаться на поверхности. Я торопился прочитать правило, торопился выполнить послушание, торопился ответить человеку, торопился закончить начатое дело. Даже во время молитвы внутри меня продолжалось движение, которое не позволяло сердцу успокоиться перед Богом.

В моем мире спешка стала почти добродетелью. Человека оценивают по тому, сколько он успевает сделать, сколько решений принимает за день, насколько быстро отвечает на вопросы и как много задач способен выполнить одновременно. Постепенно этот ритм проникает и в духовную жизнь. Мы начинаем торопиться даже перед Богом. Нам хочется скорее дочитать правило, скорее почувствовать молитву, скорее избавиться от своих недостатков, скорее стать другими. Но любовь никогда не растёт в спешке. Всё живое требует времени, терпения и внутреннего покоя.

Позднее мне не раз приходилось читать у святых отцов, что внимание является началом молитвы. Но тогда я ещё не понимал одной простой вещи. Внимание невозможно удержать силой. Его нельзя приказать себе. Оно рождается только там, где человек сначала остановился. Пока сердце продолжает бежать вслед за бесконечной чередой мыслей, воспоминаний и тревог, никакие усилия не смогут сделать молитву глубокой. Можно произносить правильные слова, но внутренне всё ещё оставаться в дороге, так и не войдя в дом.

Тем же вечером я снова встретил старца. Он сидел на старой каменной скамье возле монастырской стены. Перед нами медленно темнело море, а последние лучи солнца золотили верхушки кипарисов. Мы долго молчали, и мне уже не хотелось нарушать это молчание вопросами.

Наконец старец сам заговорил.

– Сегодня ты опять спешил.

Я удивился.

– Неужели это было так заметно?

Он улыбнулся.

– Не по шагам.

Я вопросительно посмотрел на него.

– По глазам.

После этих слов он поднялся.

– Запомни одну простую вещь.

Я тоже встал.

– Господь всегда рядом. Всегда.

Он сделал небольшую паузу.

– Это человек всё время пробегает мимо.

Геронда ушёл, а я ещё долго стоял один возле монастырской стены. Передо мной лежало спокойное вечернее море. Волны неторопливо касались камней, словно повторяя одно и то же движение уже многие тысячи лет. Впервые я ясно почувствовал, что остановиться – совсем не значит перестать работать или отказаться от дел. Остановиться – значит перестать жить так, будто всё зависит только от тебя.

В ту ночь я впервые попробовал ничего не искать во время молитвы. Не ждать особого чувства, не следить за собой, не бороться с каждой посторонней мыслью. Я только тихо произнёс: «Господи, я здесь». И неожиданно понял, что, может быть, именно с такой простой внутренней остановки начинается всякая настоящая встреча человека с Богом.

Остановиться – значит дать своему сердцу возможность заметить, что Бог давно уже ждёт его.

Глава третья. Молчание, которое говорит

На Святой Горе ночь никогда не бывает пустой. Когда человеку кажется, что всё вокруг уснуло, монастырь только начинает жить своей самой сокровенной жизнью. За несколько минут до полунощницы тёмный двор едва различим в свете редких фонарей. Лампады мерцают перед иконами, из открытых окон храма доносится разговор параэклезиарха со служащим священником, а где-то далеко, за стенами монастыря, непрерывно шумит море. Этот шум не отвлекает от молитвы. Напротив, он постепенно становится частью той глубокой тишины, которую невозможно встретить нигде, кроме мест, где человек многие века ищет Бога. Отдельный мир.

К ночным службам я привык ещё в монастыре, но здесь всё ощущалось иначе. Меня поразила не продолжительность богослужения и не напряженность афонского устава. Поразило другое. Никто не стремился произвести впечатление своей молитвой. Не было заметно напряжения, желания показать особое благоговение или духовную сосредоточенность. Монахи просто стояли перед Богом, и именно эта простота неожиданно открывала глубину, которую невозможно создать никакими человеческими усилиями.

Во время чтения шестопсалмия мой взгляд остановился на старом монахе, которого я прежде

почти не замечал. Он стоял немного в стороне, возле древней колонны. За всё богослужение он почти не изменил своего положения. Он не делал никаких особенных поклонов, не перебирал быстро чётки, не поднимал головы. Казалось, он вообще забыл обо всём, кроме Того, перед Кем стоял.

После Литургии я увидел его во дворе монастыря. Он медленно шёл к небольшой скамье возле стены, освещённой первыми лучами восхода. Я подошёл, попросил благословения и сел рядом. Некоторое время мы молчали. Это молчание не тяготило. Наоборот, оно казалось таким естественным, словно разговор уже происходил, только не при помощи слов.

Наконец я решился спросить:

– Отче, можно задать Вам вопрос?

Он спокойно посмотрел на меня.

– Конечно.

– Как научиться настоящей молитве?

Геронда не ответил сразу. Он поднял взгляд к вершине Афона, которая только начинала освещаться восходящим солнцем. Потом тихо произнёс:

– Ты умеешь молчать?

Вопрос оказался неожиданным.

– Наверное… не очень.

Он кивнул.

– Тогда сначала научись этому.

Я хотел продолжить разговор.

– Но разве молчание уже есть молитва?

Геронда покачал головой.

– Нет.

Он снова замолчал.

Прошло несколько минут.

Потом он произнёс ещё одну короткую фразу:

– Но без него человек редко слышит и себя и Бога.

На этом разговор закончился. Геронда медленно поднялся и пошёл к своему послушанию. Он не оглянулся, не стал ничего объяснять, не дал никаких советов. Я же остался сидеть на той же скамье с чувством, что услышал слишком мало. Внутри даже возникло лёгкое разочарование. Мне хотелось получить ясное наставление, подробное объяснение, какую-нибудь мысль, которую можно было бы сразу запомнить. Вместо этого я получил всего

несколько слов и долгое молчание.

В тот день мне неожиданно вспомнилось, как много места в моей жизни занимают слова. Почти всё служение священника связано с ними. Проповедь, исповедь, беседы, наставления, чтение молитв, чтение Священного Писания. Даже когда человек остаётся один, внутри него продолжается непрерывный разговор с самим собой. Мы редко замечаем это, потому что привыкаем жить среди собственных мыслей так же естественно, как живём среди воздуха. Но именно этот внутренний шум часто не позволяет услышать то, что рождается в глубине сердца.

Лишь спустя несколько дней я начал понимать, что старец говорил вовсе не о внешнем молчании. Можно долго не произносить ни одного слова и при этом ум будет продолжать спорить, оправдываться, тревожиться, мечтать, осуждать или строить планы. Такое молчание остаётся лишь отсутствием звука. Настоящая же тишина начинается тогда, когда человек перестаёт беспрерывно разговаривать с самим собой и впервые осмеливается просто быть перед Богом. Не требовать ответа. Не искать необычных переживаний. Не измерять своё состояние. Просто быть.

Именно тогда мне открылась ещё одна особенность афонской жизни, которую невозможно понять с первого взгляда. Здесь старцы нередко отвечают значительно меньше, чем ожидает паломник. Не потому, что не хотят помочь. Они хорошо знают: некоторые ответы становятся понятными только тогда, когда человек дорастает до них собственным опытом. Если сказать раньше времени слишком много, слова останутся лишь красивыми мыслями. Если же оставить человеку пространство для внутренней работы, одна короткая фраза способна сопровождать его долгие годы.

Вечером я снова пришёл в храм задолго до начала службы. В нём ещё никого не было. Только несколько лампад тихо горели перед иконами, а через открытые двери доносился шум моря. Я не стал открывать молитвослов. Не пытался заставить себя сосредоточиться. Просто стоял в полумраке, вспоминая слова старца.

Тогда я впервые почувствовал, что молитва действительно начинается раньше слов. Она начинается с того мгновения, когда сердце перестаёт бояться тишины, потому что именно в этой тишине человек начинает узнавать присутствие Бога.

Я приехал на Афон искать слова о молитве. Но Святая Гора прежде всего начала учить меня слушать молчание.

Часть II. Пробуждение души

Глава четвёртая. Увидеть свою рассеянность

Через несколько дней после приезда мне благословили подняться к одной старой келлии, затерянной высоко в лесу. Тропа уходила вверх между каштанами и соснами, то исчезая под опавшей листвой, то вновь появляясь среди серых камней. Справа сквозь деревья временами открывалось море, спокойное и глубокое, словно огромное зеркало, в котором отражалось небо. Чем выше я поднимался, тем отчётливее чувствовал, что вместе с телом поднимается и всё то, что человек обычно носит внутри себя, не замечая этого.

Я думал, что дорога поможет мне собраться для предстоящей встречи со старцем. Однако произошло обратное. Пока ноги привычно шагали по тропе, ум жил своей собственной жизнью. Он возвращался к оставленным дома делам, вспоминал людей, которых давно не

видел, мысленно продолжал незавершённые разговоры, строил планы на будущее. Иногда мне казалось, что я уже несколько минут совершенно не замечаю ни леса, ни дороги, ни самого Афона. Моё тело находилось на Святой Горе, а мысли странствовали где угодно, только не здесь.

Меня поразило это открытие. Мы привыкли говорить о рассеянности во время молитвы, но редко замечаем, что она сопровождает нас почти непрерывно. Человек редко бывает там, где находится его тело. Он живёт воспоминаниями, ожиданиями, тревогами, надеждами, воображаемыми разговорами. И чем внимательнее я наблюдал за собой, тем яснее видел: дело не в том, что рассеянность приходит во время молитвы. Гораздо честнее признать, что молитва просто обнаруживает ту рассеянность, в которой мы живём постоянно.

Келлия оказалась совсем небольшой. Возле неё рос старый платан, под которым стояла деревянная скамья. Геронда сидел рядом с домом и чинил прохудившуюся корзину. Он не выглядел человеком, ожидавшим паломников. Скорее казалось, что я случайно оказался свидетелем его обычного дня. Он поднял голову, благословил меня и жестом пригласил присесть рядом.

Некоторое время мы молчали. Геронда продолжал работать, словно не видел никакой необходимости сразу начинать разговор. Я смотрел на его руки. Они двигались спокойно, уверенно и без малейшей поспешности. Казалось, он полностью принадлежал тому делу, которое совершал в эту минуту. Мне неожиданно стало трудно вспомнить, когда я сам в последний раз был настолько внимателен хотя бы к одному простому действию.

Наконец я заговорил.

– Отче, простите меня, но я никак не могу справиться с рассеянностью на молитве.

Геронда не перестал работать.

– А почему ты решил, что она приходит только во время молитвы?

Я задумался.

– Наверное… потому что именно тогда особенно её замечаю.

Он кивнул.

– Вот именно. Ты её не приобретаешь на молитве. Ты её там обнаруживаешь.

Он осторожно положил корзину рядом с собой.

– Пока человек занят делами, ему кажется, что он собран. Но стоит ему попытаться стать перед Богом, как ум начинает разбегаться во все стороны. Не потому, что молитва делает его рассеянным. Потому что перед Богом человек впервые начинает видеть себя таким, какой он есть.

Эти слова неожиданно соединились с тем, что я пережил по дороге. Мне вспомнилось, сколько раз за один только час мой ум покидал тропу и уносился в совершенно другие места. Никто не отвлекал меня. Лес был тих. Дорога пустынна. Но внутри продолжалась жизнь, которая совершенно не зависела от окружающей действительности. Тогда я впервые понял, что рассеянность рождается не извне. Её источник находится гораздо глубже – в самом сердце человека, привыкшего жить без внутреннего внимания.

Я спросил:

– Значит, нужно бороться с каждой мыслью?

Геронда покачал головой.

– Нет.

Он посмотрел на меня спокойно и даже с некоторым удивлением.

– Если будешь останавливаться возле каждой мысли, никогда не дойдёшь до Бога.

Я молчал.

Он продолжил:

– Представь себе путника, который идёт по дороге. Если он станет разговаривать с каждым встречным, к вечеру окажется там же, откуда вышел. Так и ум. Его дело – идти к Богу. Мысли будут приходить. Не все они плохие. Но если начать жить каждой из них, дорога закончится ещё до того, как начнётся.

После разговора мы ещё долго сидели молча. Старец снова принялся за свою корзину, а я смотрел на лес, уходивший вниз по склону. Ветер едва касался листьев, где-то далеко раздавался крик орла, над морем медленно двигались облака. В этой простой картине неожиданно открылась мысль, которую я прежде никогда не замечал. Вся природа жила так, как её создал Бог. Только человек почти непрерывно покидал настоящее, переселяясь в собственные мысли.

Возвращаясь обратно в монастырь, я уже не пытался насильно удерживать внимание. Я просто замечал, куда убегает ум, и спокойно возвращался к дороге. Через несколько минут он снова уходил, потом опять возвращался. Сначала мне казалось, что я ничего не достигаю. Но постепенно пришло другое понимание. Настоящая борьба начинается не тогда, когда человек победил рассеянность, а тогда, когда впервые перестал её оправдывать.

Позже я часто вспоминал эту встречу. Мы привыкли считать внимание каким-то особым духовным даром, доступным лишь опытным подвижникам. Однако старец показал мне совсем иной путь. Внимание рождается не из напряжения, а из честности. Пока человек не увидел собственной рассеянности, он не сможет просить у Бога помощи. Но когда он наконец увидел её без оправданий и без отчаяния, начинается первое настоящее делание – спокойное, терпеливое и смиренное возвращение своего сердца к Богу.

Рассеянность перестаёт быть препятствием только тогда, когда становится зеркалом, в котором человек впервые честно увидел самого себя.

Глава пятая. Не искать ощущений

На четвёртый или пятый день моего пребывания на Святой Горе погода неожиданно переменилась. С самого утра небо начало быстро затягиваться тяжёлыми облаками. Ветер, ещё вчера едва шевеливший листву масличных деревьев, теперь с силой налетал с моря, ударяясь о скалы и наполняя ущелья глухим гулом. К полудню Афон уже нельзя было узнать. Исчезла прозрачная даль, потемнело море, вершины гор растворились в густом тумане, а волны с такой силой разбивались о прибрежные камни, будто сама природа переживала какую-то внутреннюю бурю.

Я стоял под навесом возле монастырской стены и долго смотрел на море. Невольно вспомнились дни, предшествовавшие поездке на Афон. Тогда мне казалось, что стоит только оказаться здесь, как молитва сама станет глубже, внимание – чище, а сердце – ближе к Богу. Человек часто строит подобные ожидания почти незаметно для самого себя. Он не называет их мечтами, но всё же надеется, что перемена места, встреча со святынями или беседа со старцем принесут ему особое внутреннее состояние, которого прежде не было.

Именно в эти минуты я начал замечать, насколько незаметно духовная жизнь может смешиваться с человеческой чувственностью. Мы говорим, что ищем Бога, но иногда ищем прежде всего те переживания, которые сопровождают встречу с Ним. Нам хочется почувствовать умиление, необыкновенный мир, лёгкость молитвы или особую близость благодати. Когда же ничего подобного не происходит, в сердце незаметно рождается разочарование. Оно бывает тихим, почти неуловимым, но именно оно постепенно начинает разрушать верность.

Во второй половине дня буря немного утихла. Мне сказали, что неподалёку живёт старый иеромонах, к которому иногда приходят за советом братия и паломники. Его келлия стояла на краю небольшого уступа, обращённого к морю. Когда я поднялся туда, дверь была открыта. Геронда сидел возле окна и читал Псалтирь. Он поднял глаза, благословил меня и жестом пригласил войти.

Мы долго молчали. За окном всё ещё шумело море, а редкие капли дождя стучали по деревянному подоконнику. Геронда закрыл книгу и внимательно посмотрел на меня. Мне показалось, что он ждёт не вопроса, а того мгновения, когда я сам пойму, что именно хочу спросить.

– Отче, – наконец произнёс я, – почему иногда после молитвы сердце остаётся таким же холодным, как было прежде?

Он не ответил сразу.

Потом спокойно спросил:

– А зачем ты молишься?

Вопрос показался мне слишком простым.

– Чтобы быть с Богом.

Старец слегка кивнул.

– Тогда почему тебя так беспокоит то, что ты чувствуешь?

Я не нашёлся что ответить.

Он продолжил:

– Если ребёнок приходит к матери только тогда, когда она его ласкает, значит, он ищет не мать.

Геронда ненадолго замолчал.

– Он ищет ласку.

Я вдруг понял, что никогда не задавал себе такого вопроса. Мне казалось совершенно естественным ожидать от молитвы мира, радости, утешения, внутренней теплоты. Всё это воспринималось как подтверждение того, что молитва проходит правильно. Но если этих ощущений не было, я начинал искать причину в себе, тревожиться, менять правило, стараться молиться усерднее, словно речь шла о каком-то результате, которого необходимо добиться.

Старец снова заговорил.

– Благодать Божия действительно приносит мир.

Он сделал небольшую паузу.

– Но искать нужно не мир.

Он посмотрел в окно, где ветер всё ещё гнал по морю тяжёлые волны.

– Искать нужно Христа.

Он перевёл взгляд на меня.

– Если Господь даст утешение – благодари.

Немного помолчав, он добавил:

– Если не даст – благодари ещё больше.

После этих слов разговор снова оборвался. Монах не стал ничего объяснять. Он открыл Псалтирь на том месте, где остановился, и начал читать дальше. Мне показалось, что беседа закончилась слишком быстро. Однако, выходя из келлии, я уже чувствовал, что главное было сказано.

Обратная дорога проходила вдоль моря. Буря постепенно стихала, но волны ещё долго перекатывались между камнями, словно не могли сразу успокоиться после сильного ветра. Я смотрел на них и думал о человеческом сердце. Разве не так же происходит и с нами? Мы хотим, чтобы после каждой молитвы наступала полная тишина. Но Господь часто оставляет человеку возможность увидеть собственную бурю, чтобы он перестал доверять своим ощущениям и начал доверять Самому Богу.

Позже я не раз замечал одну закономерность. Пока человек оценивает свою духовную жизнь по тому, что чувствует, он остаётся очень уязвимым. Сегодня сердце переживает утешение – и ему кажется, что Бог близко. Завтра молитва проходит в сухости – и возникает ощущение, будто Господь удалился. Но ведь изменяется не Бог. Изменяется человеческое состояние. Вера же начинается именно там, где человек продолжает идти за Христом не потому, что ему легко, а потому, что знает: Господь остаётся рядом и тогда, когда сердце не чувствует этого.

Той ночью во время молитвы я впервые сознательно отказался ожидать каких-либо переживаний. Я просто стоял перед иконой и повторял слова молитвы так спокойно, как только мог. Никакого особенного состояния не пришло. Но неожиданно исчезло другое – скрытое требование к Богу обязательно утешить меня. И вместе с этим исчезло какое-то внутреннее напряжение, которого прежде я даже не замечал.

Только спустя годы я понял, что именно тогда начал усваивать один из самых трудных уроков духовной жизни. Любовь проверяется не тогда, когда сердце переполнено утешением, а тогда,

когда человек остаётся верным и в молчании Божием. Наверное, поэтому святые отцы так осторожно относились к любым духовным переживаниям. Они знали, что чувства могут сопровождать молитву, но никогда не должны становиться её целью.

Человек взрослеет в молитве тогда, когда перестаёт искать утешения и начинает искать Самого Христа.

Глава шестая. Благоговение

В тот день монастырь готовился к престольному празднику. Ещё задолго до захода солнца братия украшала храм, меняла лампады, приносила свежие цветы, готовила трапезную к приёму паломников. Но удивительным было не количество приготовлений, а их характер. Никто не отдавал распоряжений громким голосом, никто не суетился, не пытался показать своё усердие. Казалось, что каждый совершает своё небольшое дело не для праздника, а для Того, Кому этот праздник посвящён. Я всё чаще замечал, что на Афоне внешнее почти никогда не отделяется от внутреннего. Даже самая простая работа здесь постепенно становится продолжением молитвы.

К вечеру монастырь словно преобразился. Последние лучи солнца погасли за вершиной Олимпа, и храм начал наполняться мягким светом множества лампад. Запах ладана медленно поднимался под древние своды, отражаясь от потемневших фресок, на которых века молитвы оставили не меньше следов, чем время. Всё происходило спокойно и торжественно одновременно. Не было стремления создать особое настроение. Благоговение здесь не создавали – им жили.

Во время всенощного бдения я впервые по-настоящему обратил внимание на одну древнюю икону Богородицы, находившуюся в притворе храма. Перед ней постоянно горело несколько лампад. Люди подходили, прикладывались и отходили в сторону, освобождая место другим. Среди них я заметил старого монаха, которого прежде видел лишь однажды. Он долго стоял перед образом. Не было видно ни особых поклонов, ни продолжительной молитвы. Он просто смотрел на икону с таким глубоким вниманием, что невольно хотелось остановиться рядом.

После службы я увидел его возле монастырского дворика. Он сидел на низкой каменной стене и перебирал чётки. Небо уже начинало светлеть. До рассвета оставалось совсем немного времени.

Я подошёл и попросил благословения. Он благословил меня и жестом пригласил присесть рядом.

Мы долго молчали.

Наконец я сказал:

– Отче, сегодня я долго наблюдал за Вами в храме.

Он спокойно посмотрел на меня.

– Что же ты увидел?

Я немного смутился.

– Мне показалось… Вы просто стояли перед иконой.

Старец кивнул.

– А что ещё нужно делать?

Я не сразу нашёл ответ.

– Молиться.

Он улыбнулся так тихо, что эта улыбка едва коснулась его лица.

– Если человек действительно стоит перед Богом, разве это уже не молитва?

Мы снова замолчали.

Потом я спросил:

– Почему сегодня возле той иконы было какое-то особенное чувство?

Геронда не ответил сразу. Он осторожно провёл рукой по чёткам.

Потом сказал:

– Не ищи особенных чувств.

Он поднял глаза.

– Учись благоговению.

Я попросил объяснить.

Он покачал головой.

– Благоговение невозможно объяснить.

Помолчал и продолжил как вывод:

– Его можно только потерять.

Эти слова сопровождали меня весь день. Мне всё время казалось, что я понимаю их лишь наполовину. Что значит потерять благоговение? Разве человек сознательно отказывается от него? Разве можно однажды проснуться и решить больше не относиться к Богу с благоговением? Конечно, нет. Но постепенно я начал замечать, что благоговение исчезает почти незаметно. Оно уходит тогда, когда привычка начинает заменять живую встречу.

Я вспоминал собственную жизнь. Сколько раз, готовясь к богослужению, я думал прежде всего о том, что необходимо сделать, кого исповедовать, что сказать в проповеди, кого встретить после службы. Всё это было необходимо. Всё это входило в священническое служение. Но рядом с этой необходимостью незаметно возникала другая опасность – привыкнуть к святыне настолько, что перестать удивляться её присутствию.

Наверное, человек ничему не привыкает так быстро, как дарам Божиим. Мы перестаём замечать солнце, которое каждое утро восходит над землёй. Перестаём удивляться дыханию, жизни, человеческой любви. Иногда даже участие в Евхаристии начинает восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Тогда сердце постепенно охлаждается не потому, что

перестало верить, а потому, что перестало удивляться.

Позже я всё чаще замечал, что афонские старцы редко употребляют само слово «благоговение». Они почти не рассуждают о нём. Но вся их жизнь становится его тихим свидетельством. Благоговение проявляется в том, как монах входит в храм, как бережно касается Евангелия, как зажигает лампаду, как произносит имя Христово, как молчит после Причастия. Оно рождается не из внешней торжественности, а из внутреннего сознания, что человек непрерывно живёт перед Лицом Божиим.

В тот вечер я снова вошёл в храм задолго до начала службы. Он был почти пуст. Несколько лампад тихо освещали иконы. Я подошёл к тому самому образу Богородицы и долго стоял перед ним. Впервые мне не хотелось ни о чём просить. Не хотелось искать особого состояния. Хотелось только благодарить за то, что Господь снова дал мне возможность быть рядом с Ним.

И тогда я неожиданно понял, что благоговение начинается вовсе не со страха перед святыней. Оно начинается с удивления. С того детского, почти утраченного человеком чувства, когда сердце перестаёт считать присутствие Бога привычным. Пока человек способен удивляться Богу, его вера остаётся живой. Когда же удивление исчезает, начинается незаметное охлаждение, которое гораздо опаснее любых внешних искушений.

Благоговение – это память сердца о том, что каждая встреча с Богом всегда остаётся первой.

Часть III. Собирание ума

Глава седьмая. Почему ум убегает

Несколько дней я прожил в одном небольшом афонском монастыре, расположенном высоко над морем. Постепенно начинало казаться, что жизнь здесь течёт иначе не потому, что люди делают меньше дел, а потому, что ничто не совершается без внимания. Даже шаги братии были спокойными. Никто не торопился закончить работу раньше времени. И только мой собственный ум продолжал жить той скоростью, с которой я приехал сюда из большого мира.

После Литургии один из монахов предложил показать монастырскую библиотеку. Мы поднялись по узкой каменной лестнице. За тяжёлой дубовой дверью открылось просторное помещение, наполненное запахом старых книг, воска и сухого дерева. Свет проникал через небольшие окна и ложился длинными полосами на книги, собранные за разные годы. В течение четырехсот лет. Казалось, здесь даже пыль не нарушала тишины, а была частью времени, которое веками собиралось между этими стенами.

За длинным деревянным столом сидел пожилой монах. Его седая борода почти касалась раскрытой книги. Он не читал. Он медленно восстанавливал старый переплёт, осторожно разглаживая пожелтевшие страницы. Его движения были такими спокойными, что невольно возникало ощущение: он боится причинить боль даже книге.

Я попросил благословения.

Он он кивнул в ответ и снова принялся за работу.

Некоторое время мы молчали.

Тишина в библиотеке была иной, чем в храме. Здесь не звучало молитвословие, не горели свечи перед иконами. Но казалось, что сами книги продолжают ту молитву, которую многие поколения монахов когда-то совершали над их страницами.

Я нарушил молчание.

– Отче, можно задать вопрос?

Он поднял глаза.

– Конечно.

– Почему во время молитвы ум постоянно убегает?

Геронда некоторое время смотрел на меня так внимательно, словно хотел услышать не только вопрос, но и то, что скрывалось за ним.

Потом тихо спросил:

– А куда он убегает?

Я немного растерялся.

– К воспоминаниям… К заботам… К будущему… Иногда даже к пустякам.

Он слегка улыбнулся.

– Значит, он убегает туда, где привык жить.

После этих слов снова наступило молчание.

Мне показалось, что ответ слишком прост. Но именно простота не позволяла возразить. Действительно, никто не заставляет ум рассеиваться во время молитвы. Он просто продолжает делать то, чему учился многие годы. Пока тело стоит перед иконой, ум снова возвращается к разговорам, незавершённым делам, пережитым обидам, случайным воспоминаниям. Мы удивляемся этому, хотя сами ежедневно приучаем его жить именно так.

Монах поднялся и подошёл к одному из книжных шкафов.

Он осторожно вынул несколько старых томов.

Некоторые книги лежали рядом.

Другие стояли на своих местах.

Он посмотрел на меня.

– Представь себе библиотеку, в которой никто никогда не ставит книги обратно.

Я улыбнулся.

– Через несколько дней здесь уже ничего невозможно будет найти.

Он кивнул.

– Вот так выглядит человеческий ум.

Он поставил книгу на место.

– В нём тысячи мыслей. Каждая приходит, говорит о своей важности и требует внимания. Если человек всю жизнь позволяет им свободно разбрасываться, однажды оказывается, что внутри уже невозможно найти самого главного.

В этом неожиданно открылось мне нечто важное. Мы привыкли бороться с отдельными мыслями. Одна кажется греховной, другая – полезной, третья – совершенно случайной. Но старец говорил не о мыслях. Он говорил о самом уме. Не мысли делают человека рассеянным. Рассеянным становится внимание, которое привыкло без конца перескакивать с одного предмета на другой.

Я вспомнил, сколько раз во время молитвы пытался силой удержать внимание. Чем сильнее я напрягался, тем быстрее мысли разбегались. Потом приходило раздражение. За ним – уныние. Казалось, что молитва снова проиграла этой бесконечной внутренней суете. Но теперь становилось ясно: борьба начиналась не в молитве. Она начиналась задолго до неё – в том образе жизни, который ежедневно воспитывал моё внимание.

Монах снова сел за стол.

Он долго молчал.

Потом произнёс:

– Не пытайся победить ум.

Я не понял.

– Тогда что делать?

Он ответил спокойно:

– Собирай его.

Я ждал продолжения.

– Каждый раз.

Он немного помолчал.

– Без раздражения. … – Без страха.

И совсем тихо добавил:

– С любовью.

Эти последние слова прозвучали неожиданно. Мы привыкли относиться к своему уму почти как к врагу. Сердимся на него. Упрекаем себя за рассеянность. Иногда даже начинаем думать, что не способны молиться. Но старец говорил совсем о другом. Человек не собирает рассыпавшиеся драгоценности ударами. Он бережно поднимает каждую из них. Так и внимание должно возвращаться к Богу не из насилия над собой, а из любви к Тому, перед Кем оно хочет пребывать.

Когда мы выходили из библиотеки, солнце уже высоко поднялось над монастырём. За каменной стеной шумело море. Молодые монахи спешили на послушания, но даже эта спешка была удивительно спокойной. Я вдруг понял, что собранность рождается не тогда, когда в

жизни становится меньше дел. Она рождается тогда, когда сердце перестаёт разбрасывать себя на всё сразу.

В тот вечер, став на молитву, я впервые перестал бороться со своими мыслями. Они приходили и уходили, как волны приходят к берегу. Но каждый раз я спокойно возвращался к имени Христову. И неожиданно заметил, что победой становится не отсутствие рассеянности. Победой становится само возвращение.

Наверное, именно с этого незаметного труда начинается настоящее собирание ума. Не с великих духовных подвигов и не с особых состояний, а с тихой решимости снова и снова становиться перед Богом, возвращая Ему своё внимание. Так ребёнок учится ходить после каждого падения. Так путник, потерявший дорогу, вновь находит тропу. Так и молитва начинает собирать человека воедино, чтобы однажды весь его внутренний мир смог без разделения обратиться к Единому Богу.

Глава восьмая. Возвращаться снова и снова

Через несколько дней игумен благословил меня помочь братии в винограднике. Солнце только поднялось над морем, и на листьях ещё держалась прохлада ночной росы. Ровные ряды лоз уходили по склону вниз, к самому обрыву, за которым открывалась широкая морская даль. Каждый куст был подвязан, очищен от сухих ветвей и заботливо ухожен. Глядя на этот виноградник, трудно было представить, сколько лет терпеливого труда понадобилось, чтобы дикий склон превратился в место, приносящее плод.

Работа была простой. Нужно было подвязывать молодые побеги, удалять засохшие листья и осторожно поднимать лозу, чтобы она не ломалась под собственной тяжестью. Сначала мне казалось, что всё это не требует большого внимания. Но вскоре обнаружилось, что достаточно на мгновение отвлечься, и рука уже тянет не ту ветвь или слишком сильно затягивает верёвку. Я всё чаще ловил себя на том, что тело продолжает работать, а мысли давно ушли далеко за пределы виноградника. Они возвращались к прежним разговорам, к будущим встречам, к воспоминаниям, которые не имели никакого отношения к тому, что происходило сейчас.

Рядом со мной трудился пожилой монах. Он двигался медленно, но за всё утро не сделал ни одного лишнего движения. Казалось, его внимание не разделялось между десятками мыслей. Оно спокойно пребывало там, где находились его руки. Иногда он тихо произносил Иисусову молитву. Иногда работал молча. Но и молитва, и молчание были одинаково естественными, словно исходили из одного источника.

Во время короткого отдыха мы сели под старым орехом. Перед нами лежал весь виноградник, а дальше, за зелёными склонами, блестело море. Ветер приносил запах нагретой земли и молодой лозы. Геронда достал небольшой кусок хлеба, перекрестился и, немного помолчав, посмотрел на меня.

– Устал?

– Немного, – ответил я.

Он улыбнулся.

– От работы?

Я невольно задумался.

– Наверное, больше от самого себя.

Он ничего не сказал. Лишь слегка кивнул, словно услышал именно то, чего ожидал.

Через некоторое время я продолжил:

– Во время молитвы мне кажется, что я уже начал внимательно молиться. Но проходит несколько секунд, и ум опять убегает. Иногда это повторяется десятки раз. Постепенно начинаешь сердиться на себя. Кажется, что ничего не получается.

Геронда поднял с земли маленькую сухую веточку и медленно переломил её пополам.

– Когда ребёнок учится ходить, сколько раз он падает?

– Много.

– Мать сердится на него?

– Нет.

– Почему же ты сердишься на себя?

Этот вопрос оказался неожиданнее любого наставления. Я никогда не думал об этом именно так. Действительно, почти каждую свою рассеянность я воспринимал как поражение. Вместо того чтобы спокойно возвращаться к молитве, я начинал упрекать себя, испытывал раздражение, а иногда и отчаяние. Незаметно борьба переносилась с молитвы на самого себя. Я уже не возвращал ум к Богу, а всё больше переживал из-за собственной неспособности удержать внимание.

Геронда некоторое время смотрел на виноградные лозы.

Потом сказал:

– Посмотри внимательно.

Я посмотрел.

– Видишь молодую ветвь?

– Вижу.

– Если она отклонится в сторону, виноградарь не ломает её.

Он осторожно прикоснулся к лозе.

– Он просто снова направляет её.

Мы долго молчали.

Потом старец добавил:

– Так поступает и Господь с человеком.

Его слова были удивительно простыми, но они словно открыли передо мной совсем иной взгляд на духовную жизнь. До этого мне казалось, что молитва – это непрерывное удержание

внимания. Теперь же я начал понимать, что молитва гораздо больше похожа на постоянное возвращение внимания. Не в том состоит подвиг, чтобы ни разу не отвлечься. Подвиг начинается тогда, когда человек не перестаёт возвращаться.

Мне вспомнились первые дни на Афоне. Сколько раз я уже слышал от разных старцев почти одну и ту же мысль, но каждый открывал её по-своему. Один говорил о предстоянии перед Богом. Другой – об остановке. Третий – о внутреннем молчании. Теперь же мне открывалась ещё одна ступень. Оказывается, терпение нужно не только по отношению к другим людям. Самое трудное – научиться терпеливо относиться к собственной немощи, не оправдывая её, но и не превращая борьбу с ней в источник уныния.

Я спросил:

– Отче, значит, если ум отвлёкся сто раз, нужно сто раз возвращать его?

Он спокойно посмотрел на меня.

– А если тысячу?

Я улыбнулся.

– Значит, тысячу.

Он тоже улыбнулся.

– Вот теперь ты начинаешь понимать.

После отдыха мы снова вернулись к работе. Всё оставалось прежним: те же лозы, те же камни, то же яркое солнце. Но внутри что-то незаметно изменилось. Когда внимание уходило, я уже не раздражался. Я просто замечал это и снова возвращался к тому, что делал. Потом ум опять убегал. И снова возвращался. Постепенно я начал чувствовать, что именно это спокойное возвращение рождает какую-то новую внутреннюю устойчивость.

Вечером, став на молитву, я впервые попробовал относиться к своей рассеянности так же, как виноградарь относится к молодой лозе. Не ломать её. Не дёргать. Не сердиться. Каждый раз, когда ум уходил, я спокойно возвращал его к словам молитвы. Иногда это происходило через несколько секунд, иногда почти сразу. Но неожиданно исчезло чувство безнадёжности. Вместо него появилось тихое понимание: Господь смотрит не только на то, сколько раз человек отвлёкся. Он видит и то, сколько раз тот с любовью захотел снова вернуться.

Позже я ещё не раз вспоминал тот день в винограднике. Мне всё яснее открывалось, что терпение – это не ожидание лёгкой молитвы. Терпение – это согласие снова начинать сначала, не считая своих возвращений. Именно так постепенно собирается человеческий ум. Именно так воспитывается сердце. И, может быть, именно поэтому Бог не спешит избавлять нас от немощи, потому что через неё учит самому драгоценному – смиренному постоянству в любви.

Каждое возвращение к Богу, каким бы малым оно ни казалось, уже становится маленькой победой любви над рассеянностью.

Глава девятая. Память Божия

После нескольких недель, проведённых на Святой Горе, я всё чаще замечал, что самые важные встречи происходят не тогда, когда их ищешь. Они рождаются почти случайно, словно Господь

Сам незаметно приводит человека туда, где его уже давно ждут. Так произошло и в тот день. Один из монахов сказал, что в получасе ходьбы от монастыря есть старый источник, которым пользуются отшельники. Он предложил принести оттуда воды. Путь показался мне простым, и я с радостью согласился.

Тропа уходила между серых скал. Чем дальше я шёл, тем тише становился лес. Шум моря постепенно исчезал, уступая место едва слышному журчанию воды, которое доносилось откуда-то из глубины ущелья. Источник оказался совсем небольшим. Вода медленно стекала по камню, собираясь в узкий каменный желоб, почерневший от времени. Над ним склонялись колючие кусты ежевики, а вокруг рос густой мох, сохранявший прохладу даже в самый жаркий день. Здесь всё говорило о постоянстве. Не о неподвижности, а именно о постоянстве. Вода текла без остановки, не производя никакого шума, и именно поэтому её присутствие ощущалось особенно сильно.

Возле источника сидел старый монах. Он наполнял небольшие медные сосуды водой и аккуратно ставил их в тень. Его лицо было спокойно, а движения неторопливы. Казалось, он делает это не первый десяток лет. Я попросил благословения. Геронда благословил меня и предложил напиться.

Вода была удивительно холодной. После долгой дороги она показалась необыкновенно свежей. Я поблагодарил старца, но не спешил уходить. Что-то в этом месте удерживало меня. Возможно, сама тишина, в которой не чувствовалось одиночества.

Мы долго молчали.

Наконец я спросил:

– Отче, можно ли научиться помнить Бога постоянно?

Он посмотрел на воду, медленно стекавшую по камню.

Потом спросил:

– А ты постоянно помнишь тех, кого любишь?

Я не сразу ответил.

– Нет… Но они часто сами приходят на память.

Старец кивнул.

– Вот видишь.

Он снова посмотрел на источник.

– Любовь не заставляет помнить…. …Она сама становится памятью.

Мне хотелось услышать продолжение.

– Но во время дел память о Боге всё время исчезает.

Геронда улыбнулся.

– Она исчезает или ты уходишь?

Я задумался.

Он продолжил:

– Солнце исчезает вечером?

– Нет.

– Тогда почему человек говорит: "солнце ушло"?

Я молчал.

– Оно не ушло.

Он поднял руку к небу.

– Земля отвернулась.

Эти простые слова неожиданно открыли мне совершенно другой масштаб духовнойю жизни. Мы часто говорим, что забываем Бога. Но действительно ли мы Его забываем? Или правильнее сказать, что снова начинаем жить так, словно можем обойтись без Него? Бог не перестаёт быть рядом. Не перестаёт любить. Не перестаёт призывать человека. Изменяется не Он. Изменяется направление нашего сердца.

Старец набрал воды в небольшой кувшин.

Потом тихо сказал:

– Запомни одну вещь.

Я внимательно посмотрел на него.

– Пока ты стараешься помнить Бога только во время молитвы, память будет приходить и уходить.

Он сделал небольшую паузу.

– Но если начнёшь жить перед Его Лицом, молитва станет напоминать тебе о Том, Кого сердце уже любит.

Мне вспомнились предыдущие встречи. Монах-архондаричный говорил о предстоянии перед Богом. Другой учил останавливаться. Потом были беседы о молчании, внимании, терпении и благоговении. Теперь всё это неожиданно складывалось в единое целое. Оказывается, память Божия не является отдельным духовным упражнением. Она рождается из всего образа жизни человека. Из того, как он смотрит, как говорит, как работает, как молчит, как относится к людям. Если сердце постоянно обращено к самому себе, память о Боге будет краткой. Если же сердце постепенно учится обращаться к Нему, память становится почти естественной, как дыхание.

Мы ещё долго сидели возле источника. Геронда больше ничего не говорил. Только слушал тихое журчание воды. Мне вдруг показалось, что этот источник похож на молитву. Она тоже течёт незаметно. Не производит шума. Не требует, чтобы её замечали. Но именно благодаря ей человеческое сердце не высыхает среди забот и искушений.

На обратной дороге я впервые попробовал не только читать Иисусову молитву, но и просто помнить, что Господь идёт рядом. Не искать никаких особых ощущений. Не вслушиваться в себя. Только время от времени спокойно произносить: «Господи Иисусе Христе…» – и снова идти дальше. Иногда память исчезала почти сразу. Потом неожиданно возвращалась. Потом снова терялась. Но теперь я уже не огорчался. Я начинал понимать, что память Божия воспитывается не одним усилием, а всей жизнью.

Вечером, стоя в храме, я вдруг подумал о словах старца иначе. До этого мне казалось, что главное – научиться помнить Бога. Но неожиданно открылось нечто гораздо более важное. Ведь прежде чем человек вспомнил Бога, Бог уже бесконечно долго помнил человека. Прежде чем я впервые произнёс Его имя, Он уже знал меня. Прежде чем я начал искать Его, Он уже искал меня. Вся моя память о Боге была лишь слабым ответом на Его вечную память обо мне.

Эта мысль не вызвала сильного чувства. Она принесла другое – глубокий внутренний мир. Исчезло напряжение, будто всё зависит от моего постоянного усилия. Нет, усилие необходимо. Но оно становится ответом любви, а не страхом потерять Бога. Потому что не человек первым начинает помнить Господа. Первым всегда помнит Бог.

Молитва начинается не с того, что человек вспоминает Бога. Она начинается с открытия, что Бог никогда не переставал помнить человека.

Часть IV. Сердце

Глава десятая. Где находится сердце

На следующий день после вечернего бдения погода резко изменилась. С самого утра над Святой Горой нависли тяжёлые дождевые облака. Дождь шёл не сильный, но ровный и продолжительный. Казалось, он не собирался прекращаться. Узкие монастырские дорожки быстро потемнели от влаги, вода тонкими струями стекала по древним каменным стенам, а над морем повис густой туман, скрывший даже ближайшие скалы. В такие дни Афон словно ещё глубже уходил в самого себя.

Из-за дождя братия почти не выходила за пределы монастыря. Каждый занимался своим послушанием под крышей. Кто-то переписывал книги, кто-то чинил облачения, кто-то работал в мастерской. Мне благословили остаться в келлии. Сначала я обрадовался. Появилось редкое время для чтения, размышления и молитвы. Но очень скоро обнаружилось, что внешняя тишина вовсе не означает внутреннего покоя.

Я открыл молитвослов. Прочитал несколько молитв. Затем попытался молиться Иисусовой молитвой. Однако уже через несколько минут заметил, что мысли снова разошлись в разные стороны. Они возвращались к событиям последних дней, к разговорам со старцами, к прочитанным книгам, к собственной духовной жизни. Особенно удивило меня то, что даже размышления о молитве могут отвлекать от самой молитвы. Ум рассуждал о духовном, но сердце оставалось почти безучастным.

Эта мысль сопровождала меня весь день. До вечера дождь не прекращался. Наконец один из монахов сказал, что неподалёку живёт старый схимник, который редко принимает паломников, но сегодня просил передать, что ждёт меня. Я удивился. Мы никогда прежде не встречались.

Его келлия стояла совсем недалеко от монастыря. Небольшой каменный домик почти скрывался среди кипарисов. Дождь тихо стучал по деревянной крыше. Когда я вошёл внутрь, первое, что бросилось в глаза, – почти полное отсутствие вещей. Несколько книг, деревянный

аналой, лампада перед иконой Спасителя, старая скамья и небольшой стол. Всё выглядело так, словно здесь уже давно ничего не прибавлялось и ничего не убавлялось.

Геронда сидел возле окна. Он смотрел не на дождь, а куда-то гораздо дальше, словно слушал то, чего невозможно было услышать человеческим слухом. Увидев меня, он улыбнулся, благословил и предложил сесть.

Мы долго молчали. Дождь продолжал мерно стучать по крыше. Пламя свечи едва заметно колебалось от лёгкого движения воздуха.

Наконец старец произнёс:

– О чём ты сейчас думаешь?

Вопрос застал меня врасплох.

Я честно ответил:

– О молитве.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Нет.

Я удивился.

– Тогда о чём?

Он спокойно сказал:

– Ты думаешь о своих мыслях о молитве.

Я не сразу понял смысл этих слов.

Геронда продолжил:

– Это не одно и то же.

Мы снова замолчали.

Потом я спросил:

– Отче, святые отцы постоянно говорят, что ум должен сойти в сердце. Но где оно – это сердце?

Он долго не отвечал.

Затем медленно положил ладонь себе на грудь.

– Не здесь.

Он поднял руку к голове.

– И не здесь.

Я вопросительно посмотрел на него.

Геронда тихо улыбнулся.

– Сердце нельзя показать пальцем.

Я ждал продолжения.

Он сказал:

– Сердце – это сам человек.

Этоо было так неожиданно, что я невольно замолчал. За годы монашеской жизни мне приходилось читать множество святоотеческих книг о молитве. В них часто говорилось о сердце, о его очищении, о внимании к сердцу, о хранении сердца. Но теперь я понял, что всё это время невольно представлял сердце как некое особое внутреннее место, куда должен войти ум. Геронда же говорил совсем иначе.

Он словно почувствовал мои мысли.

– Когда Священное Писание говорит: «Сын мой! отдай сердце твоё мне», разве Господь просит только чувства?

Я покачал головой.

– Нет.

– Тогда что?

Я долго молчал.

Потом тихо сказал:

– Всего человека.

Геронда кивнул.

– Вот именно. «Весь живот наш, Христу Богу предадим», помнишь?

Он сделал небольшую паузу.

– Сердце – это место, где человек становится самим собой перед Богом.

Мы сидели молча. За окном продолжал идти дождь. Его ровный шум неожиданно помогал сосредоточиться. Не отвлекал, а, наоборот, словно смывал всё лишнее. Я начал понимать, почему святые отцы так осторожно говорят о сердце. Они не имеют в виду область чувств. Не говорят только об уме. Сердце – это глубина личности, где соединяются мысль, воля, память, любовь, совесть и свобода человека. Именно там рождаются решения, определяющие всю жизнь. Именно там человек говорит Богу своё настоящее «да» или своё настоящее «нет».

Я спросил:

– Значит, ум должен войти туда?

Геронда отрицательно покачал головой.

– Нет.

Я удивился.

Он продолжил:

– Ум должен перестать жить отдельно.

Это показалось мне самыми трудными за всё время моего пребывания на Афоне.

Геронда спокойно объяснил:

– Сейчас человек разделён.

Он коснулся своей головы.

– Здесь думает одно.

Потом приложил руку к груди.

– Здесь хочет другое.

Немного помолчав, добавил:

– А делает третье.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Молитва собирает человека.

После этих слов в келлии снова воцарилась тишина. Мне вдруг стало ясно, что вся предыдущая часть моего путешествия незаметно готовила именно этот разговор. Старцы учили меня останавливаться, молчать, возвращать внимание, не искать переживаний, хранить благоговение, терпеливо собирать ум и помнить Бога. Но всё это было лишь дорогой. Теперь открывалась цель этой дороги. Человек собирает ум не ради самого внимания. Он собирает его, чтобы перестать жить внутренне разделённым.

Возвращаясь в монастырь, я шёл под мелким дождём почти не замечая его. В сердце звучали слова старца: «Молитва собирает человека». Я думал о том, как часто мы принимаем внутреннюю раздробленность за нормальное состояние. Одно говорим, другое чувствуем, третьего боимся, четвёртого желаем. Мы настолько привыкаем к этой раздвоенности, что перестаём замечать её. И лишь перед Богом становится очевидно, насколько далеко наш ум ушёл от собственного сердца.

В тот вечер я долго стоял в храме после окончания службы. Не пытался искать сердце внутри себя. Не прислушивался к чувствам. Только просил Господа о самом простом: чтобы всё во мне постепенно научилось жить одной жизнью. Чтобы мысль не противоречила вере, вера – любви, любовь – поступкам. Наверное, именно тогда я впервые начал понимать, что путь ума к сердцу – это не движение из одного места в другое. Это долгое возвращение человека к самому себе таким, каким его задумал Бог.

Сердце – не часть человека. Сердце – это человек, собранный воедино перед Лицом Божиим.

Глава одиннадцатая. Покаяние.

На Афоне особенно ясно начинаешь понимать, что время измеряется не календарём, а праздниками, богослужениями и внутренними переменами души. Уже прошло несколько недель моего пребывания на Святой Горе. Я постепенно привык к ночным службам, к долгим переходам по горным тропам, к монастырскому распорядку. Но вместе с этим всё чаще замечал в себе странное чувство. Внешне жизнь становилась спокойнее, а внутренне я всё отчётливее видел то, чего раньше почти не замечал. Молитва переставала быть только утешением. Она становилась светом, при котором начинали открываться самые скрытые уголки собственного сердца.

В один из вечеров после вечерни я остался в храме. Братия уже расходилась по келлиям, лампады тихо мерцали перед древними иконами, а в полумраке ещё долго ощущался запах ладана. Старый монах медленно подошёл к аналою, положил земной поклон и долго не поднимался. В его движениях не было ничего необычного. Но было что-то такое, что заставило меня остановиться. Это был поклон человека, который стоял перед Богом без свидетелей, не думая о том, как выглядит со стороны.

На следующий день мне сказали, что этот старый иеромонах уже более шестидесяти лет подвизается на Афоне. Почти всю жизнь он прожил в одной и той же келлии. Его знали как человека немногословного. Он редко принимал паломников, но иногда соглашался поговорить, если видел искреннее желание человека искать не ответы, а истину. Мне благословили навестить его.

Келлия находилась немного в стороне от монастыря. Возле неё рос старый миндаль, а рядом шумел небольшой ручей, сбегавший по камням к лесной тропе. Когда я вошёл, старец читал старую Минею. На мое приветствие он закрыл книгу, посмотрел в глаза и жестом предложил сесть. Некоторое время мы молчали. Мне показалось, что здесь даже молчание было частью разговора.

Наконец я сказал:

– Отче, чем больше я стараюсь молиться, тем больше вижу свои грехи. Иногда мне кажется, что раньше я был лучше.

Старец внимательно посмотрел на меня.

– Нет.

Он произнёс это спокойно, без тени осуждения.

– Раньше ты просто хуже видел.

Я задумался.

Он продолжил:

– Когда в комнате темно, человеку кажется, что всё чисто. Но стоит открыть ставни, как становятся видны пыль, паутина и грязь. Свет ничего не создаёт. Он только открывает то, что уже было.

Эти слова неожиданно принесли облегчение. Я действительно всё чаще переживал то, что сначала принимал за духовное падение. Мне казалось, что с каждым днём замечаю в себе всё

больше тщеславия, раздражительности, самолюбия, скрытой гордости. Иногда возникало даже искушение думать, что молитва делает меня хуже. Теперь же становилось ясно: она не делает хуже. Она делает честнее.

Через некоторое время я спросил:

– Но почему тогда после исповеди иногда остаётся тяжесть? Казалось бы, грехи названы, прощение получено, а сердце всё равно не свободно.

Старец долго не отвечал.

Потом тихо произнёс:

– Потому что ты принимаешь покаяние за чувство.

Я внимательно слушал.

– Покаяние – это жизнь.

Я попросил объяснить.

Геронда ненадолго задумался.

– Если человек заблудился в лесу и понял это, достаточно ли ему только сожалеть?

– Нет.

– Что он должен сделать?

– Начать возвращаться.

Геронда кивнул.

– Вот это и есть покаяние.

После этих слов в келлии снова воцарилась тишина. Я вспомнил, как много раз воспринимал покаяние прежде всего как сильное переживание собственной виновности. Если сердце было сокрушено, мне казалось, что покаяние настоящее. Если же чувства были спокойнее, возникало сомнение: неужели я стал равнодушным? Но старец говорил совсем о другом. Он не отрицал слёз. Не отвергал сокрушения. Однако ясно показывал, что ни слёзы, ни переживания сами по себе ещё не являются покаянием. Настоящее покаяние начинается тогда, когда человек меняет направление своей жизни.

Геронда словно почувствовал мои мысли.

– Иуда сожалел.

Он произнёс это очень тихо.

– Пётр вернулся.

Больше он ничего не сказал. Но этих двух коротких предложений оказалось достаточно, чтобы я ещё долго не мог забыть наш разговор. Действительно, чувство вины само по себе ещё не приближает человека к Богу. Иногда оно даже замыкает его на самом себе. Человек

бесконечно рассматривает своё падение, свои ошибки, свою боль и постепенно перестаёт смотреть на Христа. Покаяние же всегда обращает взгляд вперёд. Оно не отрицает прошлого, но не позволяет прошлому стать последним словом о человеке.

Возвращаясь в монастырь, я долго шёл лесной дорогой. Ветер тихо колыхал вершины сосен. Между стволами деревьев мелькали полосы солнечного света. Я думал о том, что вся моя жизнь нередко строилась вокруг желания стать лучше. Но старец незаметно открыл иную перспективу. Христос пришёл не для того, чтобы человек постоянно измерял степень собственного совершенства. Он пришёл, чтобы заблудший человек перестал убегать и начал возвращаться к Отцу. Именно поэтому покаяние никогда не заканчивается отчаянием. Оно всегда рождает надежду.

Вечером, во время повечерия, я неожиданно иначе услышал слова пятидесятого псалма. Они перестали быть только прошением о прощении. В них зазвучала просьба о новой жизни. «Сердце чисто созижди во мне, Боже…» – эти слова уже не казались поэтическим образом. Я почувствовал, что они говорят о самом глубоком чуде, которое Господь совершает с человеком. Он не просто стирает прошлое. Он постепенно создаёт в человеке новое сердце, способное жить Его жизнью.

Тогда мне открылось ещё одно понимание покаяния. Оно начинается не тогда, когда человек перестаёт быть грешником. Оно начинается тогда, когда человек перестаёт защищать свой грех. Пока мы оправдываем себя, сердце остаётся закрытым. Но когда перестаём спорить с Богом и соглашаемся идти за Ним, сердце начинает оживать. Медленно. Почти незаметно. Так весной оживает дерево, которое всю зиму казалось мёртвым. Сначала этого никто не видит. Но жизнь уже начала своё тихое движение.

Покаяние – это не жизнь, обращённая к своему прошлому. Это жизнь, которая каждый день снова поворачивается лицом ко Христу.

Глава двенадцатая. Сокрушение.

Накануне большого праздника вся братия собралась на всенощное бдение. Служба продолжалась долго. Часы незаметно переходили один в другой, чтение сменялось пением, пение – продолжительным молчанием. Когда после полуночи начался крестный ход, монастырские ворота медленно открылись, и процессия с хоругвями и иконами вышла в ночную тишину. Ветер почти стих. Только пламя свечей слегка колебалось, отражаясь на старых монастырских стенах. Никто не разговаривал. Было слышно лишь мерное пение братии, тихий звон кадила и шаги монахов по каменной мостовой.

Я шёл среди всех и неожиданно почувствовал, что внешнее движение крестного хода напоминает движение человеческой души. Мы медленно обходили монастырь, снова возвращаясь к храму, словно сама Церковь хотела напомнить человеку: всякая дорога имеет смысл только тогда, когда приводит его обратно к Богу. Мне вспомнились собственные годы жизни, многочисленные встречи, радости, ошибки, духовные поиски. Как часто человек уходит далеко, думая, что ищет истину, а потом с удивлением обнаруживает, что всё это время Господь терпеливо ожидал его возвращения.

После службы братия стала расходиться. Я ещё долго стоял возле древнего кипариса, который рос рядом с храмом. Небо уже начинало светлеть. В это время ко мне подошёл старец, которого я несколько раз видел во время богослужений, но никогда прежде не разговаривал с ним. Он был невысокого роста, с совершенно седой бородой и удивительно светлым лицом. В его глазах было столько мира, что рядом с ним становилось трудно продолжать внутренний

спор с самим собой.

Он первым нарушил молчание.

– Не спится?

– Нет, отче.

Он посмотрел на храм.

– После такой службы сердце долго не отпускает человека.

Мы немного помолчали.

Потом я сказал:

– Отче, можно спросить?

– Конечно.

– Святые отцы часто говорят о слезах. Я читаю их книги и невольно думаю, что моя молитва очень сухая. Иногда мне кажется, что сердце остаётся каменным.

Геронда долго не отвечал. Он поднял с земли маленький камешек и несколько секунд держал его в ладони.

Потом спросил:

– Скажи, что тяжелее – этот камень или человеческое сердце?

Я улыбнулся.

– Наверное, сердце.

Он кивнул.

– Иногда так и бывает.

Мы снова замолчали.

Потом он положил камешек на место и тихо сказал:

– Но Господь не просит человека плакать.

Я удивлённо посмотрел на него.

– Он просит отдать Ему сердце.

Я не сразу понял смысл, о чем он говорит.

– Но разве слёзы не являются даром Божиим?

– Являются.

Он произнёс это очень спокойно.

– Только не думай, что всякая слеза приходит от Бога.

Я молчал.

Он продолжил:

– Человек может плакать от обиды. …От жалости к себе.

Геронда провел рукой по седой бороде.

– От несбывшихся ожиданий.

Он посмотрел мне прямо в глаза. И медленно кивнул, словно соглашаясь с невысказанной мыслью.

– И всё это ещё не покаяние…

Мне стало ясно, что разговор касается чего-то гораздо более глубокого, чем просто слёзы.

Геронда медленно пошёл по дорожке, ведущей к монастырскому саду. Я шёл рядом. Уже начинало светать. Над морем появлялась первая узкая полоса света, а в ветвях кипарисов просыпались птицы. Всё вокруг словно ожидало рождения нового дня.

Через некоторое время старец снова заговорил.

– Знаешь, почему человек редко плачет перед Богом?

Я покачал головой.

– Потому что слишком долго защищает себя.

Он остановился.

– Пока человек оправдывает себя, сердце остаётся твёрдым.

Я вспомнил свою жизнь. Действительно, сколько сил уходит на то, чтобы объяснить себе собственные поступки, найти причины, оправдания, переложить часть ответственности на обстоятельства или других людей. Даже приходя на исповедь, человек иногда продолжает незаметно защищать самого себя. Он признаёт ошибки, но всё ещё не отдаёт Господу своего сердца целиком. И тогда покаяние остаётся скорее рассказом о грехах, чем настоящей встречей с Богом.

Геронда словно продолжал мои мысли.

– Не бойся, если нет слёз.

Он говорил медленно, оставляя между словами долгие паузы.

– Бойся другого.

Я внимательно слушал.

– Бойся перестать болеть о своём удалении от Бога.

Я впервые посмотрел на проблему с другой стороны. Я понял, что сокрушение – это не

настроение и не особое эмоциональное состояние. Оно рождается тогда, когда человек перестаёт смотреть на грех только как на нарушение заповеди и начинает видеть в нём разрыв любви. Тогда сердце уже не просто осуждает себя. Оно скорбит о том, что снова оказалось далеко от Того, Кого любит.

Мы дошли до небольшой смотровой площадки. Внизу лежало море. Первые лучи солнца медленно окрашивали его в золотистый цвет. Старец долго смотрел на восход.

Потом тихо произнёс:

– Видишь, как солнце касается воды?

– Вижу.

– Оно не разбивает её.

Он сделал небольшую паузу.

– Оно согревает.

Геронда повернулся ко мне.

– Так и благодать касается сердца.

Он положил руку себе на грудь.

– Не ломает.

Немного помолчав, добавил:

– Смягчает.

Мы больше не говорили. Каждый думал о своём. Мне вдруг стало ясно, что именно мягкость сердца и есть то состояние, о котором так часто пишут святые отцы. Не слабость характера. Не чувствительность. А способность снова откликнуться на прикосновение Божией любви. Камень невозможно согреть изнутри. Но сердце, каким бы ожесточённым оно ни стало, Господь способен сделать живым.

Возвращаясь в храм, я впервые понял, почему после предыдущей беседы старец сказал, что покаяние – это возвращение. Теперь открывался следующий шаг. Возвращаясь к Богу снова и снова, человек постепенно перестаёт оправдывать себя. Сердце становится мягче. Оно уже не спорит с Господом. Не требует доказательств Его любви. Оно просто учится доверять. И именно в этой тихой внутренней мягкости начинает рождаться молитва, которой невозможно научиться только словами.

Во время утренней Литургии я уже не просил у Бога слёз. Мне стало страшно просить о дарах, которых я ещё не умею беречь. Я просил только об одном: чтобы Господь не позволил моему сердцу привыкнуть к самому себе. Чтобы оно оставалось живым, способным каяться, благодарить, удивляться и любить. Наверное, именно тогда я впервые понял, что сокрушение – это не печаль без надежды. Это начало новой жизни, в которой человек перестаёт надеяться на себя и всё больше начинает надеяться на милость Божию.

Сокрушённое сердце – это не сердце, которое научилось плакать. Это сердце, которое перестало сопротивляться любви Божией. Из такого сердца рождается смирение, а из

смирения – молитва.

Часть V. Имя Христово

Глава тринадцатая. Словесная молитва.

Каждое утро после ранней Литургии монастырский двор постепенно наполнялся жизнью. Одни монахи расходились отдыхать или по послушаниям, другие ненадолго задерживались возле архондарика, чтобы помочь прибывшим паломникам. Кто-то отправлялся в горы, кто-то – в сад, кто-то – в просфорню. Жизнь продолжалась так естественно, что трудно было отделить молитву от труда. Здесь никто не противопоставлял одно другому. Всё начиналось молитвой, продолжалось молитвой и снова возвращалось к ней.

В то утро я заметил молодого паломника, которого раньше не встречал. На вид ему было не больше двадцати лет. В руках он крепко держал новый молитвослов, время от времени открывал его и что-то внимательно перечитывал. Было видно, что он приехал на Афон с большим усердием. Он, наверное, старался не пропускать ни одной службы, записывал услышанные советы старцев, задавал вопросы монахам и с искренним желанием искал правильный путь. В его лице было то благородное беспокойство, которое часто появляется у человека, впервые серьёзно прикоснувшегося к духовной жизни.

После трапезы мы разговорились. Он признался, что совсем недавно начал регулярно молиться и теперь постоянно переживает, всё ли делает правильно.

– Иногда мне кажется, – сказал он, – что я читаю молитвы механически. Потом начинаю читать медленнее. Но тогда внимание рассеивается ещё сильнее. Иногда думаю: может быть, лучше оставить молитвослов и молиться своими словами?

Я не спешил отвечать. Несколько недель назад я сам задал бы похожий вопрос кому-нибудь из старцев. Теперь же чувствовал, что не имею права говорить от себя. Мы договорились вместе подняться к одному пожилому монаху, который много лет нёс послушание духовника и был известен своей рассудительностью.

Мы нашли его возле небольшой мастерской. Он чинил старые деревянные аналои. Работа требовала терпения и точности. Монах внимательно осматривал каждую трещину, очищал дерево, наносил клей и только потом соединял детали. Он не торопился. Казалось, для него было одинаково важно и починить аналой, и сохранить уважение к вещи, которая многие годы служила Церкви.

Мы попросили уделить нам внимание.

Он кивнул нам, улыбнувшись в усы, и продолжил работу.

Молодой паломник первым задал свой вопрос.

– Отче, скажите, если молитва становится невнимательной, может быть, лучше перестать читать правило и говорить с Богом своими словами?

Геронда поднял голову.

– А когда ребёнок только учится говорить, кто даёт ему первые слова?

Паломник немного смутился.

– Родители.

– Почему?

– Потому что сам он ещё не умеет говорить.

Геронда улыбнулся.

– Вот и Церковь сначала даёт человеку слова.

Мы молчали.

Он осторожно провёл рукой по гладкой поверхности дерева.

Потом продолжил:

– Не думай, что молитвослов нужен Богу.

Он посмотрел сначала на молодого паломника, потом на меня.

– Он нужен человеку.

Молодой человек снова спросил:

– Но если сердце молчит?

Геронда спокойно ответил:

– Продолжай читать.

Монах ненадолго опустил глаза.

– Если сердце плачет – тоже читай. … Если сердце радуется – опять читай.

Он улыбнулся.

– Не потому, что книга важнее сердца. – Он положил ладонь на молитвослов, лежавший рядом. – А потому, что через эти слова Церковь учит сердце говорить с Богом.

После разговора мы долго сидели возле мастерской. Геронда больше почти ничего не говорил. Он продолжал чинить старый аналой, а мы молча наблюдали за его работой. В какой-то момент мне пришла неожиданная мысль. Ведь и ребёнок сначала повторяет слова родителей, не до конца понимая их глубину. Но именно эти слова постепенно становятся его собственным языком. Наверное, так же происходит и с молитвой.

Возвращаясь в монастырь, молодой паломник признался:

– Мне казалось, что готовые молитвы мешают искренности.

Я ответил не сразу.

– Знаешь, что я начинаю понимать здесь, на Афоне? Иногда мы слишком быстро доверяем собственным словам.

Он внимательно посмотрел на меня.

– А слова Церкви рождаются из опыта многих поколений людей, которые всю жизнь учились любить Бога.

Мы долго шли молча. Мне вспоминались мои собственные годы в монастыре. Сколько раз я воспринимал молитвенное правило как обязанность, которую необходимо исполнить. Иногда торопился закончить его, иногда переживал из-за рассеянности, иногда искал особых чувств. Но теперь всё чаще открывалось другое. Молитвенное правило – это не перечень обязательных текстов. Это ежедневная школа верности. Любовь проверяется не тогда, когда человеку легко говорить, а тогда, когда он остаётся рядом даже в молчании.

Постепенно я начал понимать ещё одну истину, которую прежде не замечал. Многие люди противопоставляют словесную молитву внутренней, словно первая предназначена только для начинающих, а вторая – для духовно зрелых. Но старцы Афона никогда так не говорили. Они с одинаковым благоговением читали Псалтирь, молитвы святых отцов, участвовали в богослужении и произносили Иисусову молитву. Они не противопоставляли одно другому. Для них всякая молитва была встречей с живым Христом.

Вечером я открыл молитвослов уже с другим чувством. Передо мной были те же самые слова, которые я читал многие годы. Но теперь я увидел в них не только тексты. Я увидел голос Церкви, которая столетиями учила своих детей обращаться к Богу. Эти молитвы не ограничивали свободу сердца. Они воспитывали её, как любящий отец воспитывает ребёнка, помогая ему постепенно научиться говорить правду, благодарить, просить прощения и любить.

И тогда мне стало понятно, почему афонские старцы так спокойно относятся к молитвенному правилу. Они знают, что настоящая свобода рождается не из отказа от школы, а из верности ей. Человек, который день за днём с терпением возвращается к словам молитвы, незаметно позволяет этим словам проникнуть в глубину своего сердца. И однажды наступает момент, когда он уже не просто читает молитву – сама молитва начинает жить в нём.

Слова молитвы – это не замена любви. Это школа, в которой сердце постепенно учится говорить с Богом языком любви.

Глава четырнадцатая. Иисусова молитва.

Чем дольше я жил на Святой Горе, тем чаще замечал одну особенность. Почти каждый паломник, приезжавший на Афон, мечтал услышать именно об Иисусовой молитве. Одни спрашивали, сколько раз её следует читать. Другие интересовались, можно ли молиться непрестанно. Третьи надеялись услышать рассказы о необыкновенных духовных состояниях. Иногда мне казалось, что вокруг Иисусовой молитвы существует особая атмосфера ожиданий, словно именно она должна открыть человеку какую-то скрытую тайну духовной жизни. Но сами афонские старцы говорили о ней совсем иначе. Их слова были удивительно простыми, а потому сначала даже разочаровывали.

Однажды после Литургии мне сказали, что неподалёку от монастыря, среди старых виноградников, живёт схимонах, почти никогда не покидающий своей келлии. Он много лет подвизался в безмолвии и редко принимал посетителей. Однако в тот день неожиданно согласился принять меня. Дорога шла вдоль каменных террас, где виноградные лозы спускались к самому морю. Ветер медленно проходил между листьями, и они тихо шелестели, словно сами повторяли какую-то древнюю молитву.

Келлия была совсем небольшой. Перед ней росла старая смоковница, а рядом находился крошечный виноградник, за которым старец ухаживал своими руками. Вино с этого

виноградника использовалось для Причастия. Он работал один. Осторожно подвязывал молодые побеги, убирал сухие листья, расправлял лозу, чтобы она свободно тянулась к солнцу. В его движениях не было ни малейшей поспешности. Он трудился так, будто этот виноградник был поручен ему Самим Христом.

Я попросил благословения.

Старец благословил меня и продолжил работу.

Некоторое время мы молчали.

Потом он сам нарушил молчание.

– Помоги мне немного.

Мы вместе стали подвязывать лозы. Работа оказалась удивительно мирной. Почти час мы не произнесли ни одного слова. За это время я несколько раз замечал, что старец тихо шевелит губами. Казалось, он беседует с Кем-то невидимым. Но в этом не было ничего необычного или нарочитого. Так человек иногда негромко напевает знакомую с детства песню, даже не замечая этого.

Когда работа была закончена, мы сели под смоковницей.

Я долго не решался начать разговор.

Наконец спросил:

– Отче, Вы всё время читали Иисусову молитву?

Он спокойно посмотрел на меня.

– А ты как думаешь?

Я улыбнулся.

– Думаю, что да.

Он слегка кивнул.

– Да.

Я немного помолчал.

– Можно спросить ещё?

– Спрашивай.

– Как научиться непрестанной Иисусовой молитве?

Старец долго смотрел на море.

Потом очень тихо спросил:

– А зачем тебе непрестанная молитва?

Я растерялся.

– Чтобы всегда быть с Богом.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Или чтобы стать особенным?

Этот вопрос прозвучал неожиданно.

Я хотел сразу ответить отрицательно, но не смог. Где-то в глубине души я вдруг увидел желание, которого раньше не замечал. Мне действительно казалось, что непрестанная молитва – это признак высокой духовной жизни. В этом было что-то очень тонкое, почти незаметное, и очень оправдательное, для самолюбия.

Старец словно почувствовал моё смущение.

– Не бойся увидеть правду.

Он улыбнулся.

– Самолюбие умеет надевать даже монашескую одежду.

Мы снова замолчали.

Потом он поднял небольшую горсть земли.

– Посмотри.

Я посмотрел.

Он разжал ладонь.

Земля медленно просыпалась между пальцами.

– Если будешь слишком сильно держать её, она всё равно уйдёт.

Он стряхнул последние песчинки.

– Так и молитва.

Я внимательно слушал.

– Не хватай её… – Люби Христа.

После этих слов разговор снова остановился. Но теперь молчание уже не казалось пустым. Оно продолжало сказанное лучше любых объяснений.

Через некоторое время старец неожиданно произнёс:

– Скажи, ты замечаешь своё дыхание?

– Только когда начинаю думать о нём.

Он кивнул.

– Вот и молитва должна стать такой.

Я удивлённо посмотрел на него.

– Не предметом постоянного наблюдения.

Он положил руку себе на грудь.

– А жизнью.

Мне вспомнилось, сколько книг написано об Иисусовой молитве. Сколько споров ведётся вокруг способов её совершения, внимания, дыхания, положения тела. Всё это имеет своё место в православной аскетической традиции и требует большого рассуждения и опытного духовного руководства. Но удивительно было видеть, что сами афонские старцы почти никогда не начинали разговор с этих вопросов. Они прежде всего говорили о покаянии, смирении, любви ко Христу и верности Церкви. Всё остальное занимало своё место только тогда, когда человек уже переставал искать необыкновенное.

Старец снова посмотрел на виноградник.

– Лоза растёт медленно.

Он показал на молодой побег.

– Если каждый день тянуть её вверх, она сломается.

Потом посмотрел на меня.

– Так не торопи и молитву.

Впервые за долгое время мне захотелось не искать ответы, а задавать правильные вопросы. Я понял, что и здесь, как во всём, о чём говорили старцы, главным оказывается терпение. Мы слишком часто хотим получить плод раньше времени. Нам хочется почувствовать действие молитвы, увидеть перемены в себе, убедиться, что идём правильным путём. Но любовь никогда не растёт по приказу. Она созревает постепенно, незаметно, подобно виноградной лозе, которая много месяцев питается соками земли, прежде чем принесёт сладкие гроздья.

Возвращаясь в монастырь, я всю дорогу повторял Иисусову молитву. Не быстрее и не медленнее обычного. Просто повторял имя Христово, стараясь не прислушиваться к самому себе. И вдруг заметил одну простую вещь. Когда перестаёшь наблюдать за своей молитвой, становится легче смотреть на Господа. До этого я слишком часто оценивал собственное состояние: внимательно ли молюсь, не рассеялся ли, что чувствую, изменилось ли сердце. Теперь же внимание постепенно переносилось с себя на Того, Чьё имя я призывал.

Вечером я долго размышлял над словами старца. Всё путешествие по Святой Горе незаметно учило одному и тому же. Предстоять перед Богом. Останавливаться. Молчать. Собирать ум. Возвращаться после каждой рассеянности. Хранить память Божию. Каяться. Смиряться. И только теперь становилось понятно, почему Иисусова молитва занимает такое место в жизни монаха. Она не заменяет всё остальное. Она собирает всё остальное воедино вокруг имени Христа.

Позже мне не раз приходилось встречать людей, которые искали в Иисусовой молитве особых духовных переживаний или необычных состояний. Но афонские старцы всегда с великой

осторожностью относились к подобным ожиданиям. Они знали: если человек ищет прежде всего переживания, он начинает незаметно смотреть на самого себя. Если же он ищет Самого Христа, тогда молитва постепенно становится такой же естественной, как дыхание, потому что сердце начинает жить не собой, а Тем, Кого любит.

Имя Господне дано человеку не для того, чтобы пережить необыкновенное, а для того, чтобы вся жизнь незаметно научилась дышать Христом.

Глава пятнадцатая. Внимание.

За время, проведённое на Святой Горе, я постепенно перестал считать ночные богослужения чем-то необычным. Организм привык просыпаться задолго до первых ударов симморона. Уже не казалось странным идти по тёмому монастырскому двору, где лишь редкие лампады освещали окна, выходящие во двор. Даже ночной холод и жара начинали восприниматься как часть той жизни, в которой тело понемногу училось служить душе. Но именно тогда, когда внешнее стало привычным, Господь начал открывать то, чего я прежде совсем не замечал.

В ту ночь полуночница начиналась как всегда в три часа. Над морем стояла глубокая темнота. Звёзды были такими яркими, что казалось, будто небо опустилось совсем близко к земле. Братия один за другим входила в храм. Никто не разговаривал. Было слышно лишь тихое потрескивание свечей да шелест монашеских одежд. Я занял своё обычное место и попытался сразу собрать внимание, но уже через несколько минут с удивлением обнаружил, что ум снова живёт собственной жизнью. Он перескакивал от одной мысли к другой с такой лёгкостью, словно вообще не замечал, что стоит перед Престолом Божиим.

Эта борьба была мне уже знакома. Однако теперь она воспринималась иначе. Раньше каждая рассеянность вызывала раздражение. Потом старцы научили меня терпеливо возвращаться. Но оставался вопрос, который всё чаще возникал в сердце. Почему внимание так непрочно? Почему даже тогда, когда человек искренне любит Бога и хочет молиться, ум продолжает ускользать, словно вода сквозь пальцы? Мне казалось, что именно на этот вопрос Господь готовил ответ.

После полуночницы я увидел старца, которого в монастыре называли молчальником. Он уже много лет жил при храме, помогал на богослужениях и почти никогда не вступал в долгие разговоры. Братия рассказывала, что за день он мог произнести всего несколько предложений. При этом никто не считал его замкнутым. Напротив, рядом с ним люди удивительным образом успокаивались. Его молчание не отделяло от других, а словно освобождало каждого от внутренней суеты.

Мы вместе вышли из храма.

Во дворе ещё было темно.

Лампада перед образом Божией Матери тихо мерцала под лёгким ветром.

Мы остановились возле старого кипариса.

Я долго не решался нарушить молчание.

Наконец сказал:

– Отче, хочу Вас спросить, я всё время стараюсь быть внимательным на молитве.

Он протянул несколько зерен четок.

– И что?

– Чем сильнее стараюсь, тем быстрее замечаю свою рассеянность.

Монах протянул еще несколько узелков и кивнул.

– Хорошо.

Я удивился.

– Что же здесь хорошего?

Он ответил сразу:

– Ты начал видеть.

Я ожидал продолжения.

Но старец молчал, перебирая четки.

Прошло несколько минут.

Потом он спросил:

– Когда сторож замечает вора?

Я задумался.

– Когда не спит.

Он слегка улыбнулся.

– Значит, внимание уже действует.

Это было неожиданно. Всю свою борьбу с рассеянностью я воспринимал как непрерывную череду поражений. Геронда же говорил, что само обнаружение рассеянности уже свидетельствует о пробуждении внимания. Значит, внимание – это не состояние, при котором мысли совсем исчезают. Оно начинается гораздо раньше – в тот момент, когда человек перестаёт жить бессознательно.

Мы продолжали молчать.

Потом старец медленно произнёс:

– Не думай всё время о внимании.

Я внимательно посмотрел на него.

– Думай о Христе.

Он ненадолго замолчал.

– Внимание придёт следом.

Мне вспомнились первые недели на Афоне. Как часто я наблюдал за самим собой. Внимательно ли молюсь? Правильно ли читаю правило? Не рассеялся ли? Не потерял ли молитву? Всё это казалось необходимым. Но постепенно я начинал понимать, что и здесь самолюбие умеет найти себе пищу. Даже внимание можно незаметно превратить в предмет постоянного наблюдения за собой. Тогда человек перестаёт смотреть на Бога и всё время рассматривает собственную молитву.

Старец словно услышал мои мысли.

– Представь дом.

Он показал рукой на храм.

– Что важнее?

Я не понял вопроса.

Он продолжил:

– Дверь или Тот, Кто находится внутри?

– Конечно, Тот, Кто внутри.

– Тогда зачем останавливаться у двери?

Мы оба посмотрели на храм.

Геронда тихо сказал:

– Внимание – это дверь… – не дом.

Эти несколько слов неожиданно расставили всё по своим местам. Столько времени я думал о внимании как о цели духовной жизни. Но ведь дверь существует не ради самой себя. Она нужна лишь для того, чтобы человек вошёл в дом. Так и внимание необходимо не для того, чтобы любоваться собственной собранностью. Оно открывает сердце навстречу Христу.

Возвращаясь в келлию, я долго размышлял над этим разговором. Мне вдруг стало ясно, почему старцы почти никогда не говорят о молитве как о технике. Любая техника рано или поздно начинает вращаться вокруг человека. Он оценивает себя, сравнивает свои успехи, ищет признаки роста. Любовь устроена иначе. Она почти перестаёт смотреть на себя. Её взгляд обращён к тому, кого она любит. Наверное, именно поэтому внимание становится живым только тогда, когда перестаёт быть самоцелью.

На следующей полуночнице я уже не пытался непрерывно проверять своё внутреннее состояние. Я спокойно произносил слова молитвы и всякий раз, когда замечал рассеянность, без внутреннего раздражения возвращался к имени Христову. Иногда это происходило через несколько секунд. Иногда почти сразу после возвращения ум опять уходил. Но теперь в этом уже не было прежней тревоги. Я перестал воспринимать каждое отвлечение как поражение. Оно становилось новым приглашением вернуться.

Именно тогда я начал понимать ещё одну особенность духовной жизни. Господь не требует от человека невозможного совершенства. Он ожидает верности. Не той верности, которая никогда не падает, а той, которая после каждого падения снова встаёт и идёт дальше. Так

рождается внимание. Не из напряжения, а из любви, которая не устаёт возвращаться.

Позже мне не раз вспоминались слова одного старца: «Не бойся, что ум убежал. Бойся перестать возвращать его». Теперь я начинал понимать их совсем иначе. Вся жизнь человека оказывается одним большим возвращением. Мы возвращаемся к молитве, к покаянию, к памяти Божией, к любви. И каждый раз Господь принимает нас так, словно мы пришли впервые.

Внимание не удерживает Бога рядом с человеком. Оно помогает человеку снова и снова возвращаться к Тому, Кто никогда не переставал быть рядом с ним.

Часть VI. Невидимая брань

Глава шестнадцатая. Помыслы.

До этого времени почти все беседы со старцами были похожи на медленное восхождение по горной тропе. Каждый разговор открывал новую сторону молитвы, но вместе с тем приносил внутренний мир. Мне начинало казаться, что самое трудное уже позади. Я научился терпеливее относиться к своей рассеянности, перестал искать особых переживаний, стал внимательнее относиться к молитвенному правилу. Однако именно тогда Господь подвёл меня к тому, о чём почти никто не любит говорить в начале духовной жизни. Настоящая молитва неизбежно приводит человека к встрече с самим собой. А эта встреча далеко не всегда бывает спокойной.

Однажды мне благословили пройти к небольшой пустынной келлии, расположенной по другую сторону горного леса. Дорога была долгой. Узкая тропа петляла между высокими соснами, то поднимаясь вверх по каменистому склону, то неожиданно уходя в прохладные овраги. Солнечный свет едва пробивался сквозь густые ветви, и лес казался почти неподвижным. Лишь время от времени ветер касался верхушек деревьев, и тогда над головой проходил тихий шум, похожий на далёкий морской прибой.

Я шёл уже около часа, когда неожиданно заметил, что всё это время почти непрерывно разговаривал сам с собой. Одни мысли касались прошлого, другие – будущего. В памяти возникали старые разговоры, давно пережитые обиды, планы, сомнения, случайные воспоминания. Некоторые из них были добрыми, другие тревожными, третьи казались совершенно бессмысленными. Они появлялись без всякого порядка и исчезали так же неожиданно, как приходили. Я попытался начать Иисусову молитву, но почти сразу обнаружил, что мысленно продолжаю какой-то внутренний спор, которого ещё несколько минут назад даже не замечал.

Тогда мне впервые стало по-настоящему страшно. Не потому, что мысли были особенно тяжёлыми. Страшно было увидеть, насколько мало власти человек имеет над собственным умом. Мы привыкли говорить: «Я думаю». Но гораздо чаще правильнее было бы сказать: «Во мне непрерывно происходят мысли». Они возникают сами собой, требуют внимания, увлекают за собой и почти незаметно начинают управлять всем внутренним миром. Именно тогда я понял, почему святые отцы уделяли столько внимания помыслам. Они говорили не просто о мыслях. Они говорили о том, что постепенно становится образом жизни души.

Келлия находилась на небольшой поляне. Перед ней рос огромный дуб, под которым стояла старая деревянная скамья. Старый монах сидел возле дома и плёл корзину из тонких ивовых прутьев. Его руки двигались спокойно и размеренно. Казалось, он совершенно не замечал времени. Увидев меня, он благословил и пригласил присесть рядом.

Мы долго сидели молча.

Вокруг стояла такая тишина, что было слышно, как ветер перебирает листья дуба.

Наконец я сказал:

– Отче, мне кажется, что я никогда не смогу справиться со своими мыслями.

Геронда поднял глаза.

– А зачем ты собираешься с ними справляться?

Я удивился.

– Разве не нужно бороться?

Он спокойно ответил:

– Нужно.

Я внимательно слушал.

– Только не с мыслями.

Эти слова показались мне странными.

Я переспросил:

– Но разве помыслы не враги человеку?

Геронда покачал головой.

– Враг не помысел.

Он сделал небольшую паузу.

– Враг – разговор с ним.

Я молчал.

Геронда поднял с земли сухой лист, который ветер принёс к его ногам.

Он подбросил его в воздух.

Лист несколько мгновений кружился и снова лёг на землю.

– Видел?

– Да.

– Ветер принёс его.

Он посмотрел на меня.

– Разве дерево побежало за листом?

Я невольно улыбнулся.

– Нет.

– Тогда почему человек бежит за каждой мыслью?

Мы снова замолчали.

Мне неожиданно вспомнились десятки ситуаций, когда одна случайная мысль становилась началом долгого внутреннего разговора. Иногда это была обида. Иногда тревога. Иногда мечта. Иногда даже благочестивое размышление. Всё начиналось одинаково. Мысль приходила, а я сразу принимал приглашение вступить с ней в беседу. Через несколько минут она уже полностью владела вниманием, и молитва исчезала, словно её никогда не было.

Геронда продолжил:

– Не все помыслы греховны.

Он говорил медленно, оставляя после каждой фразы долгое молчание.

– Некоторые приходят просто потому, что ум привык двигаться.

Он посмотрел в сторону леса.

– Не всякая птица, пролетающая над головой, строит гнездо.

Потом снова взглянул на меня.

– Но если ты сам начинаешь кормить её, она останется.

Я всё яснее понимал, что главная ошибка происходит гораздо раньше, чем рождается грех. Она начинается в ту минуту, когда человек перестаёт быть внимательным и незаметно отдаёт своё сердце первой же мысли, которая постучалась в него. Именно поэтому старцы так настойчиво учили возвращаться к молитве. Не потому, что молитва уничтожает мысли, а потому, что она не позволяет человеку жить внутри каждой из них.

Я спросил:

– Значит, не нужно даже отвечать помыслу?

Старец тихо улыбнулся.

– А зачем?

Я не нашёлся что сказать.

Он продолжил:

– Если незнакомый человек на улице начинает кричать тебе вслед, ты обязан вступать с ним в спор?

– Нет.

– Тогда почему ты споришь с каждым помыслом?

После этих слов всё неожиданно стало очень простым. Столько сил уходило на бесконечную борьбу с каждой мыслью. Я убеждал одну, отвергал другую, оправдывался перед третьей, соглашался с четвёртой. Но почти никогда не замечал, что вся эта борьба уже давно увела меня от молитвы. Победа заключалась не в том, чтобы победить каждый помысел. Победа заключалась в том, чтобы не оставить Христа ради разговора с ним.

Когда я уходил от келлии, старец сказал только одну фразу:

– Если потерял молитву, не ищи мысль, которая виновата.

Он благословил меня.

– Просто возвращайся.

Всю обратную дорогу я повторял Иисусову молитву. Помыслы приходили так же, как и раньше. Иногда их было много. Иногда меньше. Но теперь я перестал вступать с ними в долгие внутренние разговоры. Я замечал их появление так же спокойно, как замечал облака, проходившие над лесом, или ветер, колыхавший вершины сосен. Они приходили. Они уходили. А сердце снова и снова возвращалось к имени Христову.

Позже я понял, что именно с этой встречи для меня по-настоящему началась невидимая брань. До этого я думал, что борьба состоит в победе над помыслами. Геронда же открыл совсем другой путь. Настоящая победа рождается не тогда, когда мысли перестают приходить, а тогда, когда они перестают уводить человека от Бога.

Помыслы приходят к каждому человеку. Но молитва учит сердце не идти вслед за ними, а снова и снова возвращаться ко Христу.

Глава семнадцатая. Тщеславие.

К тому времени я уже начал замечать одну закономерность. Каждый раз, когда после очередной беседы со старцем мне казалось, что я наконец понял какую-нибудь духовную истину, вскоре происходило событие, которое обнаруживало: понял я значительно меньше, чем думал. Афон словно не позволял человеку долго любоваться своими открытиями. Он терпеливо возвращал его к реальности собственного сердца.

Однажды после Литургии игумен попросил меня проводить молодого инока в соседний монастырь. Ему было около тридцати лет. Он недавно принял монашеский постриг и нёс самые простые послушания. Мы шли знакомой тропой вдоль склона, где между соснами время от времени открывалось море. День был тихим. После ночного дождя воздух стал особенно прозрачным, а листья деревьев ещё сохраняли капли воды, вспыхивавшие на солнце.

Молодой инок производил очень доброе впечатление. Он говорил мало, внимательно слушал собеседника, часто улыбался. В его словах чувствовалась искренность. Мы долго беседовали о монастырской жизни, о молитве, о первых трудностях монашества. Постепенно разговор коснулся борьбы с помыслами.

– Знаете, батюшка, – сказал он, – в последнее время молитва стала даваться легче. Уже не так рассеиваюсь, как раньше. Иисусова молитва чаще сама приходит на память. Даже на послушании иногда чувствую внутренний мир.

Он произнёс это просто, без желания похвалиться.

Но именно в эту минуту я почувствовал какое-то едва уловимое беспокойство. Не потому, что слова были неправильными. Напротив, всё звучало вполне естественно. Однако мне вспомнилось, сколько раз старцы почти никогда не говорили о собственном внутреннем состоянии. Даже когда их спрашивали прямо, они обычно переводили разговор на покаяние или милость Божию.

Мы подошли к небольшой каливе, где жил старый схимник. Молодой инок должен был передать ему письмо от игумена. Геронда встретил нас во дворе. Он колол дрова. Несмотря на преклонный возраст, каждое движение оставалось удивительно точным. Казалось, он не боролся с тяжестью работы, а жил с ней в полном согласии.

Мы поклонились.

Он поклонился в ответ. Попросил благословения.

Я благословил.

Потом предложил немного отдохнуть.

Некоторое время все трое молчали.

Затем молодой инок неожиданно спросил:

– Отче, как узнать, что человек действительно возрастает в молитве?

Старец не ответил сразу.

Он поставил топор возле поленницы.

Посмотрел сначала на молодого монаха, потом на меня.

И тихо спросил:

– А зачем тебе это знать?

Инок немного смутился.

– Чтобы понимать, правильно ли я иду.

Геронда кивнул.

– Если путник всё время смотрит себе под ноги, чтобы проверить, идёт ли он, далеко ли уйдёт?

Мы молчали.

Он продолжил:

– Пока человек смотрит на Христа, он идёт… – Когда начинает смотреть на себя, начинает останавливаться.

Я невольно отвел взгляд и посмотрел на носки своих ботинок. Я вспомнил собственные недели на Афоне. Разве не этим я занимался постоянно? Проверял себя. Измерял внимание. Оценивал молитву. Следил за своими изменениями. Даже желание духовного роста иногда незаметно превращалось в наблюдение за самим собой.

Молодой инок спросил:

– Но ведь нужно видеть свои успехи и ошибки?

Геронда покачал головой.

– Ошибки – да.

Монах медленно выпрямился на деревянной скамье. Посмотрел на инока.

– Успехи пусть видит Бог.

Мы долго молчали.

Потом старец поднял небольшой зелёный виноградный побег, который тянулся вдоль стены.

– Посмотри на лозу.

Мы посмотрели.

– Она растёт каждый день.

Он провёл рукой по молодым листьям.

– Слышишь, как она растёт?

– Нет.

– Видишь, как она растёт?

– Нет.

Он снова улыбнулся.

– Вот и настоящая духовная жизнь растёт тихо.

Это неожиданно открыло передо мной одну из самых тонких опасностей. До сих пор старцы учили меня бороться с рассеянностью, помыслами, не искать утешений. Всё это казалось понятным. Но теперь речь шла о враге, который способен воспользоваться даже молитвой.

Я вдруг понял, что тщеславие редко приходит в начале пути. Пока человек видит только собственную слабость, ему нечем гордиться. Настоящее искушение появляется позже, когда молитва становится немного собраннее, внимание устойчивее, сердце спокойнее. Именно тогда незаметно рождается мысль: «Наверное, я уже изменился». И эта мысль оказывается гораздо опаснее многих грубых искушений, потому что надевает одежду благочестия.

Геронда словно продолжал мои размышления.

– Диавол не всегда говорит человеку, что он плохой.

Он сделал небольшую паузу.

– Иногда ему выгоднее убедить его, что он уже хороший.

Мы снова замолчали. Ветер тихо качал вершины сосен. Где-то далеко ударило монастырское

било.

Наконец старец произнёс:

– Если Господь дал тебе сегодня немного мира…

Он посмотрел на молодого инока.

– Поблагодари.

Он посмотрел в даль на небо

– И забудь об этом.

Инок спросил:

– Почему?

Геронда ответил почти шёпотом:

– Всё, что человек начинает носить перед собой, он однажды перестаёт приносить Богу.

Возвращаясь обратно, мы почти не разговаривали. Молодой инок шёл задумчиво. Я тоже молчал. Мне вспоминались многие люди, которых доводилось встречать за годы монашества. Одни говорили только о своих падениях. Другие – почти незаметно рассказывали о своих духовных достижениях. И теперь я начинал понимать, почему самые опытные старцы всегда старались скрывать всё доброе, что происходило в их жизни. Не из ложной скромности. Они просто знали: благодать любит тишину.

Вечером, встав на молитву, я неожиданно испугался самого себя. Не грубых грехов. Они были заметнее. Испугался той тонкой гордости, которая умеет поселиться даже рядом с именем Христовым. Она не требует человеческой славы. Ей достаточно внутреннего удовлетворения собой. Она тихо шепчет: «Ты уже не такой, как прежде». И если человек начинает её слушать, молитва незаметно перестаёт быть встречей с Богом и превращается в зеркало, в котором он рассматривает самого себя.

Тогда мне вспомнились слова одного из первых афонских старцев: «Стань перед Богом». Теперь я понял их глубже. Перед Богом невозможно стоять, любуясь собой. Его свет сразу открывает, сколько ещё во мне самолюбия, сколько скрытой жажды быть хорошим, правильным, духовным. Но именно это открытие и становится спасительным. Пока человек видит свою нужду в милости Божией, тщеславию трудно укорениться в его сердце.

Истинная молитва растёт тихо. Она не любит свидетелей, кроме Бога. И чем глубже благодать касается сердца, тем меньше человеку хочется говорить о самом себе.

Глава восемнадцатая. Самолюбие.

На следующее утро экклесиарх благословил меня помочь братии на монастырской кухне. Это было одно из тех послушаний, которые со стороны кажутся совсем незаметными. Пока в храме совершается богослужение, пока паломники любуются древними святынями, пока старцы беседуют с людьми, здесь, за толстыми каменными стенами, уже задолго до рассвета кипит другая жизнь. Кто-то замешивает хлеб, кто-то чистит овощи, кто-то растапливает печи, кто-то моет огромные медные котлы. Всё совершается спокойно, без лишних слов, потому что через

несколько часов сотни людей должны будут сесть за общую трапезу.

Я никогда раньше не задумывался, насколько трудно это послушание. Оно не оставляет места для вдохновения. Одно и то же повторяется каждый день. Нужно внимательно следить за огнём, вовремя подносить воду, носить тяжёлые корзины, убирать за собой. Здесь невозможно произвести впечатление красивыми словами о молитве. Всё проверяется терпением и любовью к тем, кого ты, возможно, никогда даже не узнаешь по имени.

Главным на кухне был пожилой монах, которого братия между собой называла просто «отец повар». Он прожил на Афоне почти пятьдесят лет. За это время сменилось несколько игуменов, выросло целое поколение молодых монахов, а он всё так же каждый день приходил сюда раньше всех. Его лицо было суровым только на первый взгляд. Но стоило увидеть, как внимательно он следит, чтобы каждому достался одинаковый кусок хлеба, как становилось ясно: эта строгость давно стала другой формой любви.

Работали молча.

Иногда отец повар негромко произносил:

– Осторожнее.

Или:

– Не торопись.

Этого было достаточно.

Через некоторое время мне поручили нарезать хлеб для трапезы. Работа показалась простой. Но вскоре я заметил, что начинаю раздражаться. Нож плохо резал. Хлеб крошился. Несколько раз пришлось переделывать уже начатое. Затем один молодой послушник случайно задел локтем приготовленные мною корзины, и часть хлеба рассыпалась по полу.

Внутри мгновенно поднялась досада. Я ничего не сказал. Но сердце уже перестало молиться.

Именно в эту минуту отец повар спокойно подошёл ко мне. Он ничего не видел. Я был уверен в этом.

Но он тихо спросил:

– Устал?

Я ответил:

– Немного.

Он внимательно посмотрел мне в глаза.

– Нет.

Его палец уперся мне в грудь, там где сердце.

– Ты обиделся.

Я смутился.

– Нет, отче… Просто стало жалко труда.

Он мягко улыбнулся.

– Себя стало жалко.

Это прозвучало настолько неожиданным обличением, что я даже не нашёлся с ответом.

Мы продолжили работу.

Через некоторое время старец сам заговорил.

– Знаешь, почему кухня иногда становится лучшей школой молитвы?

Я покачал головой.

– Потому что здесь очень быстро становится видно, кого человек любит больше всего.

Я вопросительно посмотрел на него.

Он спокойно продолжил:

– Себя.

Мы опять замолчали.

В большом котле уже закипала вода. Кто-то рядом чистил картофель. Из печи доносился запах свежего хлеба. Жизнь продолжалась так просто, что слова старца звучали ещё убедительнее.

Наконец я сказал:

– Но разве естественно не огорчаться, когда пропадает сделанное?

Он кивнул.

– Естественно.

Потом добавил:

– Только внимательно посмотри, что именно тебя огорчило.

Я задумался.

Он продолжил:

– Если бы этот хлеб рассыпал ты сам, тебе было бы так же тяжело?

Я честно попытался ответить самому себе.

И неожиданно понял, что нет.

Меня ранило не столько случившееся, сколько то, что ошибку совершил другой человек. Моё самолюбие уже успело сказать: «Я всё сделал правильно». Именно оно требовало внутреннего оправдания.

Монах словно читал мои мысли.

– Самолюбие редко кричит.

Он говорил очень тихо.

– Оно чаще обижается.

И хитровато улыбнулся.

– Или оправдывается.

Веселые глаза щурились и весело заглядывали в мои.

– Или ждёт благодарности.

Он посмотрел на меня.

– Оно умеет быть очень благочестивым.

Я вспомнил последние недели на Афоне. Мы говорили о тщеславии, о внимании, о помыслах. Но теперь открывался ещё более глубокий слой. Оказывается, за многими внутренними движениями скрывается одно и то же желание – сохранить самого себя в центре собственной жизни. Даже доброе дело легко становится пищей самолюбия, если человек начинает считать его своим достижением.

Во время короткого отдыха мы вышли во двор. Над монастырём уже ярко светило солнце. Несколько паломников сидели под старым платаном. Где-то далеко снова ударило било.

Я спросил:

– Отче, значит, нужно совсем перестать любить себя?

Он покачал головой.

– Нет.

Я удивился.

Он спокойно продолжил:

– Господь не учит человека ненавидеть себя.

Он посмотрел на меня очень внимательно.

– Господь учит перестать поклоняться себе.

Действительно, самолюбие вовсе не означает заботу о своей душе. Оно означает другое. Незаметное желание, чтобы всё вращалось вокруг собственного «я»: мои мысли, мои чувства, мои труды, мои успехи, мои страдания, мои права, мои ожидания. Даже покаяние иногда оказывается наполненным человеком больше, чем Богом.

После трапезы мы снова вернулись на кухню. Нужно было мыть огромные котлы. Работа была тяжёлой. Руки быстро уставали. Но теперь я неожиданно начал замечать другое. Чем меньше

думал о себе, тем легче становилось трудиться. Когда внимание переходило к делу, к людям рядом, к молитве, раздражение постепенно исчезало само собой. Оно словно теряло пищу.

Вечером, стоя в храме, я долго вспоминал слова старца: «Самолюбие умеет быть очень благочестивым». Наверное, это и есть одна из самых трудных сторон невидимой брани. Грубые грехи человек замечает сравнительно быстро. Самолюбие же умеет прятаться даже за молитвой, послушанием и ревностью о духовной жизни. Оно постоянно возвращает взгляд человека к самому себе.

И тогда мне открылась ещё одна закономерность, которую раньше я не понимал. Все предыдущие беседы старцев словно вели к этой точке. Предстояние перед Богом, внимание, покаяние, память Божия, Иисусова молитва – всё это постепенно освобождает сердце от главного идола, который человек носит внутри себя. Пока в центре жизни остаётся собственное «я», любовь к Богу неизбежно будет уступать любви к себе. Но когда человек хотя бы на мгновение забывает о себе ради Христа и ближнего, сердце становится удивительно свободным. Именно в этой свободе молитва начинает звучать иначе.

Самолюбие не побеждается ненавистью к себе. Оно побеждается любовью ко Христу, перед Которой собственное «я» перестаёт быть центром мира.

Часть VII. Испытания

Глава девятнадцатая. Когда Бог молчит

Зима пришла на Святую Гору неожиданно. Ещё несколько дней назад солнце согревало каменные стены монастыря, а море спокойно отражало голубое небо. Но за одну ночь всё изменилось. Сильный северный ветер принёс тяжёлые тучи. С самого рассвета над Афоном бушевала буря. Волны с глухим грохотом разбивались о скалы, ветер срывал с деревьевлистья, дождь то переходил в снег, то снова становился ледяной водой. Вершина Святой Горы исчезла в плотной пелене облаков, словно сама природа скрылась за какой-то непроницаемой завесой.

Я стоял возле окна своей келлии и смотрел на непогоду. В душе неожиданно возникло странное чувство узнавания. Так же внезапно, без всякого предупреждения, иногда меняется и внутренняя жизнь человека. Вчера молитва была мирной, сердце легко откликалось на имя Христово, а сегодня всё стало сухим и тяжёлым. Те же слова молитвы, тот же храм, те же иконы, но словно исчезло то живое присутствие, которое ещё недавно согревало душу. Человек начинает тревожиться, искать причину, спрашивать себя: «Что случилось? Почему Господь молчит?»

Именно это переживание всё чаще сопровождало меня в последние дни. Я продолжал читать правило, участвовал в богослужениях, повторял Иисусову молитву, но сердце оставалось необыкновенно спокойным и одновременно каким-то пустым. Не было ни особой радости, ни скорби, ни внутреннего света. Всё совершалось как будто только усилием воли. Я ловил себя на том, что невольно сравниваю нынешнее состояние с теми днями, когда молитва давалась легче. И от этого сравнения становилось ещё тяжелее.

После трапезы один из монахов сказал, что неподалёку, среди скал, живёт старый пустынник, который редко спускается в монастырь зимой. Несмотря на бурю, мне захотелось увидеть его. Казалось, именно сейчас я должен задать тот вопрос, который уже несколько дней не давал покоя.

Дорога была трудной. Ветер несколько раз заставлял останавливаться. Камни стали

скользкими от дождя. Иногда казалось, что дальше идти невозможно. Но за очередным поворотом показалась маленькая каменная келлия, почти сливавшаяся со скалой. Из её трубы поднималась тонкая струйка дыма.

Геронда встретил меня на пороге. Он словно совсем не замечал непогоды. Провёл внутрь.

В келлии было тепло. В небольшой печи потрескивали дрова. Перед старой иконой Спасителя тихо горела лампада. Всё было удивительно просто. Несколько книг, деревянный стол, аналой и узкая кровать. Мне снова пришла мысль, что чем меньше вещей окружает человека, тем отчётливее становится слышно собственное сердце.

Мы долго сидели молча.

Снаружи ветер бился о стены келлии. Казалось, сама буря участвует в нашем разговоре.

Наконец я сказал:

– Отче… мне кажется, что Господь перестал слышать мою молитву.

Геронда внимательно посмотрел на меня.

– Почему ты так решил?

– Потому что ничего не чувствую.

Он не ответил. Только медленно подбросил в печь ещё одно полено.Огонь вспыхнул ярче.

Прошло несколько минут. Потом он спросил:

– А солнце исчезает зимой?

Я посмотрел на окно.

– Нет.

– Тогда почему становится холодно?

Я не знал, что ответить.

Он продолжил:

– Потому что меняется не солнце…. … – Меняется время.

Мы снова замолчали.

Эти слова были удивительно простыми. Но они ещё не отвечали на мой вопрос.

Я тихо произнёс:

– Почему Господь иногда скрывает Свою благодать?

Геронда долго не говорил.

Потом очень спокойно ответил:

– Чтобы человек научился искать не благодать.

Старец перекрестился.

– А Самого Бога.

Я почувствовал, как внутри всё замерло.

Неужели и здесь, как раньше, я снова незаметно искал не Того, Кто даёт, а то, что Он даёт?

Геронда словно продолжал мои мысли.

– Пока ребёнок маленький, мать часто держит его за руку.

Он сделал небольшую паузу.

– Но приходит день, когда она отпускает руку.

Я внимательно слушал.

– Не потому, что перестала любить.

Он на секунду задумался и сказал.

– А потому, что хочет научить его ходить.

Мы долго молчали. За окном ветер продолжал ударять в скалы. Но теперь этот шум уже не казался тревожным. Он словно подтверждал слова старца.

Через некоторое время я спросил:

– Значит, сухость молитвы – это не всегда наказание?

Геронда сразу покачал головой.

– Очень часто – нет.

Он немного помолчал.

– Иногда это доверие Божие.

Я удивился.

Он улыбнулся.

– Господь уже не ведёт тебя только чувствами.

После этих слов я долго не мог произнести ни слова.

Мне вдруг вспомнились все предыдущие встречи. Старцы постоянно учили не искать переживаний, не измерять себя, не гордиться первыми успехами. Но только теперь всё это соединилось в одно целое. Пока человек опирается главным образом на внутренние ощущения, его духовная жизнь остаётся очень хрупкой. Стоит исчезнуть утешению – и кажется, что исчез Сам Бог. Но вера начинается именно там, где человек продолжает стоять перед Ним, даже ничего не ощущая.

Старец поднялся. Подошёл к двери. Открыл её. Холодный ветер сразу ворвался в келлию.

Он показал рукой на скалы.

– Посмотри.

Я выглянул наружу.

Буря продолжалась. Но огромные скалы оставались неподвижными. Геронда тихо сказал:

– Учись у них.

Я вопросительно посмотрел на него.

– Ветер приходит. .. И уходит.

Он положил руку мне на плечо.

– А они остаются.

Когда я возвращался в монастырь, буря ещё не закончилась. Ветер по-прежнему бил в лицо, дождь не прекращался. Но внутри произошло что-то очень важное. Я перестал ждать, что Господь обязательно изменит моё состояние. Вместо этого впервые захотел научиться оставаться с Ним при любом состоянии сердца.

Позднее я часто вспоминал этот зимний день. Многие годы мне казалось, что самое трудное в молитве – научиться вниманию, победить рассеянность или собрать ум. Но старец показал путь ещё глубже. Самым трудным оказывается сохранить верность тогда, когда молитва перестаёт приносить утешение. Именно в такие дни человек узнаёт, ради Кого он стоит перед Богом. Ради мира в собственной душе или ради Самого Христа.

Наверное, поэтому Господь иногда молчит. Не потому, что удаляется от человека, а потому, что хочет научить его той любви, которая остаётся верной даже тогда, когда не чувствует Его прикосновения. Ведь любовь измеряется не силой переживания, а постоянством присутствия.

Иногда Бог скрывает ощущение Своей близости, чтобы человек наконец научился жить не чувствами, а верой.

Глава двадцатая. Сухость молитвы.

На следующее утро после бури монастырь проснулся под необыкновенно ясным небом. Казалось, сама природа уже забыла о вчерашнем ненастье. Море снова стало спокойным. На мокрых камнях сверкало солнце. Воздух был прозрачным и холодным. Только в душе всё ещё продолжалась та тихая зима, которая не исчезает вместе с облаками.

Во время Литургии я особенно внимательно следил за своим сердцем. Всё было так же, как и прежде. Те же молитвы, те же песнопения, те же слова Евангелия, которые столько раз звучали под сводами этого древнего храма. Но внутри ничего не происходило. Не было ни умиления, ни внутреннего света, ни той тихой радости, которую я иногда переживал прежде. Я молился внимательно, но сердце оставалось спокойным и почти безмолвным.

Когда богослужение закончилось, братия стала расходиться. Храм постепенно опустел. Лишь несколько лампад продолжали тихо гореть перед иконами. Запах ладана ещё сохранялся под сводами, а солнечные лучи проникали через узкие окна, ложась на древний каменный пол. Я

остался один.

В пустом храме особенно ясно ощущается, что молитва никогда не принадлежит только человеку. Во время службы нас поддерживает молитва всей Церкви. Но когда храм пустеет, человек остаётся один перед Богом. Именно тогда становится видно, чего он ищет на самом деле.

Я долго стоял перед иконой Спасителя.

Потом услышал за спиной тихие шаги.

Это был старый иеромонах, которого я уже несколько раз встречал на службах. Он нёс послушание духовника, но говорил очень редко. Братия рассказывала, что многие приходили к нему именно тогда, когда переживали внутреннюю сухость. Он никогда не утешал поспешными словами. Но после разговора с ним люди уходили удивительно спокойными.

Я попросил благословения.

Некоторое время молчали. Наконец я сказал:

– Отче… кажется, молитва совсем ушла.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Почему ты так решил?

– Потому что сердце молчит.

Геронда слегка улыбнулся.

– Сердце молчит… … – А ты продолжаешь молиться?

– Да.

Он кивнул.

– Значит, молитва не ушла.

Я задумчиво посмотрел на старца. Я привык думать совсем иначе. Мне казалось, что молитва существует лишь тогда, когда человек ощущает её действие.

Геронда словно почувствовал мои мысли.

– Если мать ночью сидит возле больного ребёнка…

Он посмотрел на меня.

– Он всегда чувствует её руку?

– Нет.

– Но она уходит?

– Нет.

Геронда тихо произнёс:

– Так и Господь.

Мы ещё долго молчали.

Потом я спросил:

– Но почему тогда становится так трудно читать правило?

Он ответил не сразу.

– Потому что раньше тебя поддерживали чувства.

Старец поднялся к иконе.

– Теперь Господь предлагает опереться на любовь.

Он поправил фитиль в лампаде, перекрестился и поцеловал образ. И обернувшись ко мне произнес.

– Любовь всегда проверяется постоянством.

После этих слов мы вышли и храма и медленно пошли вдоль монастырской стены. Солнце уже поднялось высоко. Несколько монахов работали в саду. Кто-то чинил крышу хозяйственной постройки. Всё вокруг жило своей обычной жизнью. Никто не искал вдохновения, чтобы исполнить послушание. Каждый просто продолжал делать порученное дело.

Геронда неожиданно остановился возле старого колодца.

– Посмотри.

Я посмотрел вниз. Вода была глубоко. Поверхность оставалась совершенно неподвижной.

– Видишь воду?

– Да.

– А если бросить ведро?

Я улыбнулся.

– Оно достанет воду.

Он кивнул.

– Даже если сверху кажется, что колодец пуст.

Я не сразу понял.

Он спокойно объяснил:

– Так бывает и с сердцем… …Благодать не всегда исчезает.

Он поднял взгляд.

– Иногда она становится глубже.

Эти слова неожиданно заставили меня иначе взглянуть на все предыдущие беседы. Старцы постоянно учили меня не искать ощущений, не доверять своим переживаниям, не измерять духовную жизнь тем, что происходит внутри. Но только теперь я начал понимать, насколько трудно исполнить этот совет. Пока сердце согревается утешением, человек легко остаётся верным правилу. Но когда молитва становится сухой, открывается настоящая причина, по которой он молится.

Я спросил:

– Значит, правило нельзя оставлять даже тогда, когда кажется, что оно стало совсем мёртвым?

Старец остановился.

– А если муж перестанет разговаривать с больной женой только потому, что она больше не улыбается ему…

Он не закончил фразу.

Этого и не требовалось. Я почувствовал, что ответ уже прозвучал. Любовь не измеряется взаимными чувствами. Она измеряется верностью.

Мы медленно возвращались к храму.

Геронда произнёс ещё одну фразу, которую я потом вспоминал многие годы.

– Никогда не суди о молитве по сегодняшнему дню.

Я внимательно посмотрел на него.

– Дерево тоже не приносит плода зимой… … Но именно зимой жизнь сохраняется в корнях.

В тот вечер я снова открыл молитвослов. Всё оставалось таким же, как накануне. Слова не становились легче. Сердце не наполнялось особым чувством. Но теперь я уже не ждал перемен. Я просто стоял перед Богом, как стоит человек возле постели тяжело больного друга. Не потому, что разговор приносит радость. А потому, что любовь не умеет уходить.

Только спустя годы я понял, что самые важные изменения в духовной жизни нередко совершаются именно тогда, когда человеку кажется, что ничего не происходит. Пока душа ищет утешения, она ещё незаметно ищет себя. Но когда она остаётся верной без всякой награды, начинается взросление любви. Именно тогда молитва перестаёт быть источником переживаний и становится образом жизни.

Не оставляй молитвенного правила в дни внутренней сухости. Иногда именно тогда сердце учится любить Бога не за утешение, а ради Него Самого.

Глава двадцать первая. Ночь души

Прошло несколько дней после разговора о сухости молитвы. Внешне жизнь монастыря оставалась такой же, как всегда. Ночные службы сменялись дневными послушаниями, братия собиралась в трапезной, паломники приходили и уходили, море по утрам встречало солнце, а вечером медленно темнело под холодным зимним небом. Всё вокруг говорило о постоянстве. Только внутри меня продолжалось то молчание, которое уже невозможно было объяснить

одной лишь усталостью.

Я перестал ждать быстрых перемен. Продолжал читать правило, участвовал во всех богослужениях, повторял Иисусову молитву во время работы. Но иногда возникало чувство, будто слова не поднимаются выше собственного сердца. Не потому, что я перестал верить. Напротив, вера стала даже серьёзнее. Исчезло другое – привычное ощущение внутренней близости. Господь оставался тем же, но я словно перестал чувствовать Его присутствие.

Именно тогда игумен сказал мне:

– Если хочешь, сходи к одному старому схимнику. Он живёт совсем один. К нему редко приходят. Но иногда достаточно просто посидеть рядом с ним.

Дорога была недолгой. Келлия стояла высоко на склоне, почти скрытая среди старых сосен. Вокруг не было ни виноградников, ни сада, ни огорода. Только камни, деревья и бесконечная тишина. Казалось, сама природа здесь научилась молчать.

Геронда встретил меня возле двери. Провёл внутрь.

В келлии было почти пусто. Деревянный топчан, аналой, несколько книг, старая икона Спасителя и лампада, тихо горевшая перед ней. Свет её был совсем слабым, но в маленькой комнате его оказалось достаточно.

Мы сели.

И долго молчали.

Сначала мне было неловко.

Потом захотелось что-нибудь спросить.

Но постепенно исчезло даже это желание.

Время словно перестало существовать.

Через окно было видно, как ветер медленно качает верхушки сосен.

Больше ничего не происходило.

Прошёл, наверное, почти час.

Наконец я тихо произнёс:

– Отче…

Он поднял глаза.

– Иногда мне кажется, что Господь очень далеко.

Он долго смотрел на меня.

Потом спросил:

– А ты далеко от Него хочешь уйти?

Я растерялся.

– Нет.

Он слегка кивнул.

И снова замолчал.

Я ждал продолжения.

Но его не было.

Прошло ещё несколько минут.

Потом старец тихо сказал:

– Значит, оставайся.

Всего одно слово.

И снова тишина.

Сначала мне показалось, что я не получил ответа. Но постепенно я начал понимать: старец ответил гораздо глубже, чем мог бы сделать длинным наставлением.

Сколько раз прежде я думал о духовной жизни как о движении вперёд, о постоянном росте, о новых открытиях, о всё более глубокой молитве. Теперь же всё изменилось. Не было ощущения движения. Не было даже уверенности, что я вообще куда-то иду. Оставалось только одно – не уходить.

И неожиданно я понял, что именно этого требует любовь.

Когда тяжело болеет близкий человек, мы не всегда можем облегчить его страдания. Иногда невозможно найти нужные слова. Невозможно ничего изменить. Но любовь продолжает оставаться рядом. Она перестаёт искать способы почувствовать свою полезность. Ей достаточно не уйти.

Наверное, нечто подобное происходит и в духовной жизни. Бывают дни, когда человек уже не может опереться ни на внутренние переживания, ни на собственные силы, ни даже на ясное понимание происходящего. Всё становится простым до предела. Встать на молитву. Прочитать правило. Пойти на Литургию. Не оставить имени Христова. И ждать.

Не ждать перемены чувств. Не ждать особых состояний. Ждать Самого Господа.

Через некоторое время старец поднялся. Подошёл к лампаде. Осторожно долил немного масла. Пламя стало чуть ярче.

Он посмотрел на меня.

– Видел?

Я кивнул.

– Она почти погасла.

Он покачал головой.

– Нет. Просто масла стало мало.

Мы снова молчали.

Потом он добавил:

– Господь знает.

Больше он ничего не сказал.

Когда я возвращался в монастырь, уже начинало смеркаться. Лес постепенно погружался в вечерний полумрак. Тропа становилась всё менее заметной. Но именно теперь я вдруг обратил внимание на одну особенность. Чем темнее становилось вокруг, тем яснее были видны небольшие монастырские огни вдали. Днём я почти не замечал их. Теперь же они становились настоящими ориентирами.

В тот вечер мне открылась мысль, которую невозможно было понять раньше. Возможно, Господь иногда попускает человеку пройти через внутреннюю темноту вовсе не для того, чтобы тот научился жить без света. А для того, чтобы он перестал доверять самому себе и научился доверять одному только Христу. Пока светло, человеку кажется, что он сам хорошо видит дорогу. Когда же наступает темнота, он начинает особенно дорожить каждым огоньком, который Господь оставляет на пути: молитвой Церкви, Священным Писанием, советом духовника, Литургией, именем Христовым.

Позже я ещё не раз вспоминал молчание того старца. Оно оказалось одним из самых глубоких наставлений, услышанных мною на Афоне. Некоторые вопросы нельзя решить словами. Их можно только прожить вместе с Богом. И тогда приходит понимание, что настоящая вера не исчезает в темноте. Напротив, именно там она очищается от всего случайного и становится тихим доверием.

В ту ночь, стоя в храме, я уже не просил Господа вернуть прежние ощущения. Я просил только одного – не позволить мне уйти от Него. И неожиданно понял, что, может быть, именно эта простая молитва была самой искренней за всё время моего пребывания на Святой Горе.

Когда человеку кажется, что вокруг наступила ночь, самое важное – не искать свет в самом себе. Нужно остаться рядом со Христом. И тогда однажды станет видно, что свет всё это время рождался незаметно.

Часть VIII. Смирение

Глава двадцать вторая. Видеть себя

За долгие месяцы, проведённые на Святой Горе, я всё чаще замечал, что Афон умеет говорить не только через людей, но и через всё, что окружает человека. Постепенно начинало казаться, что здесь нет ничего случайного. Каменная тропа, по которой ежедневно проходят монахи; старые стены монастыря, отполированные ладонями нескольких поколений; древние оливы и кипарисы, пережившие не одно столетие, – всё становилось молчаливыми свидетелями той жизни, которая гораздо глубже человеческих слов. Иногда именно природа первой начинала разговор, который потом продолжал старец.

В то утро после Литургии я долго не уходил со двора монастыря. Небо было прозрачным после

ночного дождя. Воздух казался удивительно чистым, а далёкое море почти сливалось с горизонтом. Посреди двора возвышался огромный кипарис. Его мощный ствол был изрезан глубокими трещинами, на коре виднелись следы времени, старых бурь и ударов молнии. Но вершина дерева оставалась густой, зелёной и полной жизни. Я долго смотрел на него, и мне вдруг пришла мысль, что старость дерева совсем не похожа на человеческую старость. Оно не сожалело о потерянных ветвях, не вспоминало прежнюю силу и не сравнивало себя с молодыми деревьями. Оно просто продолжало жить той жизнью, которую даровал ему Бог.

Под кипарисом сидел старый схимонах. Он аккуратно очищал небольшой садовый нож от древесной смолы перед началом работы. Я уже видел его несколько раз во время богослужений, но никогда не осмеливался заговорить первым. Его лицо трудно было назвать строгим или ласковым. Оно было спокойным. Именно таким становится лицо человека, который давно перестал спорить с Богом.

Я подошёл, попросил благословения и сел рядом. Некоторое время мы молчали. Это молчание не тяготило. Наоборот, рядом с ним постепенно исчезала привычная внутренняя поспешность, словно сердце само начинало говорить медленнее.

Старец первым нарушил тишину.

– Ты долго смотришь на этот кипарис. О чём думаешь?

Я ещё раз поднял взгляд на дерево и ответил не сразу.

– Мне кажется, отче, что чем дольше живу на Афоне, тем меньше понимаю самого себя. Когда приехал сюда, думал, что знаю свои слабости. Теперь вижу, что почти ничего о себе не знал.

Геронда внимательно посмотрел на меня. В его взгляде не было ни удивления, ни сожаления. Он лишь слегка улыбнулся, словно услышал слова, которые уже много раз произносили другие люди.

– И это тебя пугает?

– Иногда очень.

Он немного помолчал, потом спокойно сказал:

– Значит, Господь начинает открывать тебе правду.

Я задумался над этими словами. Действительно, за последние месяцы я увидел в себе гораздо больше, чем за многие годы монашества. Раньше казалось, что главная борьба происходит снаружи: с обстоятельствами, искушениями, рассеянностью, усталостью. Теперь становилось всё очевиднее, что самые глубокие причины большинства падений скрываются гораздо ближе – в самом сердце. Там, где человек ещё незаметно любит себя больше, чем Бога.

Геронда словно продолжал мои размышления.

– Знаешь, почему многие люди боятся увидеть себя?

Я покачал головой.

– Потому что думают, будто Господь любит только хороших людей.

Он произнёс это очень спокойно, без всякого назидания.

– А когда начинают видеть свою настоящую немощь, им кажется, что вместе с ней исчезает и Божия любовь.

Это было болезненно для души как всякая неполнота, бегство от своих страхов и ущемленного самолюбия. Я понял, что нередко именно так и думал. Пока молитва давалась легче, пока удавалось сохранить внимание, пока не происходило серьёзных падений, мне было проще верить в милость Божию. Но стоило увидеть глубину собственного самолюбия, скрытой гордости или внутренней холодности, как где-то в самой глубине сердца возникал почти детский страх: «Неужели Господь и теперь продолжает любить меня?» Я никогда не произносил этого вслух, но теперь понял, что именно этот вопрос давно жил внутри меня.

Старец поднялся и медленно подошёл к кипарису. Он положил ладонь на его шероховатую кору, словно приветствовал старого друга. Потом осторожно коснулся глубокого рубца, который когда-то оставила молния.

– Видишь этот след?

– Да.

– Дерево скрывает его?

– Нет.

– Оно стыдится его?

– Нет.

Геронда повернулся ко мне.

– Но и не живёт только этим следом.

Несколько мгновений мы молчали. Ветер тихо проходил сквозь вершину дерева, и кипарис едва заметно покачивался. Мне вдруг показалось, что сама природа подтверждает слова старца. Ни одна рана не стала для дерева причиной перестать расти.

– Так и человек, – продолжил старец. – Смирение не требует забыть свои грехи. Но оно и не позволяет человеку сделать их главным содержанием своей жизни. Если человек постоянно смотрит только на свои падения, он всё равно продолжает смотреть на себя. Только теперь уже с другой стороны.

Я внимательно слушал. Старцы постоянно предупреждали меня против тщеславия. Потом учили не впадать в уныние. Теперь становилось ясно, что и то и другое рождается из одного источника – человек слишком долго остаётся сосредоточенным на самом себе. В одном случае он восхищается собой, в другом – отчаивается в себе. Но в обоих случаях взгляд сердца не обращён ко Христу.

Я спросил:

– Тогда что значит видеть себя правильно?

Геронда долго не отвечал. Он снова сел рядом со мной, положил руки на колени и посмотрел куда-то вдаль, туда, где между кипарисами уже начинало синеть море.

– Видеть себя правильно – значит перестать быть своим собственным судьёй.

Он говорил медленно, словно боялся, что поспешные слова могут исказить смысл.

– Судить человека имеет право только Тот, Кто до конца знает его сердце. Мы же обычно знаем либо слишком мало, либо слишком много того, что хотим о себе думать.

Он ненадолго замолчал.

– Смирение начинается тогда, когда человек соглашается смотреть на себя глазами Божией правды и одновременно не перестаёт доверять Божией любви.

Возвращаясь в свою келлию, я всё время думал о том, как часто пытался самостоятельно вынести себе окончательный приговор. Иногда оправдывал себя. Иногда обвинял. Но и в том и в другом случае незаметно занимал место, которое принадлежит одному только Богу. Лишь теперь я начинал понимать, почему святые отцы так редко говорят о себе и так много – о милости Христовой. Они не отвергают правду о собственных грехах. Но эта правда уже не заслоняет для них Самого Спасителя.

Вечером, когда после повечерия монастырь постепенно погрузился в тишину, я долго стоял перед иконой Христа. Впервые за долгое время мне не хотелось ни оправдываться, ни обвинять себя. Я просто благодарил Бога за то, что Он терпеливо открывает человеку правду ровно настолько, насколько тот способен принять её без отчаяния. И тогда мне стало ясно, что настоящее самопознание никогда не начинается с человека. Оно начинается со встречи с Любовью, Которая знает о нас всё и всё же не перестаёт ждать нашего возвращения.

Смирение рождается не тогда, когда человек начинает думать о себе хуже. Оно рождается тогда, когда он перестаёт жить ложью о себе и спокойно позволяет Богу открыть всю правду, не теряя надежды на Его бесконечную милость.

Глава двадцать третья. Терпение собственной немощи

Весна окончательно вступила в свои права. Склоны Святой Горы покрылись молодой зеленью, в садах зацвели миндальные деревья, а воздух наполнился запахом влажной земли и первых цветов. Казалось, вся природа незаметно свидетельствовала о великой тайне Божия долготерпения. Ни одно дерево не распускалось за один день. Ни один цветок не раскрывался одним мгновением. Всё возрастало медленно, в своё время, повинуясь тому закону жизни, который Творец вложил в каждое создание.

В тот день меня благословили помогать в монастырском саду. Послушание было простым: рыхлить землю вокруг молодых деревьев, подвязывать ещё слабые побеги и очищать грядки от сорной травы. Работа не требовала больших усилий, но требовала внимания и терпения. Здесь нельзя было торопиться. Одно неосторожное движение могло повредить молодой корень, который ещё только начинал укрепляться в земле.

Старшим в саду был пожилой монах, которого братия называла отцом-садовником. Он прожил на Афоне почти всю свою жизнь. Говорили, что раньше он был хорошим агрономом, но сам никогда не вспоминал об этом. Теперь он одинаково заботливо ухаживал и за деревьями, и за людьми, которых Господь посылал ему на послушание. Мне не раз приходилось замечать, что молодые монахи уходили от него не только с новыми знаниями о саде, но и с миром в сердце.

Работая рядом с ним, я всё время ловил себя на странном чувстве. Несмотря на все беседы со старцами, несмотря на месяцы, проведённые на Святой Горе, мне всё чаще казалось, что я почти не меняюсь. Те же помыслы возвращались снова и снова. Та же рассеянность неожиданно появлялась во время молитвы. То же самолюбие легко отзывалось на каждое

неосторожное слово. Иногда возникало ощущение, будто духовная жизнь движется по кругу, а не вперёд. Именно это переживание стало настолько тяжёлым, что я наконец решился открыть его старцу.

Мы остановились возле небольшой яблони, которую недавно пересадили на новое место. Её тонкий ствол был подвязан к деревянному колышку, а вокруг ещё оставалась рыхлая влажная земля. Монах внимательно осмотрел молодые листья, затем осторожно поправил одну веточку и только после этого повернулся ко мне.

– Отче, – сказал я, – иногда мне кажется, что годы идут, а я остаюсь тем же человеком. Я исповедую одни и те же грехи, снова борюсь с теми же помыслами, опять падаю в прежние ошибки. Неужели человек действительно может измениться?

Старец не ответил сразу. Он присел возле дерева и рукой осторожно разровнял землю вокруг корня. Потом поднял небольшой комок влажной почвы, растёр его между пальцами и спокойно сказал:

– Скажи, когда ты посадил дерево, оно на следующий день стало большим?

Я невольно улыбнулся.

– Конечно, нет.

– А через неделю?

– Нет.

Он посмотрел на меня с той спокойной добротой, которая рождается только у человека, давно научившегося ждать.

– Тогда почему ты требуешь этого от своей души?

Его вопрос прозвучал очень просто. Но именно в этой простоте скрывалась правда, которую я долго не хотел замечать. Я действительно ожидал от духовной жизни быстрых результатов. Пусть не чудес, не необыкновенных состояний, но хотя бы ощутимых перемен. Мне хотелось видеть, что молитва делает меня другим человеком. Когда же перемены происходили медленно или вовсе были незаметны, сердце начинало унывать.

Старец словно продолжал мои размышления.

– Мы часто бываем нетерпеливее Бога.

Он произнёс эти слова без улыбки.

– Господь знает, сколько времени нужно каждому человеку. А мы хотим закончить сегодня то, что Он собирается совершать всю жизнь.

Он осторожно провёл рукой по молодому стволу.

– Если каждое утро вытягивать дерево вверх, оно не станет выше.

Немного помолчав, добавил:

– Оно погибнет.

Мы снова принялись за работу. Некоторое время никто не говорил. Было слышно, как в соседнем саду братия обрезает виноградные лозы, как ветер шелестит молодой листвой и как далеко в монастыре ударяет било, созывая монахов к очередному богослужению. Всё вокруг жило своим размеренным ритмом, и только человек постоянно пытался ускорить время.

Через некоторое время я снова нарушил молчание.

– Но что делать, когда после падения приходит уныние? Иногда становится стыдно даже начинать молитву. Кажется, что Господь уже столько раз видел мои обещания исправиться, а я снова возвращаюсь к прежнему.

Геронда остановился. Он внимательно посмотрел на меня, и в его взгляде появилась особенная серьёзность.

– Это говорит не смирение.

Он произнёс каждое слово медленно.

– Это говорит твоё самолюбие.

Я удивлённо посмотрел на него. Он спокойно продолжил:

– Самолюбию трудно согласиться с тем, что оно слабое. Оно хочет быть либо сильным, либо безнадёжным. Но оно не хочет быть учеником.

Я потом записал эти слова. Я никогда не думал, что уныние после собственных падений может быть связано не только с покаянием, но и с тайной гордостью. Мне казалось, что я скорблю о своих грехах. Теперь же я увидел другую сторону. Меня мучило ещё и то, что я оказался хуже собственного представления о себе.

Геронда, словно читая мои мысли, тихо сказал:

– Пока человек надеется прежде всего на себя, каждое падение будет разрушать его. Но когда он начинает надеяться на милость Божию, даже падение становится уроком смирения. Не грех спасает человека. Спасает Господь, Который снова поднимает его после греха.

Мы медленно пошли вдоль сада. Геронда время от времени останавливался, чтобы поправить подвязку молодого дерева или убрать засохшую веточку. Он делал это с удивительным вниманием, будто каждое растение было для него живым существом, доверенным Самим Богом. Я неожиданно понял, что именно так Господь относится и к человеку. Он не раздражается нашей медлительностью. Не требует невозможного. Не вырывает молодое дерево только потому, что оно ещё не принесло плодов.

Когда солнце стало клониться к западу, мы закончили работу. Перед уходом старец ещё раз посмотрел на сад и тихо произнёс:

– Никогда не измеряй духовную жизнь вчерашним днём. Лучше спроси себя, продолжаешь ли ты сегодня идти ко Христу. Если продолжаешь – благодари Бога. Остальное Он совершит Сам.

Возвращаясь в свою келлию, я долго думал над его словами. Впервые за долгое время мне стало спокойно. Я понял, что Господь не ждёт от меня мгновенного совершенства. Он ждёт верности. Не той, которая никогда не падает, а той, которая после каждого падения снова поднимается, снова становится на молитву, снова начинает путь покаяния. Именно так

постепенно возрастает душа – незаметно для самого человека, но не незаметно для Бога.

Вечером, стоя перед иконой Спасителя, я уже не просил ускорить своё духовное возрастание. Я просил совсем о другом: чтобы Господь научил меня терпению, с каким Он Сам относится ко мне. Потому что человек становится по-настоящему смиренным не тогда, когда перестаёт видеть свою немощь, а тогда, когда перестаёт из-за неё терять надежду. И, может быть, именно в этот момент начинается настоящее доверие Богу.

Бог не спешит, потому что любит. И человек начинает возрастать в смирении тогда, когда учится терпеливо ждать действия Божией благодати, не переставая каждый день снова идти за Христом.

Глава двадцать четвёртая. Благодарение

Однажды вечером, когда дневные послушания уже закончились, я вышел за монастырские стены и медленно пошёл по знакомой тропе, ведущей к небольшому утёсу над морем. За последние месяцы это место стало для меня почти родным. Сюда хотелось приходить не для того, чтобы размышлять или искать ответы на вопросы. Здесь было достаточно просто смотреть. Смотреть на море, которое никогда не бывает одинаковым, на небо, каждый вечер окрашивающееся в новые оттенки, на далёкую линию горизонта, где человеческий взгляд останавливается, а мысль продолжает путь дальше. Афон постепенно учил меня тому, что созерцание – это тоже форма молитвы, если сердце не присваивает себе увиденную красоту, а благодарит за неё Творца.

Солнце медленно опускалось к горизонту. Его последние лучи ложились на воду широкой золотой дорогой, которая словно соединяла землю и небо. Волны уже не шумели так сильно, как зимой. Они спокойно касались скал и так же спокойно возвращались обратно. В эти минуты особенно ясно ощущалось, что мир живёт не человеческой поспешностью, а Божиим порядком. Всё совершалось вовремя, без тревоги и без борьбы. И только человек почти всегда жил так, словно боялся не успеть прожить собственную жизнь.

На самом краю скалы сидел старый монах. Я видел его раньше в монастыре, но никогда не разговаривал с ним. Он держал в руках небольшие чётки и смотрел не столько на закат, сколько куда-то за него. Лицо его было обращено к морю, но казалось, что сердце обращено к Тому, Кто сотворил и море, и солнце, и сам вечерний покой. Я подошёл ближе, попросил благословения и сел немного в стороне, чтобы не нарушить его молчания.

Прошло несколько минут. Старец не произнёс ни слова. Только медленно перекрестился, когда солнце почти коснулось линии горизонта, и очень тихо сказал:

– Слава Тебе, Господи…

Он произнёс эти слова так просто, что они прозвучали не как молитва, а как естественное дыхание души. В них не было ни особого чувства, ни торжественности. Казалось, человек просто не мог иначе смотреть на мир.

Я невольно спросил:

– Отче, Вы благодарите Бога каждый день за закат?

Старец посмотрел на меня и мягко улыбнулся.

– Не только за закат. …За сегодняшний день. За сегодняшний труд. – Он опустил глаза на свои

натруженные руки. – За сегодняшнюю усталость.

Потом добавил почти шёпотом:

– И за сегодняшние скорби.

Последние слова заставили меня задуматься. Благодарить за красоту природы было нетрудно. Благодарить за праздничную Литургию – тоже. Но благодарить за скорби, болезни, неудачи, внутреннюю борьбу… Здесь сердце начинало сопротивляться.

Словно почувствовав мои мысли, старец не стал продолжать разговор сразу. Он терпеливо ждал. За всё время пребывания на Афоне я уже привык к этой особенности старцев. Они никогда не отвечали раньше, чем вопрос по-настоящему рождался внутри человека. Они не стремились убедить. Они помогали увидеть.

Наконец я сказал:

– Отче, я понимаю, что нужно благодарить Бога за всё. Но иногда сердце не может этого сделать искренне. Оно соглашается словами, а внутри остаётся ропот. Особенно тогда, когда Господь попускает скорби, смысл которых человек не понимает.

Монах долго смотрел на море. Потом медленно поднял небольшой камешек, лежавший рядом, и бросил его в воду. По гладкой поверхности разошлись круги, которые постепенно исчезли, словно их никогда не было.

– Скажи, – тихо произнёс он, – ребёнок всегда понимает, почему отец запрещает ему то, что кажется хорошим?

– Нет.

– Но если ребёнок доверяет отцу, он всё равно принимает его решение.

Я кивнул.

– Тогда почему взрослый человек так редко доверяет Небесному Отцу?

Этот вопрос оказался болезненным. Мне сразу вспомнились собственные молитвы последних месяцев. Как часто я просил Бога изменить обстоятельства, убрать трудности, облегчить борьбу. И почти никогда не спрашивал себя, доверяю ли я Ему настолько, чтобы принять даже то, чего пока не понимаю.

Старец продолжил уже после долгого молчания.

– Благодарность рождается не тогда, когда человек получил всё, чего хотел.

Он произнёс эти слова спокойно, без всякого напряжения.

– Благодарность рождается тогда, когда человек начинает верить, что всё происходящее находится в руках Божиих.

Он посмотрел на заходящее солнце.

– Даже то, что сегодня кажется тяжёлым.

Я неожиданно вспомнил все встречи со старцами, которые были у меня на Святой Горе. Каждый из них говорил о разных сторонах духовной жизни: о внимании, покаянии, смирении, терпении, молитве. Но теперь мне стало ясно, что всё это постепенно приводит человека к одному состоянию – доверию Богу. Благодарное сердце невозможно без доверия. Пока человек считает себя главным устроителем собственной жизни, он неизбежно будет роптать на всё, что разрушает его планы. Но когда начинает видеть в своей жизни действие Промысла Божия, даже скорби перестают быть бессмысленными.

Я спросил:

– Значит, благодарить нужно даже тогда, когда сердце ещё не понимает?

Старец улыбнулся.

– Особенно тогда. Потому что благодарность не всегда рождается из понимания.

Монах улыбнулся каким-то своим воспоминаниям.

– Чаще она рождается из любви.

Потом мы долго сидели молча. Солнце окончательно скрылось за горизонтом. Золотая дорожка на воде постепенно исчезла, уступив место мягкому вечернему сиянию. Над морем начали зажигаться первые звёзды. Мне вдруг показалось, что благодарность очень похожа на этот вечерний свет. Она не прогоняет сразу всю темноту. Но делает её иной. Темнота уже перестаёт быть страшной, потому что в ней продолжают светить звёзды.

Возвращаясь в монастырь, я неожиданно вспомнил многие события собственной жизни. Те, которые когда-то казались тяжёлыми, несправедливыми или непонятными. Сколько раз я роптал на обстоятельства, не зная, что именно через них Господь постепенно меняет моё сердце. Только спустя годы становилось ясно, что многие скорби были не наказанием, а врачеванием. Тогда я впервые понял, что благодарность – это не обязанность благочестивого человека. Это признак того, что сердце начинает узнавать руку Отца даже там, где глаза ещё видят только испытание.

В тот вечер, встав на молитву, я впервые не просил Господа изменить завтрашний день. Вместо этого я долго благодарил Его за сегодняшний. За радость и усталость. За ясность и недоумение. За встречи со старцами и за собственную немощь. За всё, что уже понял, и за то, чего пока понять не могу. И вместе с этой благодарностью в сердце неожиданно вошёл глубокий мир. Не потому, что исчезли вопросы. А потому, что стало легче доверять Тому, Кто знает ответы раньше, чем человек научится задавать правильные вопросы.

Ропот рождается там, где человек доверяет прежде всего самому себе. Благодарность рождается там, где сердце постепенно начинает доверять Богу больше, чем собственному пониманию жизни.

Часть IX. Благодать

Глава двадцать пятая. Когда молитва оживает

За время моего пребывания на Святой Горе произошло нечто, чего я сначала даже не заметил. Если в первые недели каждая встреча со старцами открывала новую мысль, каждое послушание становилось уроком, а каждая служба приносила множество переживаний, то теперь всё начало меняться. Афон перестал удивлять. Он вошёл в повседневную жизнь.

Ночные богослужения, монастырская трапеза, работа в саду, долгие переходы по горным тропам, Иисусова молитва во время послушания – всё стало единым течением жизни. Именно тогда я понял, что духовная жизнь взрослеет не тогда, когда человек постоянно переживает что-то новое, а тогда, когда верность становится естественной.

В тот день Божественная Литургия закончилась особенно тихо. Не было большого праздника, не было многочисленных паломников, не звучало торжественное пение нескольких хоров. Братия спокойно приняла антидор и начала расходиться. Храм постепенно пустел. Перед иконами продолжали гореть лампады, в воздухе ещё сохранялся запах ладана, а солнечный свет медленно проникал через высокие окна, ложась на древние каменные плиты. После многих месяцев на Афоне я начал особенно любить именно эти минуты. В них не происходило ничего внешнего. Но именно здесь сердце училось слышать то, что невозможно услышать среди шума.

Я остался в храме один. Не хотелось ни читать книгу, ни размышлять, ни даже произносить молитву вслух. Я просто стоял перед образом Спасителя. Впервые за долгое время не было внутреннего напряжения. Не хотелось проверить себя: внимателен ли я, правильно ли молюсь, есть ли в сердце мир или, наоборот, сухость. Всё это незаметно отступило. Осталось только тихое желание быть рядом со Христом.

В этот момент в храм вошёл старый схимник, которого я видел лишь несколько раз за всё время моего пребывания на Афоне. Он был одним из самых уважаемых затворников монастыря. Братия говорила, что он редко даёт советы и почти никогда не говорит о высоких духовных состояниях. Многие паломники уходили от него удивлёнными, потому что ожидали услышать великие наставления, а слышали лишь несколько самых простых слов.

Он подошёл к иконе Спасителя, медленно перекрестился и долго стоял неподвижно. Потом поклонился, поцеловал икону и сел на старую деревянную скамью возле стены. Я подошёл, попросил благословения и сел немного поодаль. Геронда кивнул, но ничего не сказал. Прошло несколько минут. Затем ещё несколько. В храме царила такая тишина, что было слышно, как едва потрескивает фитиль в лампаде.

Наконец я нарушил молчание.

– Отче, можно задать вопрос?

Геронда спокойно посмотрел на меня.

– Спрашивай.

– Иногда читаешь у святых отцов, что приходит время, когда молитва начинает совершаться сама. Что это значит?

Геронда не ответил сразу. Он долго смотрел на икону Спасителя. Потом тихо спросил:

– А зачем тебе это знать?

Я немного смутился.

– Чтобы понимать, к чему нужно стремиться.

Он покачал головой.

– Нет.

Я удивился.

– Тогда зачем?

Геронда произнёс совсем негромко:

– Ты хочешь знать, когда придёт благодать.

Мне нечего было возразить. Он оказался прав. Где-то глубоко внутри меня всё ещё жило желание однажды понять, что молитва стала иной, что Господь наконец даровал человеку нечто особенное. За всеми правильными словами скрывалось почти незаметное ожидание духовного опыта, который можно было бы почувствовать.

Старец некоторое время молчал, разглядывая меня. Потом поднялся со скамьи, подошёл к лампаде и осторожно поправил фитиль. Пламя не стало ярче. Оно лишь перестало колебаться.

– Видишь? – спросил он.

– Вижу.

– Я не зажёг огонь.

Он сделал небольшую паузу.

– Я только убрал то, что мешало ему гореть спокойно.

Мы снова замолчали. Я почувствовал, что ответ уже начал открываться, но ещё не до конца понимал его.

Геронда медленно вернулся на своё место.

– Благодать нельзя вызвать.

Он говорил очень тихо.

– Её нельзя заслужить.

Монах долго смотрел мне в глаза.

– Ею нельзя научиться управлять.

Я внимательно слушал.

– Благодать всегда остаётся даром.

В этих словах было какое-то высшее богословие. Я не раз читал их у святых отцов. Но сейчас они звучали иначе. За долгие месяцы, проведённые на Афоне, я постепенно привык относиться к молитве как к труду. Нужно быть внимательным, хранить память Божию, терпеливо возвращаться после рассеянности, не спорить с помыслами, смиряться после падений. Всё это действительно необходимо. Но неожиданно стало ясно, что самыми глубокими плодами молитвы человек никогда не распоряжается. Они приходят тогда, когда Сам Господь считает нужным.

Геронда продолжил:

– Всё, что зависит от тебя, уже давно известно.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Встань на молитву. …Покайся. …Прости.

Он слегка улыбнулся.

– Благодари Бога.

После этого вновь воцарилось молчание.

Мне вдруг вспомнились все предыдущие встречи. Старцы учили меня предстоять перед Богом, останавливаться, хранить внимание, не искать переживаний, терпеть сухость молитвы, не унывать после падений, благодарить за всё. Всё это оказалось не ступенями к особым духовным состояниям. Это была школа очищения сердца. Господь постепенно освобождал человека от всего, что мешало принять Его дар.

Я снова спросил:

– А как понять, что молитва начинает жить?

Старец посмотрел на икону.

Потом очень спокойно ответил:

– Ты этого долго не замечаешь.

Он немного помолчал.

– Это начинают замечать другие.

Я удивился.

Он продолжил:

– Человек становится терпеливее. Мягче… Милосерднее.

Он повернулся ко мне.

– А о молитве говорит всё меньше.

Я вдруг понял, что за всё время пребывания на Афоне ни один настоящий старец никогда не рассказывал о собственной молитве. Они говорили о покаянии, смирении, любви, терпении, милости Божией. Их духовная жизнь открывалась не в рассказах о переживаниях, а в том мире, который они приносили каждому человеку.

Когда мы вышли из храма, монастырский двор уже наполнился обычной жизнью. Кто-то нёс инструменты к мастерской, кто-то спускался в сад, кто-то встречал новых паломников. Всё выглядело так же, как вчера и как месяц назад. Но мне неожиданно открылось, что именно в этой простой повседневности благодать чаще всего и совершает своё тихое дело. Она не разрушает обычную жизнь. Она постепенно преображает человека внутри неё.

Вечером, став на молитву, я уже не спрашивал Господа, оживает ли моя молитва. Этот вопрос вдруг потерял прежнюю важность. Мне хотелось лишь одного – снова произнести Его святое имя с доверием и любовью. И тогда пришло спокойное понимание: пока человек всё время наблюдает за своей молитвой, она ещё остаётся его заботой. Но когда сердце начинает жить Христом, человек всё реже думает о своей молитве и всё чаще – о Самом Господе. Наверное, именно тогда молитва перестаёт быть только человеческим усилием и начинает незаметно жить в глубине души как дыхание новой жизни, дарованной благодатью Божией.

Благодать не приходит по человеческому расчёту. Она тихо входит в сердце, которое перестало искать её ради себя и научилось искать одного лишь Христа.

Глава двадцать шестая. Мир Христов

Казалось, после долгих месяцев, проведённых на Святой Горе, я начал иначе слышать слова богослужения. Раньше многое проходило мимо сознания. Теперь некоторые молитвы неожиданно останавливались в сердце и продолжали жить ещё долго после окончания службы. Особенно часто мне вспоминались слова, которые священник многократно произносит во время Божественной Литургии: «Мир всем». Я слышал их тысячи раз, но только теперь начал спрашивать себя: что такое этот мир? Почему Христос, являясь ученикам после Воскресения, прежде всего говорит именно о мире? И почему человек, искренне молящийся, далеко не всегда живёт в этом мире?

Эти вопросы сопровождали меня несколько дней. Я понимал, что речь идёт не о спокойном характере и не о внешнем отсутствии тревог. На Афоне мне довелось встретить старцев, переживших войны, болезни, тяжёлые искушения и годы сурового подвига. Их жизнь никак нельзя было назвать лёгкой. Но рядом с ними ощущалось нечто такое, что трудно выразить словами. Это был не покой человека, у которого нет проблем. Это был мир человека, который давно доверил свою жизнь Богу.

Однажды после трапезы один из монахов предложил мне сходить на монастырскую пасеку. Она находилась довольно далеко, на солнечном склоне горы, окружённом цветущими кустарниками и молодыми каштанами. Там жил пожилой монах, который уже много лет заботился о пчёлах. Братия говорила, что он редко беседует о духовной жизни, но каждый, кто возвращался от него, приносил с собой необыкновенное внутреннее спокойствие.

Дорога шла через широкую поляну, покрытую весенними цветами. Воздух был наполнен ароматом тимьяна, шалфея и дикого розмарина. Вокруг стояла удивительная тишина. Лишь где-то высоко над лесом кричал орёл, а ближе слышалось едва различимое гудение пчёл. Оно не нарушало тишину, а словно становилось её частью. Чем ближе я подходил к пасеке, тем яснее ощущал, что здесь всё живёт по каким-то своим законам – спокойно, размеренно и без суеты.

Геронда встретил меня возле ульев. Он был невысокого роста, с густой белой бородой и необыкновенно светлыми глазами. На нём был старый выцветший подрясник, на плечах висела простая холщовая сумка с инструментами. Он поздоровался, но не предложил сразу начать разговор. Вместо этого мы вместе подошли к одному из ульев, и он осторожно снял деревянную крышку.

Я невольно ожидал увидеть беспокойное движение пчёл. Но ничего подобного не произошло. Старец двигался так спокойно, что насекомые почти не обращали на него внимания. Они продолжали своё дело, перелетая с одной рамки на другую. В этом маленьком мире всё было наполнено удивительным порядком. Здесь никто не суетился. Никто не сталкивался с другими.

Каждая пчела словно знала своё место и своё служение.

Мы долго наблюдали молча. Наконец старец снова закрыл улей и тихо произнёс:

– Если человек приходит сюда с тревогой, пчёлы сразу чувствуют её.

Я удивлённо посмотрел на него.

– Неужели они различают человеческое состояние?

Он улыбнулся.

– Конечно.

Потом добавил:

– Тревожное сердце всегда делает движения резкими.

Мы медленно пошли между ульями. Он время от времени останавливался, прислушиваясь к ровному гудению пчёл. Казалось, он слышит в нём гораздо больше, чем обычный человек.

Я наконец решился задать вопрос, который давно носил в себе.

– Отче, что такое мир Христов? Почему одни люди имеют его даже среди тяжёлых испытаний, а другие теряют покой из-за самых незначительных событий?

Геронда не ответил сразу. Он сорвал маленькую веточку цветущего тимьяна, осторожно растёр её между пальцами и вдохнул аромат.

– Скажи, – произнёс он после долгого молчания, – море всегда спокойно?

– Нет.

– А глубина моря?

Я задумался.

– Наверное… почти всегда.

Геронда кивнул.

– Вот и человеческое сердце.

Он посмотрел вдаль, где за зелёными склонами мерцало море.

– Большинство людей живут только на поверхности.

Его слова прозвучали очень просто. Но в них чувствовалась глубокая правда.

Он продолжил:

– На поверхности всё время меняется… Сегодня похвала… Завтра обида…

Он снова посмотрел на меня.

– Сегодня здоровье.

После короткого молчания добавил:

– Завтра болезнь.

Потом тихо произнёс:

– Если человек живёт только этим, мира у него никогда не будет.

Мы снова остановились возле ульев. Пчёлы продолжали своё непрерывное движение. Каждая была занята своим делом, и ни одна не пыталась изменить порядок, установленный Творцом. Мне вдруг показалось, что и монастырская жизнь устроена так же. Мир рождается не тогда, когда исчезают трудности. Он рождается тогда, когда каждый перестаёт жить только ради самого себя.

Геронда словно продолжал мои мысли.

– Знаешь, почему Христос сказал: «Мир Мой даю вам»?

Я покачал головой.

– Потому что настоящий мир невозможно создать самому.

Он говорил очень спокойно.

– Его можно только принять.

Я внимательно слушал.

– Пока человек старается устроить мир вокруг себя, он постоянно воюет.

Он улыбнулся.

– Когда же позволяет Христу устроить мир внутри него, начинает иначе смотреть на всё остальное.

Старцы и веся жизнь в монастыре учили меня вниманию, покаянию, смирению, благодарению. Теперь становилось ясно, что всё это постепенно освобождало сердце для самого великого дара – мира Христова. Этот мир не был наградой за духовные труды. Он был плодом пребывания рядом со Христом. Как пчёлы спокойно трудятся вокруг своей матки, не нарушая внутреннего порядка, так и человеческое сердце становится мирным тогда, когда его центром перестаёт быть собственное «я».

Я спросил:

– Значит, мир приходит сам?

Старец покачал головой.

– Нет.

Он ответил очень мягко.

– Мир приходит вместе со Христом.

Немного помолчав, добавил:

– И уходит тогда, когда человек начинает жить без Него.

Эта короткая фраза многое поставила на свои места. Сколько раз раньше я пытался обрести внутреннее спокойствие, борясь лишь с тревожными мыслями или изменяя внешние обстоятельства. Но всё это помогало ненадолго. Геронда же говорил совсем о другом. Мир – это не отсутствие тревог. Это присутствие Христа в сердце. Именно поэтому апостолы могли сохранять мир среди гонений, а мученики – перед лицом смерти.

Когда солнце стало склоняться к вечеру, мы возвращались от пасеки молча. Гудение пчёл постепенно осталось позади, но в душе продолжало звучать другое – глубокое чувство внутренней тишины. Мне вдруг стало ясно, что настоящая молитва никогда не делает человека беспокойным. Если после долгих молитв сердце остаётся раздражительным, осуждающим и тревожным, значит, оно ещё больше занято собой, чем Богом. Но когда Христос постепенно становится центром жизни, в душе рождается удивительная тишина. Не потому, что исчезают скорби. А потому, что появляется Тот, Кто сильнее любой скорби.

В тот вечер, стоя перед иконой Спасителя, я уже не просил Господа ни о новых духовных переживаниях, ни о необыкновенных дарах. Я просил только одного – чтобы Он сохранил в моём сердце Своё присутствие. Потому что теперь я начинал понимать: именно оно и есть тот мир, которого так ищет каждый человек. Всё остальное приходит и уходит. Мир Христов остаётся там, где сердце перестаёт жить только собой и начинает жить Господом.

Мир Христов рождается не тогда, когда жизнь становится легче. Он рождается тогда, когда Христос становится глубже всех тревог человеческого сердца.

Глава двадцать седьмая. Молитва среди людей

Когда я впервые приехал на Святую Гору, мне казалось, что настоящая молитва возможна только в тишине. Я смотрел на пустынников, живущих высоко в горах, с особым благоговением. Их безмолвие представлялось мне вершиной духовной жизни. Напротив, монахи, ежедневно встречавшие паломников, занимавшиеся хозяйственными делами, отвечавшие на бесконечные вопросы приезжих, казались людьми, которым гораздо труднее сохранить внутреннее внимание. Тогда я ещё не понимал, что Господь учит человека молитве не только в пустыне, но и среди людей. И иногда второе оказывается значительно труднее первого.

Весной паломников становилось всё больше. На пристань ежедневно приходили новые корабли. Одни приезжали на несколько часов, другие оставались на несколько дней. Среди них были молодые люди, только начинавшие искать Бога, пожилые супруги, приехавшие поблагодарить Господа за прожитую жизнь, монахи из других стран, священники, студенты, учёные, простые крестьяне и городские жители. Каждый приносил на Святую Гору свою боль, свои вопросы, свои надежды. И каждому хотелось получить ответ именно здесь, среди афонских монастырей.

В те дни меня снова благословили помогать в архондарике. Именно здесь начиналось знакомство большинства паломников с Афоном. Их встречали, провожали в комнаты, угощали водой, кофе и традиционным лукумом, объясняли монастырский распорядок, отвечали на множество вопросов. Иногда казалось, что за один день здесь проходит целая человеческая жизнь. Кто-то приезжал со слезами покаяния. Кто-то – из простого любопытства. Кто-то хотел

поговорить о молитве. Другого больше интересовала древняя архитектура. Но всех принимали одинаково спокойно, не разделяя людей на более достойных и менее достойных.

Старшим в архондарике был тот самый монах, которого я встретил в первый день своего приезда на Святую Гору. Тогда именно он впервые сказал мне, что молитва начинается раньше слов. За прошедшие месяцы я всё чаще вспоминал нашу первую беседу. Теперь мне хотелось увидеть этого старца уже другими глазами. За всё это время я ни разу не видел, чтобы он раздражился, повысил голос или показал усталость, хотя ежедневно принимал десятки людей.

Работа началась ещё до рассвета. Мы готовили комнаты для новых гостей, приносили воду, помогали пожилым паломникам подняться по крутой монастырской лестнице. Потом начались вопросы. Их было столько, что иногда один разговор ещё не заканчивался, а другой уже начинался. Кто-то просил благословить дорогу к Каруле. Кто-то хотел узнать, как попасть к известному старцу. Кто-то рассказывал о тяжёлой болезни ребёнка. Другой просил помолиться о семейном мире. Я честно старался внимательно слушать каждого, но уже к полудню почувствовал, что внутри появляется усталость. Вместе с ней уходило внимание. Молитва почти перестала звучать в сердце. Всё происходило правильно, но словно только внешне.

Во время короткого перерыва старец пригласил меня выйти во внутренний двор монастыря. Там было тихо. Старый платан давал густую тень, а небольшой фонтан наполнял воздух прохладой. Мы сели на деревянную скамью. Несколько минут никто не говорил. Геронда смотрел на людей, входивших в монастырские ворота, и его лицо оставалось таким же спокойным, каким я увидел его в первый день.

Наконец я сказал:

– Отче, мне кажется, что среди постоянных разговоров и забот я начинаю терять молитву. Когда остаюсь один, становится легче. Но среди людей внимание всё время рассеивается. Иногда появляется ощущение, что служение людям отнимает у меня Бога.

Старец внимательно посмотрел на меня. В его взгляде не было упрёка. Скорее, он словно вспоминал собственную молодость.

– А почему ты решил, что люди могут отнять у тебя Бога?

Я не сразу нашёлся с ответом.

– Потому что они отвлекают.

Геронда слегка покачал головой.

– Нет.

Он произнёс это очень спокойно.

– Они открывают тебе самого себя.

Это заставило меня замолчать. Я почувствовал, что снова стою перед той правдой, которую не хотелось замечать. Мне действительно казалось, что причиной внутренней рассеянности становятся многочисленные дела. Но старец говорил о другом. Дела лишь показывали состояние моего сердца. Если внутри не было мира, значит, он ещё не укоренился достаточно глубоко.

Он неторопливо расправил рукав подрясника.

– Скажи, когда ты молишься один в келлии, кто тебе мешает любить Бога?

– Никто.

– А когда рядом появляется человек?

Я задумался.

Он тихо улыбнулся.

– Тогда становится видно, насколько ты действительно любишь.

Мы снова замолчали. Из архондарика доносились голоса вновь прибывших паломников. Кто-то смеялся, кто-то громко рассказывал о дороге, кто-то просил воды. Совсем недавно этот шум показался бы мне препятствием для молитвы. Теперь я начинал слышать его иначе.

Старый монах поднялся и медленно пошёл к двери архондарика.

– Многие думают, что молитва живёт только в тишине.

Он говорил, не оборачиваясь.

– Но если она исчезает при первой встрече с человеком, значит, она ещё очень слаба.

Мы вошли внутрь. У двери стоял пожилой мужчина из Румынии. Он почти не знала греческого языка и никак не мог объяснить, в каком монастыре остановились его паломническая группа. Старец спокойно поставил перед ним лукум, чашечку кофе и стакан холодной воды, выслушал, хотя понимал далеко не каждое слово. Он не торопил, не показывал нетерпения. Постепенно, задавая самые простые вопросы, он разобрался в ситуации и помог найти нужных людей. Мужчина поблагодарил, пил воду и кофе, а старец тут же обратился к следующему паломнику так, словно ничего особенного не произошло.

Я внимательно наблюдал за ним весь день. Меня поразило не то, как много он работал. Поразило другое. Он никогда не переходил от одного человека к другому с внутренней поспешностью. Для него каждый стоял перед ним так, будто был единственным. И при этом не было видно никакого напряжения. Казалось, любовь сама подсказывала ему, как быть внимательным.

Вечером, когда поток паломников наконец закончился, мы снова остались вдвоём.

Я спросил:

– Отче, как Вам удаётся не потерять внутренний мир среди стольких людей?

Геронда долго молчал.

Потом тихо ответил:

– Я давно перестал делить время на молитву и не молитву.

Он посмотрел на меня с удивительной простотой.

– Если человек приходит ко мне, Христос уже пришёл раньше него.

Мне стало ясно: этот разговор разделил мою жизнь на «до» и «после». Я вдруг вспомнил евангельские слова: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Сколько раз я читал их прежде. Но только теперь начал понимать, что они относятся не только к делам милосердия. Они говорят и о самой молитве. Пока человек видит перед собой только надоедливого собеседника, он быстро теряет внутренний мир. Но если учится видеть в каждом образ Божий, сама любовь становится продолжением молитвы.

Возвращаясь вечером в свою келлию, я уже не думал о том, сколько раз за день мне удалось сохранить внимание. Вместо этого вспоминал лица людей, которых Господь послал сегодня в монастырь. Каждое из них было неповторимым. Каждое несло свою боль. И неожиданно я понял, что молитва не заканчивается там, где начинается служение ближнему. Если сердце остаётся со Христом, то и самое простое слово утешения, и стакан воды, поданный уставшему паломнику, и терпеливое выслушивание чужой скорби становятся продолжением той молитвы, которая началась ещё ночью перед Престолом Божиим.

В тот вечер я долго благодарил Господа за архондарик. Когда-то мне казалось, что он отвлекает монаха от молитвы. Теперь же я увидел в нём другую школу. Здесь проверялось всё, чему учили меня афонские старцы. Здесь становилось ясно, превратилась ли молитва в жизнь или пока остаётся только временем, проведённым в храме.

Когда человек перестаёт искать Бога только в тишине и начинает узнавать Его в каждом приходящем, любовь сама становится молитвой, а служение ближнему – продолжением встречи со Христом.

Часть X. Человек новый

Глава двадцать восьмая. Любовь

К тому времени я уже почти перестал считать дни своего пребывания на Святой Горе. Жизнь здесь текла совсем иначе, чем в миру. Её измеряли не числа календаря, а богослужения, церковные праздники, смена времён года и незаметное движение человеческого сердца. Всё, что прежде казалось главным, постепенно отходило на второй план. Всё чаще я ловил себя на мысли, что уже не ищу новых наставлений. Мне хотелось научиться жить тем немногим, что Господь уже открыл через старцев.

Особенно сильно это ощущалось во время братской трапезы. На первый взгляд здесь не происходило ничего необычного. После Литургии братия молча входила в трапезную, занимала свои места, читался отрывок из житий святых или творений святых отцов, затем начиналась простая монастырская еда. Никто не разговаривал без необходимости. Не было ни споров, ни оживлённых бесед. Всё совершалось спокойно и размеренно, словно сама трапеза продолжала молитву, начавшуюся в храме.

В те дни я всё чаще наблюдал за одним старым монахом. Он был одним из самых уважаемых насельников монастыря. За плечами у него было более шестидесяти лет монашеской жизни. Многие молодые иноки считали его настоящим старцем, хотя сам он никогда никого не собирал вокруг себя и не любил поучать. Почти ежедневно во время трапезы он нёс самое незаметное послушание. Когда все уже сидели за столами, он медленно обходил трапезную, следя, чтобы каждому хватило хлеба, воды и горячей пищи. Лишь убедившись, что никто ни в чём не нуждается, он тихо занимал последнее свободное место.

Я несколько дней подряд наблюдал одну и ту же картину. Старец никогда не спешил взять пищу для себя. Если неожиданно приходил запоздавший паломник или кому-то не хватало места за столом, он без всякого колебания уступал своё место и продолжал служить другим. Всё происходило настолько естественно, что большинство людей даже не замечало этого. Но именно эта незаметность почему-то особенно трогала сердце.

После одной из трапез мы вместе вышли во двор монастыря. Был уже вечер. Солнце медленно скрывалось за вершинами гор, а в воздухе ещё сохранялся запах свежеиспечённого хлеба, доносившийся из монастырской пекарни. Некоторое время мы шли молча. Старец смотрел себе под ноги, иногда останавливаясь, чтобы поднять с дороги небольшой камень или поправить ветку, мешавшую пройти пожилым паломникам.

Наконец я решился заговорить.

– Отче, простите меня за вопрос. Я уже несколько дней наблюдаю за Вами в трапезной. Почему Вы всегда стараетесь сесть последним?

Монах посмотрел на меня с лёгким удивлением.

– А разве это трудно?

– Нет, – ответил я. – Но ведь никто не требует этого от Вас.

Он тихо улыбнулся.

– Любовь редко ждёт, когда от неё потребуют.

Мы продолжали идти по монастырскому двору. Несколько молодых монахов несли корзины с овощами к кухне. Кто-то подметал дорожки. Кто-то поливал цветы возле храма. Всё происходило без лишней суеты. Мне вдруг показалось, что вся жизнь монастыря держится не столько на правилах, сколько на тысячах таких незаметных поступков, которые никто не замечает и за которые никто не благодарит.

Через некоторое время старец снова заговорил.

– Когда я был молодым монахом, мне тоже казалось, что любовь – это прежде всего сильное чувство. Потом я думал, что любовь проявляется в великих жертвах. Но годы научили меня совсем другому.

Он остановился возле старого колодца и посмотрел на спокойную поверхность воды.

– Настоящая любовь чаще всего состоит из того, что человек ежедневно забывает о себе.

Я внимательно слушал. Эти слова были простыми, но за ними чувствовался прожитый опыт.

– Господь не случайно умыл ноги ученикам перед Тайной вечерей, – продолжил старец. – Он мог сказать ещё одну проповедь. Мог совершить новое чудо. Но вместо этого сделал работу слуги. Иногда один такой поступок открывает сердце человека глубже, чем множество правильных слов.

Его слова заставили меня вспомнить собственное монашество. Сколько сил я отдавал тому, чтобы правильно молиться, внимательно читать правило, бороться с помыслами, хранить память Божию. Всё это было необходимо. Но теперь становилось ясно, что существует ещё

один, самый строгий экзамен духовной жизни. Он начинается тогда, когда человек выходит из своей келлии и встречает другого человека.

Я спросил:

– Значит, любовь важнее молитвы?

Старец остановился и внимательно посмотрел на меня. В его взгляде не было ни тени осуждения. Он словно ждал, чтобы сам вопрос постепенно открыл свою глубину.

– Нет, чадо.

Он произнёс это очень спокойно.

– Настоящая молитва рождает любовь.

Геронда поправил клобук

– А настоящая любовь продолжает молитву.

Мы ещё долго молчали. Эти две короткие фразы неожиданно соединили смысл всего, что я услышал за месяцы жизни на Афоне. Старцы говорили о внимании, покаянии, смирении, терпении, благодарности, благодати. Теперь становилось ясно, что всё это было не самоцелью. Если после долгих лет молитвы человек остаётся холодным, раздражительным, равнодушным к ближнему, значит, он ещё не дошёл до самого главного. Потому что молитва, не становящаяся любовью, ещё не достигла сердца.

Когда мы возвращались к храму, навстречу нам шёл молодой послушник. Он нёс тяжёлый мешок с мукой и явно выбивался из сил. Старец молча подошёл к нему, взял мешок себе на плечо и спокойно понёс дальше. Послушник смущённо благодарил его, пытаясь вернуть тяжесть обратно. Монах только улыбнулся и продолжил путь так, словно ничего особенного не произошло.

Я смотрел на эту простую сцену и неожиданно понял, что передо мной только что прозвучала ещё одна проповедь. Не словами, а жизнью. Именно так, наверное, и выглядела любовь в глазах апостолов, когда они видели своего Учителя. Она не стремится быть замеченной. Не ищет признания. Не напоминает о своих заслугах. Она просто служит.

Вечером, стоя на молитве, я долго вспоминал старца. Мне вдруг стало ясно, что за все месяцы жизни на Афоне я ни разу не слышал от него длинных наставлений. Но его тихое служение сказало мне о Христе больше, чем многие книги. Тогда я понял ещё одну истину, которую невозможно усвоить только умом. Человек становится новым не тогда, когда узнаёт больше духовных истин. Он становится новым тогда, когда любовь Христова постепенно начинает жить через него.

Может быть, именно поэтому святые никогда не говорили о своей любви. Они просто любили. Их жизнь становилась тем словом, которое люди могли прочитать без книг. И тогда молитва переставала быть отдельным временем суток. Она становилась дыханием всей жизни, незаметно переходя в каждое движение сердца, в каждую встречу с человеком, в каждое дело, совершённое ради Христа.

Любовь начинается там, где человек перестаёт спрашивать, что он может получить, и начинает видеть, чем он может послужить. Тогда молитва уже не заканчивается словами – она

становится самой жизнью.

Глава двадцать девятая. Милосердие

.

Чем дольше я жил на Святой Горе, тем яснее понимал одну особенность монашеской жизни. Сначала мне казалось, что монастырь существует главным образом для молитвы. Потом я увидел, какое место занимает послушание. Позже открыл для себя цену смирения и терпения. Но постепенно начинало открываться нечто ещё более глубокое. Всё, чему учились монахи, было необходимо лишь для одного – чтобы сердце стало способным любить другого человека так, как любит Христос.

До приезда на Афон слово «милосердие» представлялось мне прежде всего деятельной помощью. Накормить голодного, посетить больного, поддержать скорбящего – всё это казалось очевидным исполнением евангельской заповеди. Однако жизнь рядом со старцами постепенно показывала другую сторону милосердия. Можно помочь человеку и остаться внутренне далёким от него. Можно произнести правильные слова утешения и при этом сохранить спокойную уверенность, что чужая боль не имеет к тебе отношения. Христос же не просто помогал людям. Он принимал их страдание в Своё сердце. Именно этому предстояло научиться и мне.

В одном из корпусов монастыря жил пожилой монах, уже несколько лет тяжело болевший. Возраст и болезни почти лишили его возможности самостоятельно ходить. Братия по очереди приходила к нему, помогала подняться, приносила пищу, читала духовные книги, оставалась рядом во время долгих бессонных ночей. О нём редко говорили. Его имя почти никогда не звучало на общих беседах. Но почему-то именно к его келлии чаще всего заходили старцы после богослужений.

Однажды игумен благословил и меня навестить больного монаха. Признаться, я немного смутился. Мне казалось, что я не умею разговаривать с тяжело больными людьми. Всегда возникал страх сказать что-нибудь неуместное, случайно причинить ещё большую боль или просто оказаться бесполезным. Иногда человеку легче выполнить тяжёлую физическую работу, чем молча сидеть рядом с чужим страданием.

Келлия находилась в старой части монастыря. Узкий коридор был наполнен запахом ладана и лекарственных трав. Через небольшое окно падал мягкий дневной свет. Когда я вошёл, больной монах лежал на кровати с закрытыми глазами. Возле него сидел старец, которого братия особенно почитала за его необыкновенную сердечную доброту. Он держал в руках чётки и тихо молился. Увидев меня, старец благословил, приложил палец к губам, предлагая сохранить тишину, и жестом пригласил присесть рядом.

Мы сидели молча довольно долго. За всё это время почти ничего не произошло. Больной несколько раз открыл глаза, с трудом улыбнулся старцу и снова погрузился в забытьё. Старец осторожно поправил ему подушку, подал немного воды, накрыл одеялом ноги, когда заметил, что ему стало холодно. Всё это совершалось так естественно, словно мать заботится о своём ребёнке. В его движениях не было жалости. Была любовь.

Когда больной уснул, мы тихо вышли во двор. Некоторое время шли молча по узкой дорожке между цветущими кустами жасмина. Наконец я сказал:

– Отче, мне кажется, что я совсем не умею утешать людей. Когда вижу чужое страдание, внутри появляется растерянность. Хочется найти правильные слова, но чаще всего никаких

слов не находится.

Старец остановился и внимательно посмотрел на меня. Его лицо было удивительно спокойным, словно он уже много раз слышал подобный вопрос.

– А кто сказал тебе, что человеку прежде всего нужны слова?

Я задумался.

– Но ведь нужно как-то поддержать его.

Старец кивнул.

– Конечно.

Он немного помолчал.

– Только сначала нужно быть рядом.

Мы продолжили путь. Эти простые слова неожиданно открыли мне нечто важное. Действительно, всё время, пока мы были в келлии больного монаха, старец почти ничего не говорил. Он не объяснял смысла страданий, не убеждал терпеть, не пытался развеселить больного. Он просто оставался рядом. И этого, как оказалось, было достаточно.

Через некоторое время старец снова заговорил.

– Люди очень часто боятся чужой боли.

Он произнёс это без осуждения.

– Не потому, что они жестокие.

Старец помолчал перебрая четки.

– А потому, что чужая боль напоминает им об их собственной немощи.

Я поймал себя на мысли, что больше слушаю собственную совесть, чем голос старца. Мне стало ясно, что и моя растерянность происходила не только от недостатка опыта. Где-то глубоко внутри я хотел сохранить внутреннее спокойствие, избежать соприкосновения с тем, что причиняет страдание. Любовь же не умеет проходить мимо. Она неизбежно принимает на себя часть тяжести другого человека.

Я спросил:

– Но разве человек способен понести чужую боль?

Он посмотрел на цветущий жасмин, потом тихо ответил:

– Один – нет. Со Христом – да.

Он поднял на меня глаза.

– Потому что Христос уже понёс её прежде нас.

Мы снова замолчали. Эти слова были удивительно простыми, но в них открывалась сама тайна

христианского милосердия. Мы не спасаем другого человека своими силами. Мы лишь позволяем любви Христовой действовать через нас. Именно поэтому милосердие никогда не становится тяжёлой обязанностью. Оно становится участием в жизни Самого Спасителя.

Старец медленно пошёл дальше.

– Знаешь, когда сердце начинает расширяться?

Я покачал головой.

– Когда перестаёт всё время жить своими заботами.

Он говорил очень спокойно.

– Пока человек постоянно слушает только собственную боль, ему трудно услышать другого. Но когда начинает жить Христом, в его сердце постепенно находится место для многих людей.

Эта мысль неожиданно выстроило в логичную схему всё, о чем я спрашивал на Афоне. Внимание освобождало ум. Покаяние очищало сердце. Смирение разрушало самолюбие. Благодарность рождала доверие Богу. И теперь всё это открывало пространство для любви. Оказывалось, что сердце очищается не только ради собственной молитвы. Оно очищается для того, чтобы вместить другого человека.

Вечером я снова зашёл к больному монаху. Он уже не спал. Мы почти не разговаривали. Он тихо попросил прочитать несколько псалмов. Потом мы вместе произнесли Иисусову молитву. Когда я уходил, он неожиданно взял меня за руку и очень тихо сказал:

– Спасибо, что посидел со мной.

На обратном пути я долго думал об этих словах. Ведь я почти ничего не сделал. Не сказал ничего мудрого. Не облегчил его болезни. Но, может быть, именно тогда я начал понимать, что такое милосердие. Оно начинается не тогда, когда человек способен решить чужую проблему. Оно начинается в ту минуту, когда он перестаёт бояться сделать чужую боль частью собственной жизни.

В ту ночь, стоя на молитве, я впервые просил Господа не только о себе. Перед внутренним взором один за другим проходили лица людей, которых мне довелось встретить на Святой Горе. Их радости, болезни, надежды, борьба постепенно становились близкими моему сердцу. И я понял, что молитва взрослеет тогда, когда перестаёт замыкаться в собственных нуждах. Она начинает дышать жизнью всей Церкви, всей человеческой семьи, которую Христос пришёл спасти.

Милосердие рождается тогда, когда человек перестаёт спрашивать, насколько чужая боль касается его самого, и начинает любить другого так, что его страдание уже невозможно считать чужим.

Глава тридцатая. Радость

Весна на Святой Горе никогда не приходит сразу. Она рождается почти незаметно. Сначала становится теплее ветер, потом появляются первые цветы среди камней, затем начинают зеленеть склоны, и однажды утром человек вдруг понимает, что мир вокруг уже совсем другой. Так же постепенно меняется и человеческое сердце. Оно редко замечает собственное преображение. Лишь спустя время становится ясно, что исчезла прежняя тревога, ослабла

постоянная борьба с самим собой, а на её месте родилось тихое чувство, которое трудно назвать иначе как мирной радостью.

В то утро я проснулся задолго до удара в било. Монастырь ещё спал. Над морем лежала лёгкая дымка, и только восточный край неба начинал едва заметно светлеть. Я вышел за монастырские стены и медленно пошёл по тропе, ведущей к небольшой смотровой площадке над обрывом. В эти ранние часы Афон был особенно прекрасен. Казалось, сама природа ещё молилась своим безмолвием. Не было слышно человеческих голосов. Только где-то далеко шумело море, да из леса доносилось первое пение проснувшихся птиц.

Я остановился на краю скалы. Передо мной медленно рождался новый день. Солнце ещё не показалось из-за горизонта, но небо уже было наполнено мягким золотистым светом. Я вдруг поймал себя на мысли, что давно перестал искать в молитве необыкновенные переживания. После всех бесед со старцами сердце стало спокойнее. Но вместе с этим возникал другой вопрос. Почему некоторые люди, пережившие тяжёлые скорби, сохраняют удивительную внутреннюю радость? Не веселье. Не хорошее настроение. А именно ту тихую радость, которую невозможно объяснить внешними обстоятельствами.

Пока я размышлял об этом, по тропе медленно подошёл старый монах. Я уже видел его прежде. Он жил неподалёку в небольшой каливе и почти каждое утро встречал здесь рассвет. Его невозможно было назвать разговорчивым человеком. Но была одна особенность, которую замечали все. Он почти всегда улыбался. Не широко и не по-детски. Это была едва заметная улыбка человека, сердце которого давно перестало спорить с жизнью.

Мы обменялись благословением и некоторое время молча смотрели на восходящее солнце. Свет постепенно заливал море, вершины деревьев, монастырские стены, далёкие скиты. Всё оживало без шума. Мне вдруг показалось, что именно так действует и благодать Божия. Она не вторгается в душу насильно. Она приходит тихо, почти незаметно, но постепенно освещает всё внутри человека.

Наконец я нарушил молчание.

– Отче, простите меня за вопрос. Я давно хочу понять одну вещь. Почему Вы почти всегда улыбаетесь?

Монах посмотрел на меня с тем же спокойствием.

– А разве это трудно?

Я невольно улыбнулся в ответ.

– Иногда очень трудно.

Он понимающе кивнул.

– Конечно.. Если искать радость там, где её обычно ищет мир.

Эти слова заставили меня задуматься. Мы ещё долго молчали. Геронда не спешил объяснять. Он словно ждал, пока вопрос сам станет глубже.

Через некоторое время я сказал:

– Но ведь у человека всегда находятся причины для печали. Болезни, старость, потери,

собственные грехи. Иногда кажется, что радоваться просто нечему.

Старец поднял взгляд на уже взошедшее солнце.

– Скажи, солнце светит только здоровым людям?

– Нет.

– Только счастливым?

– Нет.

Он тихо улыбнулся.

– Тогда почему ты думаешь, что благодать приходит только тогда, когда всё хорошо?

Мы снова замолчали. Мне вспомнились многие старцы, которых я встретил за время жизни на Афоне. Почти каждый из них прошёл через тяжёлые болезни, войны, лишения, многолетнюю борьбу с собой. Некоторые потеряли близких. Другие десятилетиями жили в суровых пустынях. Но ни в одном из них я не видел мрачности. Их лица были серьёзными, иногда даже строгими. Но глубоко внутри жила тихая радость, которую невозможно было объяснить внешней жизнью.

Мой собеседник продолжил:

– Молодым монахом я тоже думал, что сначала Господь избавит меня от всех страстей, потом даст совершенную молитву, и только тогда придёт настоящая радость.

Он улыбнулся каким-то своим воспоминаниям.

– Господь сделал иначе.

Я внимательно слушал.

– Он научил меня радоваться прежде, чем я стал лучше.

Эти слова прозвучали неожиданно. Мне всегда казалось, что радость – это награда за духовное преуспеяние. Геронда же говорил о ней как о даре, который приходит не после побед, а среди самой борьбы.

– Радость рождается из благодарности, – убежденно сказал он. – Благодарное сердце постепенно перестаёт считать только свои потери. Оно начинает видеть всё, что Господь уже дал человеку. Воздух, которым он дышит. Свет нового дня. Литургию. Покаяние. Возможность снова начать сначала. Всё это кажется обычным только тому, кто перестал благодарить.

Мы медленно пошли обратно к монастырю. Солнце уже поднялось над морем. Братия начинала выходить из келлий. Где-то прозвучал первый удар в било. Новый день входил в свою обычную жизнь.

По дороге старец неожиданно остановился возле маленького полевого цветка, выросшего между камнями. Он осторожно посмотрел на него и сказал:

– Видишь, он никому ничего не доказывает.

Потом перевёл взгляд на меня.

– Он просто цветёт.

Эти простые слова вдруг стали для меня продолжением всех предыдущих бесед. Сколько времени я пытался понять, достиг ли чего-нибудь в духовной жизни, вырос ли в молитве, изменился ли внутренне. Но цветок не сравнивает себя с другими. Он просто принимает жизнь, которую дал ему Бог. Наверное, и человек становится по-настоящему свободным тогда, когда перестаёт всё время измерять самого себя.

Возвращаясь в свою келлию, я неожиданно почувствовал ту самую тихую радость, о которой говорил этот монах. Она пришла не потому, что исчезли вопросы или закончилась борьба. Наоборот, я хорошо понимал, сколько ещё впереди труда. Но впервые за долгое время мне не хотелось торопить своё духовное возрастание. Было достаточно знать, что Господь рядом. Всё остальное постепенно совершит Его благодать.

В тот день я особенно внимательно слушал слова Литургии. Когда хор запел: «Видехом Свет истинный…», мне вдруг стало ясно, что этот Свет не всегда приходит как сильное переживание. Чаще всего Он входит в сердце тихо, как весенний рассвет над морем. Сначала человек почти ничего не замечает. Потом становится немного светлее. Затем постепенно исчезают страх, ропот, постоянная тревога. И однажды душа просыпается с благодарностью ещё прежде, чем открывает глаза.

Наверное, именно такой была радость, которую Господь обещал Своим ученикам. Не шумной. Не восторженной. Не зависящей от обстоятельств. А глубокой, мирной и тихой, как восход солнца над Святой Горой.

Настоящая радость приходит не тогда, когда человек получает всё, чего желал. Она рождается тогда, когда сердце начинает узнавать Христа в каждом новом дне и благодарить Его ещё прежде, чем поймёт смысл всего происходящего.

Часть XI. Царство внутри

Глава тридцать первая. Сердце становится храмом

Приближалось время моего возвращения домой. Я всё чаще ловил себя на мысли, что смотрю на Святую Гору иначе, чем в первые дни. Тогда каждый камень казался необыкновенным, каждая встреча – великим событием, каждое слово старца хотелось запомнить дословно. Теперь Афон перестал быть для меня чередой ярких впечатлений. Он стал жизнью. Именно это изменение оказалось самым неожиданным. Я приехал искать ответы, а Господь постепенно научил меня перестать жить только вопросами.

В тот вечер после повечерия монастырь особенно быстро погрузился в тишину. Один за другим гасли огни в окнах братских келлий. Только в храме продолжали гореть лампады перед иконами. Мне не хотелось идти спать. Я вошёл в почти пустой храм и остановился возле образа Спасителя. В полумраке не было ничего торжественного. Лишь небольшие огоньки лампад тихо мерцали перед ликами святых, словно сама ночь продолжала молитву, начавшуюся ещё на повечерии.

Я сел на деревянную скамью у стены. Не хотелось ни читать, ни размышлять. За долгие месяцы пребывания на Афоне я заметил одну удивительную перемену. Раньше всякое молчание сразу наполнялось мыслями. Теперь же иногда наступали минуты, когда внутри становилось так же тихо, как в этом ночном храме. Не потому, что исчезали помыслы. Просто сердце переставало идти вслед за ними. Оно всё чаще возвращалось к одному-единственному

имени Христову, и этого было достаточно.

Через некоторое время в храм вошёл старый схимонах. Это был один из тех старцев, о которых братия говорила с особым благоговением. За всё время моего пребывания на Святой Горе я слышал от него всего несколько коротких наставлений. Он почти никогда не отвечал на вопросы сразу. Иногда казалось, что главным его словом было молчание. Но именно рядом с ним человек начинал слышать собственное сердце.

Геронда не заметил меня. Он подошёл к лампаде перед иконой Спасителя, осторожно поправил фитиль и долил немного масла. Потом долго стоял неподвижно, не произнося ни одного слова. В храме было настолько тихо, что слышалось только едва заметное потрескивание пламени. Я неожиданно подумал, что именно так выглядит молитва человека, который уже не ищет самого себя.

Когда старец повернулся, он увидел меня и спокойно подошёл ближе. Я попросил благословения. Мы вместе сели на скамью. Прошло несколько минут. Ни один из нас не нарушал тишину.

Наконец я тихо сказал:

– Отче… мне кажется, что я всё ещё очень далёк от настоящей молитвы.

Геронда внимательно посмотрел на меня. В его глазах не было ни удивления, ни желания сразу утешить. Он словно ждал, пока я сам договорю то, что ещё оставалось в сердце.

– Почему ты так думаешь? – спросил он.

Я некоторое время молчал.

– Потому что вижу в себе слишком много рассеянности. Слишком много самолюбия. Слишком мало любви. Иногда кажется, что за всё это время я сделал только несколько первых шагов.

Геронда опустил взгляд на лампаду.

– А кто тебе сказал, что Господь считает шаги?

Я не нашёлся что ответить.

Он продолжил:

– Человек любит измерять свою жизнь. … Бог любит жить в ней.

Сердце подсказывало что это действительно так, разум отчаянно пытался удержаться за привычное. Почти всё время, проведённое на Афоне, я незаметно пытался понять, изменился ли я, стал ли внимательнее, глубже ли стала молитва, победил ли какие-нибудь страсти. Даже после многочисленных бесед со старцами во мне всё ещё жило желание оценить собственное духовное состояние. Теперь же я понял, что и эта привычка остаётся одной из самых тонких форм самолюбия.

Мы снова долго молчали. Геронда смотрел на небольшое пламя лампады. Потом очень спокойно произнёс:

– Видишь этот огонь?

– Да.

– Он освещает храм.

Геронда немного помолчал.

– Но никогда не освещает самого себя.

Я сидел неподвижно, позволяя смыслу услышанного проникнуть глубже. Чем больше человек смотрит на собственную молитву, тем труднее ему видеть Христа. Лампада существует не для того, чтобы любоваться своим пламенем. Она нужна для того, чтобы её свет помогал увидеть икону. Наверное, и настоящая молитва постепенно перестаёт обращать человека к самому себе. Она всё глубже обращает его к Богу.

Через некоторое время я спросил:

– Отче… что значит, что сердце становится храмом?

Геронда долго не отвечал. Потом очень медленно произнёс:

– Когда человек перестаёт приходить к Богу только в храм. … И начинает жить перед Ним всегда… … – Сердце становится храмом не потому, что человек постоянно чувствует благодать.

Теперь его голос звучал почти шёпотом.

– А потому, что Христос становится для него ближе всего остального.

Мы снова замолчали. Теперь становилось понятно, почему старцы так мало говорили о высоких духовных состояниях. Их целью было не научить человека особым переживаниям. Они старались привести его к постоянному пребыванию перед Богом, которое постепенно входит во всю жизнь.

Я вспомнил первую встречу в архондарике. Тогда монах сказал, что молитва начинается раньше слов. Теперь эти слова открывались совсем иначе. Действительно, молитва начинается не тогда, когда человек раскрывает молитвослов. Она начинается в ту минуту, когда сердце вспоминает о Боге. И если это памятование становится постоянным, тогда вся жизнь незаметно превращается в продолжение Литургии.

Старец поднялся со скамьи. Перед уходом он остановился возле двери и произнёс всего одну фразу:

– Не старайся носить Бога в своей памяти.

Он посмотрел на меня с необыкновенной теплотой.

– Лучше живи так, чтобы помнить, что ты всегда находишься в Его любви.

После этих слов он тихо вышел из храма.

Я ещё долго сидел один. Лампада продолжала спокойно гореть перед образом Спасителя. Она ничего не доказывала. Не старалась светить ярче других. Она просто исполняла своё маленькое служение. И мне вдруг показалось, что именно так Господь постепенно устраивает человеческую душу. Он не превращает её в нечто необыкновенное. Он делает её местом Своего присутствия.

В ту ночь я почти не произносил слов молитвы. Не потому, что молитва закончилась. Напротив, впервые за долгое время появилось ощущение, что слова уже исполнили своё дело и тихо уступили место простому предстоянию перед Богом. Не было ни восторга, ни особых чувств, ни желания удержать это состояние. Был только Христос. И этого оказалось достаточно.

Тогда я понял, что Царство Божие действительно начинается внутри человека. Не в ту минуту, когда он достигает духовного совершенства. А тогда, когда сердце перестаёт жить отдельно от Бога. И всё, что прежде было отдельными молитвами, постепенно становится одной непрерывной жизнью в Его присутствии.

Сердце становится храмом не тогда, когда человек начинает больше говорить Богу. Оно становится храмом тогда, когда вся его жизнь тихо начинает совершаться перед Лицом Божиим.

Глава тридцать вторая. Непрестанная память Божия

Наступили последние дни моего пребывания на Святой Горе. Эта мысль уже не вызывала той печали, которую я ожидал почувствовать. Когда человек только приезжает на Афон, ему кажется, что самое трудное – войти в эту жизнь. Но приходит время, и становится ясно, что ещё труднее – унести её с собой. Я всё чаще спрашивал себя не о том, чему научился здесь, а о другом: что останется со мной, когда корабль увезёт меня обратно в мир? Не исчезнет ли всё пережитое среди привычной суеты, множества забот, встреч, разговоров и обязанностей?

Эти вопросы сопровождали меня почти постоянно. Мне вспоминались все месяцы, прожитые на Святой Горе. Первый вечер в архондарике. Ночная полуночница. Зимняя буря. Тропа среди сосен. Работа в саду и на кухне. Пасека, виноградники, больничная келлия, братская трапеза. Каждая встреча со старцами открывала новую сторону молитвы, но теперь я всё яснее видел, что все они говорили об одном и том же. Ни один из них не учил каким-то особенным способам молитвы. Все они незаметно учили жить перед Богом.

Накануне моего отъезда игумен сказал:

– Перед дорогой сходи ещё к одному старцу. Думаю, тебе важно увидеть его именно теперь.

Я не стал расспрашивать. За время жизни в монастыре я уже привык доверять подобным словам. Иногда последняя встреча оказывается важнее первых десяти.

Келлия старца находилась высоко над монастырём. Тропа поднималась через старую масличную рощу, затем проходила между огромными валунами и выводила на небольшую поляну. Отсюда открывался широкий вид на море. Всё было наполнено тихим весенним светом. Лёгкий ветер шевелил листья олив, а где-то далеко зазвенел монастырский колокол, созывая братию на вечернее богослужение. Мне вдруг показалось, что сама природа готовится проститься со мной.

Геронда встретил меня возле своей келлии так, словно давно ожидал моего прихода. Его лицо было удивительно светлым. Не от возраста и не от здоровья – напротив, годы уже заметно согнули его плечи. Но в его глазах жила та тихая ясность, которую невозможно приобрести человеческими усилиями. Он благословил меня, и мы сели на старую деревянную скамью возле стены келлии. Перед нами медленно колыхались ветви старой маслины, пережившей, наверное, не одно поколение монахов.

Мы долго молчали. За эти месяцы я научился не бояться молчания. Оно перестало казаться

пустотой. Иногда именно в такие минуты сердце начинало понимать то, чего ум ещё не мог выразить словами. Мне уже не хотелось задавать много вопросов. Казалось, всё главное было сказано прежде. Оставалось только услышать последнее.

Наконец старец сам нарушил тишину.

– Завтра уезжаешь?

– Да, отче.

Он кивнул.

– Боишься?

Я честно задумался.

– Немного. Боюсь потерять всё, что Господь дал мне здесь.

Геронда внимательно посмотрел на меня. Потом очень спокойно спросил:

– А где находится Афон?

Вопрос показался неожиданным.

Я ответил:

– Здесь.

Он слегка покачал головой.

– Только ли здесь?

Я молчал.

Он продолжил:

– Если Афон останется только за этим морем, значит, ты ещё не понял, зачем приезжал.

Передо мной открывалась перспектива, о которой я раньше не задумывался. Я вдруг почувствовал, что всё время незаметно связывал духовную жизнь с определённым местом. Мне казалось, что молиться легче именно здесь, среди монастырей, древних храмов и старцев. Но разве Бог остаётся только на Святой Горе?

Геронда словно продолжал мои мысли.

– Скажи, чему ты больше всего научился за эти месяцы?

Я не смог ответить сразу.

Перед глазами проходили десятки встреч.

Наконец тихо произнёс:

– Наверное… возвращаться к Богу.

Старец улыбнулся.

– Вот именно.

Он немного помолчал.

– Не удерживать молитву…. Не искать особых состояний.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Возвращаться.

Я невольно перебрал в памяти все свое пребывание на Горе. В самом начале старцы учили меня возвращать рассеянный ум. Потом – возвращаться после падений, после сухости молитвы, после искушений и уныния. Теперь становилось ясно, что вся духовная жизнь состоит из одного непрерывного возвращения к Богу. Не потому, что Он постоянно удаляется от человека. А потому, что человек постоянно забывает о Нём.

Через некоторое время я спросил:

– Отче, возможно ли действительно непрестанно помнить Бога?

Геронда долго не отвечал. Он поднял с земли маленький желудь, долго рассматривал его в ладони, потом снова положил на землю.

– Когда мать любит своего ребёнка…

Он говорил очень медленно.

– Она каждую минуту думает о нём?

– Нет.

– Но перестаёт его любить?

– Нет.

Он кивнул.

– Вот и память Божия.

Я внимательно слушал.

– Это не постоянное напряжение ума.

Он сделал небольшую паузу.

– Это направление сердца.

Мне потребовалось время, чтобы осмыслить услышанное. Всё это время я представлял непрестанную память Божию как особое усилие, при котором человек должен непрерывно удерживать внимание на молитве. Геронда же говорил совсем о другом. Когда сердце по-настоящему любит, память становится естественной. Человек не заставляет себя помнить. Он просто живёт этой любовью.

Мы ещё долго сидели в молчании. Геронда смотрел на море, а я вспоминал слова, сказанные разными подвижниками за эти месяцы. Никто из них не обещал лёгкого пути. Никто не говорил о быстрых духовных победах. Все они учили одному – хранить верность. Теперь я начинал понимать, что именно верность постепенно превращает молитву из труда в жизнь.

Перед самым уходом старец поднялся. Я попросил благословения на дорогу. Он долго держал мою голову в своих руках, словно молился без слов. Потом тихо произнёс:

– Не бери Афон с собой.

Я удивлённо посмотрел на него.

Он улыбнулся.

– Возьми Христа.

Он потер большим пальцем деревянный крест на груди.

– Если будешь жить с Ним, однажды поймёшь, что Святая Гора никогда не закончилась.

Эти последние слова сопровождали меня всю дорогу обратно к монастырю. Я шёл по знакомой тропе, и всё вокруг казалось одновременно таким же и совсем другим. Те же оливы, те же камни, тот же запах нагретой солнцем земли. Но теперь я видел в них не место, где научился молиться, а свидетельство того, что Бог может быть рядом с человеком везде, где сердце остаётся открытым для Него.

Вечером, в последний раз стоя на афонском богослужении, я уже не просил Господа сохранить особые чувства или воспоминания. Я просил только одного: чтобы память о Нём не становилась для меня обязанностью, а постепенно превратилась в дыхание души. Чтобы среди множества дел, разговоров, дорог и забот сердце снова и снова возвращалось к Нему так же естественно, как человек возвращается домой после долгого пути.

Тогда я понял, что непрестанная память Божия начинается не с непрерывного повторения слов. Она начинается с любви, которая уже не умеет жить отдельно от Христа. Именно эта любовь незаметно делает всю жизнь постоянным предстоянием перед Богом.

Непрестанная память Божия рождается тогда, когда человек уже не старается каждое мгновение вспомнить о Христе, а начинает жить так, что сердце само непрестанно возвращается к Нему, как к своему единственному дому.

Часть XII. Возвращение

Глава тридцать третья. Когда вся жизнь становится молитвой

Утро моего отъезда оказалось удивительно тихим. Небо было прозрачным, словно за ночь ветер унёс с собой последние облака. Над морем медленно поднималось солнце, освещая вершины Святой Горы тем мягким золотистым светом, который невозможно увидеть нигде больше. Всё вокруг было таким же, каким я увидел его несколько месяцев назад. Те же кипарисы стояли возле монастырских стен. Те же колокола созывали братию на богослужение. Те же монахи спешили на свои послушания. Казалось, за это время здесь не изменилось ничего.

Я вошёл в храм ещё до начала Литургии. Несколько лампад спокойно горели перед древними иконами. В полумраке уже читали часы. Голоса чтецов не нарушали тишины, а словно

становились её продолжением. Я занял своё привычное место у колонны и неожиданно понял, что сегодня уже не вслушиваюсь в каждое слово службы так напряжённо, как прежде. Молитва перестала быть предметом моего внимания. Она стала той средой, в которой жило сердце.

Во время Великого входа мне вспомнился день моего приезда. Тогда всё казалось необыкновенным. Каждая деталь поражала воображение. Я смотрел на старцев, словно ожидая услышать от них некую тайну, которая сразу изменит мою жизнь. Теперь было ясно, что никакой одной великой тайны не существовало. Господь изменял человека не одним словом, а тысячами незаметных прикосновений Своей благодати. Через каждую службу. Через каждое послушание. Через каждое покаяние. Через каждое терпеливое возвращение к Нему.

После Литургии я попрощался с братией. Всё происходило очень просто. Несколько монахов благословили меня в дорогу. Кто-то крепко обнял. Кто-то лишь улыбнулся. Никто не говорил длинных напутственных речей. На Афоне не принято удерживать человека. Здесь понимают, что монастырь не становится целью жизни. Он лишь помогает человеку научиться жить со Христом там, куда Господь его пошлёт.

Когда мы спускались к пристани, море было почти неподвижным. Лишь лёгкие волны мягко касались берега. Паломники уже занимали места на корабле. Одни оживлённо делились впечатлениями, другие молчали, стараясь сохранить в памяти последние минуты пребывания на Святой Горе. Я поднялся на верхнюю палубу и остался у борта. Мне хотелось ещё немного побыть рядом с Афоном, ничего не говоря и ни о чём не думая.

Корабль медленно отчалил. Берег стал постепенно удаляться. Сначала исчезли лица монахов, провожавших паломников. Потом перестали различаться окна монастырских корпусов. Постепенно растворились в утреннем свете купола храмов. Остались только высокая гора, густые леса и шкатулки монастырей, будто выросшие из самих скал.

Я долго смотрел на Святую Гору.

Перед глазами одна за другой проходили все встречи этих месяцев. Монах архондарика, сказавший, что молитва начинается раньше слов. Старый библиотекарь, научивший терпеливо возвращать ум. Пустынник, говоривший о сердце. Садовник, показавший, что Бог никогда не торопит человеческую душу. Пчеловод, открывший мир Христов. Монах, сидевший возле больного брата. Игумен, благословивший меня на дорогу. Они были такими разными. Но теперь я ясно видел, что все они говорили об одном.

Они никогда не учили меня искать молитву.

Они учили искать Христа.

Внезапно мне стало понятно, почему почти никто из них не рассказывал о собственных духовных состояниях. Они говорили о покаянии, о смирении, о любви, о благодарении, о терпении. Потому что человек, который начинает смотреть на свою молитву чаще, чем на Самого Господа, незаметно снова начинает жить собой. Настоящая же молитва освобождает человека именно от этого.

Я перевёл взгляд на море. Оно было бескрайним. Волны непрерывно двигались навстречу кораблю и так же непрерывно исчезали за его кормой. Ни одна не задерживалась. Ни одна не возвращалась назад. И мне вдруг подумалось, что духовная жизнь очень похожа на это море. Она тоже не позволяет человеку жить вчерашними утешениями или вчерашними победами. Каждый день начинается заново. Каждый день Господь снова приглашает человека идти за

Ним.

В какой-то момент я поймал себя на неожиданной мысли. За всё время путешествия мне ни разу не пришло в голову спросить себя, научился ли я Иисусовой молитве. Этот вопрос исчез сам собой.

И тогда я понял почему.

Когда я приехал сюда, мне хотелось научиться молиться. Теперь мне хотелось только не потерять Христа. Это было совсем другое желание.

Я неожиданно вспомнил слова старца, сказанные накануне отъезда.

– Не бери Афон с собой. Возьми Христа.

Тогда эти слова показались красивыми. Теперь они становились жизнью.

Святая Гора постепенно исчезала за горизонтом. Её очертания становились всё менее различимыми, пока наконец не растворились в лёгкой голубой дымке. Любой другой человек, наверное, сказал бы, что Афон остался позади. Но именно в эту минуту я понял: позади остаётся только место. Всё главное человек либо увозит с собой, либо никогда не приобретал.

Я стоял у борта ещё очень долго. Вокруг шумели паломники. Работали двигатели корабля. Кричали чайки. Ветер приносил запах моря. Всё это больше не мешало молитве. Потому что молитва уже перестала быть отдельным занятием, которое требовало особой тишины. Она стала тем незаметным обращением сердца ко Христу, которое продолжалось и в храме, и на дороге, и на корабле, и среди множества людей.

Только теперь я окончательно понял, что изменился не Афон. Он остался таким же, каким был тысячу лет назад. Изменился человек, который приехал искать молитву.

Он искал слова. А нашёл молчание.

Он искал способ молиться. А встретил Христа.

Он искал духовное делание. А открыл любовь.

И тогда всё то, что раньше называлось молитвой, постепенно стало самой жизнью.

Наверное, именно это и имели в виду святые отцы, когда говорили о непрестанной молитве. Она начинается не тогда, когда человек научился непрерывно произносить священные слова. Она начинается тогда, когда уже невозможно прожить ни одного дня без Христа. Когда любое дело становится служением. Любая встреча – возможностью любить. Любая скорбь – поводом довериться Богу. Любая радость – благодарением. Тогда сердце перестаёт переходить от молитвы к жизни. Потому что сама жизнь становится молитвой.

И, глядя на исчезнувшую за горизонтом Святую Гору, я впервые с полной ясностью понял: Господь привёл меня сюда вовсе не для того, чтобы я навсегда остался на Афоне.

Он привёл меня сюда для того, чтобы Афон навсегда остался в моём сердце.

В конце пути человек понимает удивительную истину: молитва не заканчивается словами, не исчерпывается правилом и не ограничивается храмом. Она продолжается до тех пор, пока сердце живёт перед Лицом Божиим. И тогда уже не человек ищет молитву – сама жизнь во

Христе становится непрестанной молитвой.

Эпилог. Паломничество продолжается

Прошло уже несколько месяцев после моего возвращения со Святой Горы.

Внешне жизнь почти полностью вернулась к прежнему течению. Те же богослужения. Те же люди. Те же ежедневные заботы, требующие внимания и сил. Снова нужно было принимать решения, отвечать на вопросы, разделять с людьми их скорби и радости, искать слова утешения, нести ответственность за тех, кого Господь доверил моему попечению. Иногда мне казалось, что Афон постепенно остаётся где-то далеко, словно прекрасный сон, который с каждым днём становится всё менее отчётливым.

Но однажды я неожиданно понял, что ошибался.

Исчезали воспоминания. Но не исчезало то, что они успели изменить.

Раньше мне казалось, что паломничество – это дорога к святому месту. Теперь становилось ясно: настоящее паломничество начинается именно тогда, когда человек возвращается домой. Пока он находится среди монастырей, старцев и древних святынь, многое поддерживает его извне. Но однажды Господь возвращает человека в обычную жизнь. И тогда открывается главный вопрос. Не что он увидел на Святой Горе. А что Святая Гора оставила в его сердце.

Иногда утром, ещё до начала богослужения, я открывал окно своей келлии. Совсем другие деревья шумели за окном. Не было больше афонских кипарисов. Не слышался шум Эгейского моря. Вместо узких горных троп лежали знакомые дороги родной земли. Но молитва уже не спрашивала, где находится человек. Она тихо продолжала жить. И тогда я понял слова старца, который сказал мне перед отъездом: «Не бери Афон с собой. Возьми Христа». Всё остальное действительно оказалось второстепенным.

Я всё чаще вспоминал своих афонских наставников. Не потому, что старался сохранить каждое их слово. Напротив, многие разговоры постепенно забывались. Но их жизнь продолжала говорить гораздо сильнее памяти. Иногда во время тяжёлого разговора с человеком мне вспоминалось спокойствие старца архондарика. Во время болезни – терпение больного монаха. Когда сердце начинало унывать – улыбка старого пчеловода. Когда вновь возвращалась рассеянность – молчание пустынника перед лампадой. Они словно незримо продолжали идти рядом, уже не как воспоминания, а как приобретённый опыт.

Постепенно я начал замечать ещё одну перемену. Раньше мне казалось, что молитва начинается тогда, когда открывается молитвослов или перебираются чётки. Теперь всё чаще она начиналась значительно раньше. Она начиналась в той минуте, когда сердце встречало другого человека. В решении промолчать вместо того, чтобы оправдываться. В желании простить, а не победить в споре. В благодарности за обычный день. В терпении собственной немощи. В доверии Богу тогда, когда ничего не понятно. Всё это оказалось продолжением той самой молитвы, которой учили старцы.

Однажды после вечернего богослужения ко мне подошёл молодой человек. Он долго молчал, потом спросил:

– Отче, скажите… можно ли научиться непрестанной молитве?

Этот вопрос сразу вернул меня в первые дни моего собственного путешествия. Когда-то именно с таким ожиданием я приехал на Святую Гору. Мне тоже казалось, что существует какая-то

особая ступень духовной жизни, после которой молитва уже никогда не прекращается.

Я не ответил сразу.

Перед внутренним взором один за другим прошли все месяцы, проведённые на Афоне.

Потом я спокойно сказал:

– Не начинай с непрестанной молитвы.

Он удивлённо посмотрел на меня.

– Начни с того, чтобы каждый день хотя бы несколько раз честно остановиться перед Богом.

Мы медленно пошли по монастырскому двору.

– Не ищи необыкновенных переживаний. Не измеряй себя каждый вечер. Не спрашивай, далеко ли ты продвинулся. Учись каяться, благодарить, терпеть, прощать и снова возвращаться ко Христу после каждого падения. Если человек остаётся верным этому пути, однажды он с удивлением обнаруживает, что молитва уже не приходит и не уходит. Она становится дыханием его жизни.

Молодой человек долго молчал.

Потом спросил:

– И это возможно каждому?

Я остановился.

– Каждому, кто перестанет жить прежде всего собой.

После этих слов мы ещё некоторое время шли молча. Мне вдруг стало ясно, что именно так завершился мой собственный разговор со старцами. Они никогда не обещали лёгкого пути. Они не говорили о быстрых духовных победах. Они просто учили каждый день жить перед Лицом Божиим. Всё остальное совершала благодать.

Теперь я всё реже вспоминаю Афон как место. Всё чаще – как состояние сердца. Иногда мне кажется, что настоящее путешествие только начинается. Оно продолжается каждый раз, когда человек выбирает смирение вместо самолюбия. Каждый раз, когда благодарит вместо ропота. Каждый раз, когда возвращается к молитве после рассеянности. Каждый раз, когда видит в ближнем образ Божий. Каждый раз, когда среди шума мира сердце вновь произносит имя Христово не по обязанности, а по любви. Тогда понимаешь удивительную вещь. Святая Гора никогда не была целью пути. Она была школой.

Школой, в которой Господь терпеливо учил сердце жить рядом с Ним.

И если ученик действительно услышал своего Учителя, то однажды весь мир становится продолжением этой школы. Каждая дорога превращается в паломничество. Каждый день – в новую страницу духовного пути. Каждая встреча – в возможность исполнить заповедь любви. Тогда уже не нужно искать особое место для молитвы. Всё творение становится храмом Божиим, а человеческое сердце – той лампадой, которая тихо горит перед Его Лицом.

Закрывая эти записки, я ясно понимаю: книга окончена.

Но путь продолжается. Потому что настоящая школа молитвы заканчивается только на страницах книги. В жизни она продолжается до последнего человеческого вздоха.

И, может быть, именно тогда исполнится то, к чему Господь незаметно вёл меня через встречи со старцами, через радости и скорби, через молчание и слова, через всё путешествие по Святой Горе: человек перестанет искать место, где легче молиться, потому что сам станет тем местом, где сердце непрестанно ожидает встречи с Богом.

Паломничество заканчивается у монастырских ворот. Путь ко Христу не заканчивается никогда. Пока сердце помнит Его, каждая дорога ведёт в Царство Божие, которое Господь однажды открывает внутри человека.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch